

ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845 (Print)

ISSN 2542-2081 (Online)

Периодичность выхода – 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с января 2006 г. С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты доктора и кандидата наук (рекомендован по следующим научным специальностям: 23.00.00 Политология, 08.00.00 Экономические науки, 13.00.00 Педагогические науки).

Миссия журнала – распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:

Каталог Агентства «Роспечать» <http://www.rospe.ru/>
Подписной индекс: **20054**

Розничная продажа

В университете книжном магазине «БукВышка»

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Телефон: +7 (495) 621-49-66, 628-29-60

Научный руководитель Я.И. Кузьминов
(НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Главный редактор М.В. Ларионова
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Российская Федерация)

Ответственный секретарь Е.А. Литвинцева
(НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Э. Бейкер (Королевский университет Белфаста, Великобритания)

Св. Бискуп (Королевский институт международных отношений «Эгмонт», Бельгия)

Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Российской Федерации)

Р. Вагенаар (Университет Гринингена, Нидерланды)

Я. Ваутерс (Лёвенский католический университет, Бельгия)

Го Шуюн (Шанхайский университет иностранных языков, КНР)

Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)

А.В. Кортунов (Российский совет по международным делам, Российской Федерацией)

Л.Л. Любимов (НИУ ВШЭ, Российской Федерацией)

Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)

Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российской Федерации)

А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Российской Федерацией)

И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Российской Федерацией)

П. Хайндал (Университет Торонто, Канада)

В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Российской Федерацией)

Л.И. Якобсон (НИУ ВШЭ, Российской Федерацией)

А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Российской Федерацией)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко

Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Телефон: +7 (495) 772-95-90 *23147 и *23149

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 66563 от 21.07.2016

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Тираж 500 экз.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2019

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal's mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:

Rospechat' <http://www.rospr.ru/>

Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.

1/20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation

Tel: +7 (495) 621-49-66, 628-29-60

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, Rector, HSE, Russian Federation

Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Professor, HSE; Head CIIR, RANEPA, Russian Federation

Ekaterina Litvinseva, *Executive secretary*, HSE, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Andrew Baker (Queen's University of Belfast, United Kingdom)
Alexander Sokolov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russian Federation)

Andrei Yakovlev (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)

Isac Frumin (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Jane Knight (University of Toronto, Canada)

John Kirton (University of Toronto, Canada)

Leonid Gokhberg (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Lev Lubimov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Lev Yakobson (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Peter Hajnal (University of Toronto, Canada)

Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)

Shuyong Guo (Shanghai International Studies University, China)

Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)

Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russian Federation)

Vladimir Shadrikov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko

Pre-Press – Yulia Petrina

Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics
17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation
Tel: +7 (495) 772-95-90 *23147 and *23149

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg. No. PI № FS 77 – 66563 (21.07.2016)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

500 copies

© National Research University
Higher School of Economics, 2019

Содержание

Д.Дж. Сноуэр

- На пути к изменению глобальной парадигмы:
как преодолеть кризис либерального миропорядка 7

М. Ревизорский

- Как избежать «мировой скорби»: глобальное управление
и двойной вызов будущему многосторонности 28

М.В. Ларионова, А.В. Шелепов

- «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи»
в глобальном экономическом управлении 48

И.М. Попова

- Восприятие международным академическим сообществом роли БРИКС
в системе институтов глобального управления 72

А. Мукхонадхъяй

- Изменения в международной торговле в условиях нестабильного миропорядка 89

И.В. Андronова, А.Г. Сахаров

- Вклад «Группы двадцати» в реализацию торговых задач
в рамках Целей устойчивого развития 112

А. Муратбекова

- Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? 138

Экспертное мнение

М.А. Конаровский

- ШОС и БРИКС: возможности и перспективы сопряжения 161

Т.А. Мешкова, В.С. Изотов, О.В. Демидкина

- Возможности использования стандартов и лучших практик ОЭСР
в евразийской экономической интеграции 172

Обзоры и рецензии

А.Г. Сахаров

- Обзор рабочего документа ОЭСР «Измерение влияния бизнеса
на благосостояние и устойчивость: обзор существующих систем и инициатив» 187

В.А. Мальцева, А.А. Мальцев

- Блокчейн и будущее международной торговли
(Обзор доклада «Может ли блокчейн революционизировать мировую торговлю?») 191

Content

<i>D.J. Snower</i>	
Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order	7
<i>M. Rewizorski</i>	
Running away from Weltschmerz: Global Governance and a Double Challenge for the Future of Multilateralism	28
<i>M. Larionova, A. Shelepor</i>	
The G7 and BRICS in the G20 Economic Governance	48
<i>I. Popova</i>	
International Academic Community's Perception of the BRICS Role in the System of Global Governance Institutions	72
<i>A. Mukhopadhyay</i>	
Shifting Trade Matrix in Turbulent World Order.....	89
<i>I. Andronova, A. Sakharov</i>	
G20 Contribution to the Trade-Related SDGs Implementation	112
<i>A. Muratbekova</i>	
Exploring the Shanghai Cooperation Organisation's Identity Crisis: What is Next?	138
Expert Opinion	
<i>M. Konarovskiy</i>	
SCO and BRICS Connectivity: Possibilities and Prospects.....	161
<i>T. Meshkova, V. Izotov, O. Demidkina</i>	
Applying OECD Standards and Best Practices in Eurasian Economic Integration.....	172
Articles and Book Reviews	
<i>A. Sakharov</i>	
Review of OECD Working Paper “Measuring the Impact of Businesses on People’s Well-Being and Sustainability: Taking Stock of Existing Frameworks and Initiatives”	187
<i>V. Maltseva, A. Maltsev</i>	
Blockchain and the Future of Global Trade (Review of the WTO Report “Can Blockchain revolutionize international trade?”).....	191

На пути к изменению глобальной парадигмы: как преодолеть кризис либерального миропорядка¹

Д.Дж. Сноуэр

Сноуэр Денис Дж. – PhD, президент Global Solutions Initiative (GSI); 180 Friedrichstraße, 10117, Berlin, Germany; E-mail: dennissnower@ifw-kiel.de

Содержание статьи можно кратко изложить следующим образом. Во-первых, кризис либерального миропорядка возникает из-за несбалансированности наших областей деятельности в социальной, экономической и политической сферах, а также из-за возникающей вследствие этого дестабилизации нашей физической среды. Интеграция мировой экономики породила проблемы, которые выходят за пределы нынешних границ нашего социального и политического сотрудничества. Во-вторых, расширение нашего социального сотрудничества, на основе которого можно расширить и политическое сотрудничество, требует создания соответствующих моральных нарративов. Эти нарративы должны определять бизнес-стратегии, государственную политику и гражданскую деятельность. В-третьих, эти нарративы должны быть дополнены многоуровневыми структурами управления, которые решают проблемы в микро-, мезо- и макромасштабах. Наконец, опыт человечества в разработке моральных нарративов, поддерживаемых многоуровневыми структурами управления, позволяет сформировать руководящие принципы будущей формы многосторонности, которая позволит нам справиться с указанной проблемой.

Ключевые слова: мировой порядок; кризис

Для цитирования: Сноуэр Д.Дж. (2019) На пути к изменению глобальной парадигмы: как преодолеть кризис либерального миропорядка // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 7–27 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-01.

Текст Д.Дж. Сноуэра «На пути к изменению глобальной парадигмы: как преодолеть кризис либерального миропорядка» переведен и опубликован с разрешения автора².

Вызов

Либеральный миропорядок находится в кризисе. Его симптомы распространены по всему миру: растущее разочарование либеральной демократией как инструментом выражения политических позиций, усиливающаяся критика капитализма как инстру-

¹ Перевод выполнен А.В. Шелеповым, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Автор глубоко признателен М.Э.Д. Герлиху, К. Келли, Р. Лэнгхаммеру и Д.С.Уилсону за обстоятельные комментарии, а также Т. Хоффманн и Я. Зогсу за неоценимую помощь в исследовании.

² Snover D.J. (2018) Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order. Режим доступа: <https://t20japan.org/policy-brief-toward-global-paradigm-change/> (дата обращения: 01.11.2019).

мента распределения и передачи ресурсов, усугубление экологических проблем, растущее недоверие к политическим и экономическим институтам (политические партии, национальные правительства, международные институты, корпорации, средства массовой информации и НПО), рост движений, основанных на идеологии национального и религиозного превосходства, усиление популизма и постепенный отказ от многосторонности.

Я утверждаю, что нынешний кризис мирового порядка является результатом столкновения парадигм в социальной, экономической и политической сферах человеческой деятельности, что имеет серьезные последствия для нашей физической среды. Преобладающая экономическая парадигма – рыночная глобализация – объединила мировую экономику, породив огромное материальное благосостояние, но и вместе с тем ряд сопутствующих проблем, от изменения климата до растущего неравенства и социальной напряженности. Напротив, преобладающие политические и социальные парадигмы, движимые национализмом, религиозной и этнической принадлежностью, фрагментируют наши лояльности.

Чтобы добиться прогресса в решении глобальных проблем, мы должны стремиться изменить наши социальные парадигмы в тех случаях, когда они дезадаптивны, а именно препятствуют нашему материальному и нематериальному процветанию, не позволяя решать проблемы, которые требуют социального сотрудничества в соответствующих масштабах. Затем мы должны стремиться привести экономические и политические парадигмы в гармонию с социальными парадигмами, способствующими процветанию.

Процветающие общества опираются на самоусиливающуюся социальную лояльность на различных уровнях: местном, региональном, национальном и транснациональном. Чтобы экономические и политические системы способствовали процветанию человечества, эти самоусиливающиеся социальные лояльности должны поддерживаться самоусиливающимися экономическими и политическими структурами во всех соответствующих масштабах, от локальных до глобальных. Другими словами, необходимое изменение парадигмы требует сопряжения экономической и политической сфер с хорошо функционирующей социальной сферой в соответствующих макро- и микромасштабах.

Эти цели основаны на хорошо известном понимании процесса многоуровневого отбора, который стимулирует эволюцию человеческих культур³. Люди – это успешный вид, поскольку они могут сотрудничать, чтобы приносить пользу друг другу, даже в ущерб индивидуальным интересам. В культурной эволюции процесс отбора существует не только на отдельных людей, но и на группы на разных уровнях. Группы, содержащие более высокую долю кооператоров, могут получить конкурентное преимущество перед группами эгоистичных индивидов, подобно тому, как успешно взаимодействуют группы клеток, составляющих организм. Принципиальное различие между культурным и биологическим отбором на разных уровнях заключается в том, что можно управлять идеями, правилами, нормами и ценностями, которые движут человеческими культурами. Это различие позволяет нам выполнить миссию по преобразованию социальной, экономической и политической сфер в целях содействия процветанию человечества.

Эта миссия имеет три далеко идущих последствия.

Во-первых, в социальной сфере широко признается, что у всех нас есть несколько социальных лояльностей: к нашим семьям, друзьям, коллегам, согражданам, прихожа-

³ См., например: [Wilson, 2015; Wilson, Wilson, 2007; Richerson, Boyd, 2006; Henrich, 2017; Turchin, 2016].

нам той же церкви и т.д. Они позволяют нам сотрудничать друг с другом в нескольких сферах и вести насыщенную, многогранную жизнь. Новая парадигма поощряет гармонию между множеством лояльностей, которая позволяет нам сотрудничать в масштабах, соразмерных вызовам, которые предлагает нам жизнь. Эти взаимодополняющие лояльности обычно основываются на моральных нарративах, поддерживаемых институтами, что приводит к получению личностью прав и возможностей, формированию социальной принадлежности и справедливому распределению выгод. В случаях, когда проблемы являются транснациональными, лояльности также должны быть транснациональными, чтобы патриотизм не вступал в конфликт с космополитизмом.

Во-вторых, политические лояльности должны быть увязаны с социальными, которые способствуют процветанию. Согласно новой парадигме, национализм служит национальным целям, тогда как страны сотрудничают на многосторонней основе для обеспечения глобальных общественных благ и управления глобальным достоянием. Эта новая форма многосторонности должна рассматриваться как средство обеспечения просвещенного национализма. В том же духе новый национализм может стать средством поддержки просвещенного регионализма, локализма и индивидуализма.

В-третьих, в экономической сфере глобализация не должна осуществляться в ущерб местным сообществам. Новая парадигма должна побуждать нас к созданию сильной местной идентичности, в то же время позволяя пожинать плоды специализации и передачи знаний, которые обеспечивает глобализация. Это подразумевает, что ни централизованное экономическое планирование, ни чистая политика невмешательства, скорее всего, не являются парадигмами, которые могут обеспечить устойчивое, инклюзивное и справедливое процветание. Необходима согласованная экономическая политика на микро-, мезо- и макроуровнях, дополняемая усилиями в политической и социальной сферах.

Для этого лидеры бизнеса должны ставить перед собой более широкие задачи, чем максимизация акционерной стоимости, а лица, определяющие экономическую политику, должны измерять свой успех не только уровнем ВВП. Поскольку новая парадигма признает конечной целью бизнеса и политики содействие процветанию человечества, она предполагает нечто большее, чем достижение неких агрегированных экономических результатов (таких как высокие темпы экономического роста). Большее, чем обеспечение справедливого распределения выгод этих результатов между заинтересованными сторонами. Помимо этих целей, новая парадигма побуждает бизнес и политику к обеспечению индивидуальных прав и возможностей (потребность людей самостоятельно определять свою судьбу собственными усилиями) и социальной солидарности (потребность людей быть интегрированными в сообщество, в которых они ощущают свою принадлежность и заботу о себе).

В целом новая парадигма приводит нас к новому социальному контракту, в котором социальная, экономическая и политическая деятельность больше не следуют своей собственной логике, продиктованной существующими институтами, правилами и нормами, а скорее взаимодействуют, чтобы служить нашим основным потребностям на соответствующих уровнях.

Три тектонических плиты человеческих отношений

Мы являемся свидетелями столкновения между тремя тектоническими плитами, на которых основаны человеческие отношения: (1) экономическая сфера, управляющая производством и обменом товарами и услугами, (2) политическая сфера, организующая распределение власти, и (3) социальная сфера, регулирующая наши социальные

взаимодействия. Человеческие дела процветают, а мы существуем в поддерживающих жизнь отношениях с нашей планетой, когда эти области находятся в гармонии, способствуя инклюзивному по отношению к человеку и устойчивому процветанию.

Это означает, во-первых, что границы общества должны в значительной степени совпадать с границами государства. Другими словами, каждой стране нужна достаточная социальная сплоченность для удовлетворения потребностей общества посредством политических процессов, отражающих интересы его членов. Только тогда граждане признают легитимность своих политических представителей. В странах с поляризованными обществами — независимо от того, вызвана ли поляризация неравенством в доходах, благосостоянии и образовании или разной степенью открытости для иностранцев, или наличием враждующих групп — становится трудно, а иногда невозможно установить легитимную власть. Социальная поляризация (измеряемая в терминах кластеров населения, когда люди, принадлежащие к одному кластеру, имеют сходные атрибуты, в то время как люди, принадлежащие к различным кластерам, имеют разные атрибуты) может привести к социальной напряженности и волнениям из-за несовпадения социальных и политических границ [Esteban, Ray, 1994].

Во-вторых, полезно, чтобы границы государственной политики в значительной степени совпадали с границами экономики. В таких условиях правительства могут контролировать правила, регулирующие экономическое взаимодействие, в соответствии с волей своих граждан. Когда границы экономики пересекают множество национальных границ, тогда и границы политики должны также пересекать их за счет многосторонних правил и норм. Иными словами, глобализация требует «полицентричного управления», то есть системы, в которой несколько органов управления взаимодействуют для выработки и обеспечения соблюдения правил, способствующих коллективным действиям [McGinnis, 1999; Carlisle, Gruby, 2017]. В противном случае неизбежно возникнут разногласия по вопросам регулирования экономической деятельности в отношении прав человека, прав трудящихся, вопросов окружающей среды, защиты потребителей и др.

Когда границы общества, государственной политики и экономики в целом совпадают, суверенитет индивида примиряется с суверенитетом экономики и суверенитетом нации (или другого политического образования). Эти вопросы суверенитета — права и власти управляющего агента над собой, без вмешательства других агентов — могут быть пояснены при помощи голосов. Например, демократическое государство работает по принципу «один человек — один голос». Капиталистическая экономика работает по принципу «один доллар — один голос»⁴. Эти два принципа голосования могут быть согласованы друг с другом только в том случае, если избиратели в стране поддерживают экономическую систему, которая вознаграждает людей в соответствии с их покупательной способностью. В демократическом государстве это может произойти только тогда, когда экономическая мобильность достаточно высока, чтобы дать всем людям возможность достичь приемлемой покупательной способности. Если границы общества, государственной политики и экономики существенно различаются, то проблемы суверенитета становятся неразрешимыми, и рано или поздно возникает конфликт.

Как показано в новой обстоятельной книге П. Колльера [Collier, 2018], многие социальные противоречия в развитых западных странах обусловлены пространственным, образовательным и моральным разрывом, который проявляется в социальной, политической и экономической сферах. Во многих странах средний класс выступает якорем для пересекающихся социальных, политических и экономических идентично-

⁴ Сравнение этих принципов голосования см. в [Mair, 2018].

стей и, таким образом, смягчает социальную напряженность. Следовательно, сокращение среднего класса может усилить социальную и политическую напряженность⁵.

Проблема

Кризис либерального миропорядка возник, потому что сместились три тектонических плиты человеческих отношений. Экономическая сфера объединила большую часть мира в единую интегрированную систему производства и обмена. Большинство товаров производится с участием нескольких стран. Глобализация производства сопровождается глобализацией рынков, что позволяет покупателям и продавцам связываться и конкурировать друг с другом по всему миру. По мере того как товары и услуги становятся все более взаимосвязанными, а последние еще и оказываются в электронной форме, их производство и обмен также становятся глобальными. Сегодняшние фабрики и торговые площадки — места, где производятся и обмениваются товары, — простираются через многочисленные национальные границы. Посредством торговли, финансовых потоков и прямых иностранных инвестиций мировая экономика связывает производителей и потребителей в интегрированные сети глобальных цепочек добавленной стоимости. Более того, производство и распространение знаний в экономической сфере также приобрело глобальный характер. Международное движение товаров, услуг и идей, в свою очередь, способствовало международному перемещению людей, хотя миграционные потоки по-прежнему сильно ограничены вследствие национального миграционного контроля.

Однако интеграция мировых экономик не сопровождалась интеграцией политической сферы и общества. Глобус разделен на множество национальных государств, каждое из них контролирует большинство инструментов своей политики. С ростом национализма границы этих национальных государств также создали более непреодолимые социальные границы. По мере того как этническая, религиозная и классовая идентичность становятся все более заметными, многие национальные государства сталкиваются с фрагментацией в социальной сфере.

Иными словами, границы экономики, государственной политики и общества постепенно отдаляются друг от друга. Это фундаментальная проблема нашего времени, причина кризиса либерального миропорядка. Она создает множество всеобъемлющих угроз, поскольку интеграция мировой экономики породила ряд проблем, которые также являются глобальными: изменение климата, финансовые кризисы, риски ядерного, биологического, химического и киберконфликта, социальные проблемы вследствие миграции, опасность пандемий, интернационализация экономической стагнации и неравенства и многие другие. Эти угрозы могут быть устранены только посредством международного сотрудничества, но этому сотрудничеству препятствует фрагментация в политической и социальной сферах.

Постепенно растет осознание того, что парадигма глобального управления должна измениться, если мы хотим обеспечить мир и процветание. Нынешние институты в области глобальных отношений — ООН, МВФ, Всемирный банк — охватывают широкий спектр взаимосвязанных областей при практически полном отсутствии координации между ними. Такая система международного управления не подходит для гармонизации в экономической, политической и социальной областях.

---

⁵ См., например: [Birdsall et al., 2000].

Предложение

Что необходимо сделать?

Чтобы добиться прогресса в сопряжении экономической, политической и социальной сфер, нам необходимо обратиться к истокам и выяснить, как человечеству удавалось масштабно сотрудничать в прошлом. Это не первый случай в истории человечества, когда Homo sapiens нужно решать проблемы, которые требуют расширения границ сотрудничества. На самом деле, главная причина того, почему люди стали настолько успешны в эволюционном процессе, заключается в нашей способности сотрудничать друг с другом, даже не являясь родственниками. Как мы исполняли этот трюк в прошлом?

Первоначально наша способность использовать язык имела решающее значение для выстраивания перспективного сотрудничества, но язык сам по себе объясняет лишь часть наших способностей к сотрудничеству. Язык повышает способность приобретать репутацию вследствие сотрудничества, побуждая других сотрудничать с нами. Но максимальный размер группы, которая полагается на передачу информации из уст в уста для формирования доверия, составляет около 150 человек.

Чтобы создать более крупные группы, такие как большие многонациональные компании, нации, религии и сети торговли, то есть сообщества, которые могут включать в себя миллионы человек, мы должны были сформировать то, что не удалось, по-видимому, ни одному живому существу: моральные нарративы, поддерживаемые институтами многоуровневого управления. Моральные нарративы создали социальные идентичности для групп нужного размера. Институты многоуровневого управления позволили различным группам сотрудничать друг с другом. Рассмотрим каждый из этих элементов.

Моральные нарративы, определяемые моральными ценностями

Как нарративы могут побудить людей воспринимать себя частью более крупного социального целого, стимулируя их сотрудничать друг с другом посредством принятия дифференцированных социальных ролей? Центральная движущая сила заключается в моральных ценностях. Эти ценности различают добро и зло как цели поведения и определяют кодексы поведения, отличающие правильное от неправильного. Они имеют нормативную силу, побуждающую нас действовать определенным образом. Их целью является обеспечение социального сотрудничества, выходящего за рамки собственных интересов индивидов.

Моральные нарративы позволили человечеству расширить масштабы кооперации с семьи до племени, до деревни, до города-государства, а затем до империй и национальных государств. Теперь нам нужны нарративы, которые позволят расширить социальные и политические границы для решения глобальных проблем, возникающих в результате функционирования глобальной экономики. Генетическое и культурное эволюционное прошлое еще не дало нам ментальных ресурсов для стремления к глобальному сотрудничеству. Напротив, мы склонны искать поддержку в социальных группах ограниченного размера. Эти социальные группы, часто следующие национальным, культурным, религиозным и профессиональным границам, структурируют нашу идентичность и тем самым помогают определить нашу готовность сотрудничать друг с другом. Цели этих групп слабо координируются как централизованно, через международные организации, так и децентрализованно. Наши местные принадлежности более

эмоционально удовлетворительны, чем глобальные. Масштаб рынка превышает масштабы идентичностей, которые мы способны формировать. Таким образом, масштаб наших проблем превышает возможности нашего сотрудничества.

Наши моральные ценности можно рассматривать как психологические адаптации, позволяющие эгоистичным личностям пользоваться преимуществами сотрудничества. Глобализация и современные ИКТ позволяют социальным группам контактировать друг с другом в беспрецедентных масштабах. Наша генетически и культурно обусловленная мораль не подготовила нас к сотрудничеству такого масштаба. Чтобы получать устойчивые материальные выгоды от глобализации, необходимо широкое социальное одобрение многих национальных и культурных групп. Формирование такого одобрения требует справедливого распределения материальных благ между этими группами в экономической сфере, готовности сотрудничать, несмотря на национальные границы, в политической сфере и наличия общего дела для культурных групп в социальной сфере. До настоящего времени процесс глобализации не регулировался соответствующим образом.

Следовательно, наша задача сейчас заключается в создании новых моральных нарративов, затрагивающих локальные, региональные, национальные и глобальные проблемы. Эти нарративы должны укреплять местную идентичность в соответствии с традиционными социальными потребностями людей и локальными проблемами, а также формировать более широкую идентичность, соответствующую более масштабным проблемам. Уже предпринимались различные попытки создать нарративы, которые формируют глобальные идентичности, такие как Всеобщая декларация прав человека, Хартия Земли и т.д. Вклад в создание мотивов, норм и подходов, благоприятствующих формированию общечеловеческой идентичности (через искусство, право, образование, политику, институциональные структуры, личностную трансформацию), имеет большее значение, чем принято считать.

Поскольку мы сейчас проживаем жизнь, обладая множеством идентичностей на разных уровнях социальной агрегации (в отношении наших семей, профессий, хобби, наций, этнических групп, религий), мы должны стремиться объединить эти идентичности с более масштабными, достаточными для решения наших глобальных проблем посредством взаимозаменяемых перспектив и начал Заботы. Это может дать старт благотворному циклу ценностей, включая Заботу, Взаимную справедливость, Авторитет и Лояльность, который определяет индивидуальные идентичности, дополняющие нашу глобальную идентичность.

Конечно, не все аспекты нашей индивидуальной идентичности сохранятся во взаимодействии с нашей глобальной идентичностью. Все спорные, наполненные ненавистью, бесчеловечные аспекты должны отойти на второй план. Такое активное определение индивидуальной идентичности можно подозревать в противоречии нашим индивидуальным свободам. Однако люди во всем мире уже признают желательность таких социальных вмешательств для решения того, что философ и нейробиолог Дж. Грин [Greene, 2013] называет «проблемами я-мы», то есть проблемами ограничения наших индивидуальных интересов в пользу социальных групп. Процесс глобализации и революция в области ИКТ значительно расширили масштабы «проблем мы-они», то есть проблем контроля собственных интересов наших групп в пользу межгруппового сотрудничества.

Человечество прежде уже совершало подвиги всесторонней Заботы. Например, когда рабство превратилось из приемлемой формы международного бизнеса в повсеместно признанное зло. Основной движущей силой этой трансформации была смена перспективы. Благодаря таким книгам, как «Хижина дяди Тома», искусству, по-

литической активности и сообщениям в СМИ люди во всем мире постепенно стали считать рабов существами, обладающими высокими внутренними ценностями, и это в конечном счете привело к криминализации рабства. Кризис, связанный с беженцами в Европе, следует рассматривать как прекрасную возможность инициировать образовательные, правовые и культурные инициативы, необходимые для смены перспективы на основе выхода за пределы нынешних национальных, культурных и религиозных границ.

Расширение кругов принадлежности – посредством нарративов, социальных норм, образования, законов и институтов – сейчас является главной задачей людей, которая стала заметна из-за распространения «проблем без границ». Решение этой задачи будет трудным, поскольку наши моральные инстинкты больше подходят для решения «проблем я-мы», чем «проблем мы-они». Несмотря на международное осуждение рабства, по оценкам ООН, сегодня объектами работорговли по-прежнему являются от 27 до 30 млн человек.

Учитывая нашу склонность к концептуальной разобщенности и приписыванию ситуативным ограничениям людей связи с их характером и предрасположенностью, многие все еще не считают расширение социальной принадлежности очевидным благом. Кроме того, отношения принадлежности, особенно в отсутствие справедливости, взаимности и рационального соотношения целей и средств их достижения, очевидно уязвимы для фрирайда и эксплуатации, например, в случае, когда хакеры получают доступ к учетным записям электронной почты людей, а затем выпрашивают деньги у друзей и родственников из их адресных книг. Расширение кругов принадлежности может быть особенно трудным, когда ее уровни вступают в конфликт, например, когда семейная принадлежность вредит племенной, племенная принадлежность вредит национальной или национальная принадлежность вредит интересам мирового сообщества.

Интеграция глобальной экономики и наше все более негативное влияние на глобальную среду требуют развития моральных нарративов, побуждающих к сотрудничеству в беспрецедентно больших масштабах. При этом надо сохранить наше чувство принадлежности на микроуровне, необходимое для решения проблем локального масштаба.

Многоуровневое управление

Но это еще не все. В прошлом, когда нам удавалось расширять социальные границы, мы делали это с помощью институтов многоуровневого управления. Такие институты позволяют локально сплоченным социальным группам сотрудничать друг с другом на региональном уровне, создавая тем самым региональную принадлежность, которая может быть слабее локальной, но достаточной для решения региональных проблем. Другие институты позволяют региональным группам сотрудничать друг с другом на национальном уровне, создавая тем самым национальную принадлежность. Помимо этого, наши глобальные проблемы требуют существования международных институтов, способствующих многостороннему сотрудничеству. Такая многосторонность является политически устойчивой, если создает многостороннюю принадлежность, которая может быть слабее национальной, но достаточна для решения глобальных проблем.

Многоуровневое управление, подкрепленное моральными нарративами, имеет важное значение для установления устойчивого сотрудничества на различных уровнях (местном, региональном, национальном и глобальном), соответствующих уровням на-

ших проблем. Поразительно, что это многоуровневое управление, по сути, повторяет многоуровневый отбор, который занимает важное место в анализе культурной эволюции [Boyd, Richerson, 1985; Richerson, Boyd, 2006; Henrich, 2015]. Теория многоуровневого отбора предполагает, что группы людей могут иметь функциональную организацию, аналогичную группам клеток, составляющих каждого человека. Социальные нормы и институциональные структуры управления могут служить для уменьшения различий и конкуренции на индивидуальном уровне, тем самым сдвигая отбор на групповой уровень. Таким образом, в процессе эволюции отбор может происходить на индивидуальном и различных групповых уровнях. Принципы, необходимые для процветания групп в эволюционном процессе, аналогичны принципам, необходимым для преуспевания отдельных людей. Д.С. Уилсон пишет: «На всех уровнях должны существовать механизмы, которые координируют правильные типы действий и предотвращают разрушительные формы корыстного поведения на более низких уровнях организации» [Wilson, 2015]. У людей существуют индивидуальные и социальные потребности, и они способны удовлетворить эти потребности эгоистичным и кооперативным поведением, но эти типы поведения часто противоречат друг другу. Д.С. Уилсон и Э.О. Уилсон объясняют: «Эгоизм побеждает альтруизм внутри групп. Альтруистические группы побеждают эгоистичные группы. Все остальное – комментарии» [Wilson, Wilson, 2007]. Историю человеческого сотрудничества можно рассматривать как борьбу между эгоистичным индивидуализмом и групповой социальностью.

Э. Остром [Ostrom, 1990; 2010a; 2010b] определила восемь основных принципов, которые позволяют социальным группам избежать «трагедии общин» за счет устойчивого использования общих ресурсов. Эти принципы охватывают социальные, экономические и политические отношения. Во-первых, у группы должны быть сильное чувство социальной идентичности и общая социальная цель. Во-вторых, распределение выгод и издержек должно быть справедливым. В-третьих, процесс принятия решений в группе должен считаться инклузивным и справедливым. В-четвертых, индивидуальное поведение нужно контролировать, чтобы иметь возможность обнаруживать фрирайд. В-пятых, ненадлежащее поведение надо наказывать посредством дифференцированных санкций. В-шестых, конфликты следует решать быстро и справедливо. В-седьмых, группы должны иметь полномочия организовывать свои собственные дела, чтобы их решения воспринимались как инклузивные и справедливые. И, наконец, должна быть налажена надлежащая координация между группами в соответствии с «полицентрическим управлением». Эти основные принципы являются хорошей отправной точкой для формирования многоуровневого управления, которое будет способствовать сотрудничеству людей на различных уровнях, на которых возникают локальные, региональные, национальные и глобальные проблемы.

По мере того как наши проблемы становятся все более взаимосвязанными и масштабными, мы сталкиваемся с проблемой создания структур многоуровневого управления, опирающихся на моральные нарративы и действующих в еще больших масштабах. Именно в этом будущее многосторонности.

В процессе развития новых форм многосторонности нам надо переосмыслить будущее демократии и капитализма.

Последствия для изменения глобальной парадигмы

Три сферы человеческой деятельности – экономическая, политическая и социальная – служат развитию сотрудничества, противодействию эгоизму и фрирайду.

Для выполнения этой задачи в каждой из сфер необходимо ответить на два элементарных вопроса:

1. Индивидуальные потребности: какие человеческие потребности следует принимать во внимание?
2. Межличностные сравнения: как сравнивать потребности разных людей при проведении государственной политики?

Ответ на первый вопрос многогранен. У людей есть различные потребности, некоторые из них индивидуальные, а некоторые – социальные. Наши социальные потребности удовлетворяются моральными ценностями, причем разные потребности связаны с разными ценностями. Например, в терминах ценностей, определенных Дж. Хайдтом и его коллегами⁶, «забота» позволяет нам защищать нашу семью и друзей и заботиться о них, «справедливость» позволяет нам использовать синергию в партнерских отношениях, а «лояльность» позволяет формировать сплоченные коалиции. «Авторитет» порождает синергетические отношения в рамках иерархий, а «неприкословенность» побуждает нас избегать загрязнителей и стремиться к поддержанию здоровья.

Что касается второго вопроса, мир сталкивается с противоречием между тремя точками зрения – противоречием, которое возникло вследствие отрыва политической и экономической сфер от социальной сферы. Экономическая наука, поскольку в ней доминирует концепция *Homo economicus*, заложила основу для такого разделения, так как *Homo economicus* руководствуется исключительно рациональным стремлением к удовлетворению эгоистичных, материалистических потребностей. Три точки зрения на межличностные сравнения благосостояния соответствуют трем сферам: социальной, политической и экономической.

В социальной сфере люди связаны друг с другом в рамках социальных сетей, что может приводить к сотрудничеству, позиционной конкуренции и агрессивным конфликтам. Эти сети обычно движимы моральными нарративами, объединяющими моральные ценности и нормы, а также институтами, созданными для реализации социальных целей. Сети создают идентичности, связанные с социальными ролями в них. Социальные и институциональные силы, поддерживающие сети, порождают награды и наказания, которые часто становятся устойчивыми после своего создания и, следовательно, неспособны к быстрой адаптации при изменении физического и социального контекста. Следовательно, социальные сети могут быть как адаптивными (удовлетворять социальные потребности человека в преобладающих контекстах), так и дезадаптивными. Адаптивные сети обычно способствуют сотрудничеству между людьми в тех масштабах, в которых возникают возможности и угрозы для этих людей; дезадаптивные сети неспособны к этому и могут привести к возникновению пагубных конфликтов.

В политической сфере, как отмечалось, межличностные сравнения благосостояния осуществляются в простой форме в демократических государствах, где все индивидуумы рассматриваются одинаково в соответствии с принципом «один человек – один голос». Этот принцип поддерживается деонтологической этикой Канта, подчеркивающей равную врожденную ценность каждого человека. Но существуют и другие этические основы государственной политики, как согласующиеся с принципом равной врожденной ценности всех людей, так и противоречащие ему. Согласно утилитарной этике Бентами, каждый человек должен быть взвешен по своей полезности с целью достижения «наибольшего счастья наибольшего числа» людей в экономическом, политическом и социальном смысле. Согласно этике Ролза, каждый человек имеет равное право на самые широкие основные свободы (принцип наибольшей равной свободы),

⁶ См., например: [Haidt, Joseph, 2004; 2010; Haidt, 2012].

а проблемы социального и экономического неравенства должны решаться таким образом, который приносит выгоды наименее обеспеченным членам общества (принцип дифференциации). Такое разнообразие моральных основ государственной политики обеспечивает возможность для несоответствия моральных нарративов политики моральным нарративам общества.

В экономической сфере капиталистическая экономика подразумевает межличностные сравнения благосостояния, которые в значительной мере противоречат вышеизложенным взглядам. Капиталистическая экономика оценивает людей с точки зрения их покупательной способности, так как богатые люди имеют больший доступ к товарам и услугам.

Поскольку капиталистическая экономика играет важную роль во многих институтах глобального управления, полезно сравнить экономические и социальные взгляды (табл. 1). Такое сравнение может указать, как должна измениться глобальная парадигма, чтобы привести экономическую и социальную сферу к большей согласованности и тем самым выйти на рекомендации для будущей политики.

Таблица 1. Сравнение экономических и социальных взглядов

	Эгоистичный материализм	Холизм
Индивидуальные потребности	Homo economicus	Homo psycho-socialis
Межличностные сравнения	Акционерный капитализм	Капитализм общественных целей

Источник: составлено автором.

Две строки таблицы связаны с двумя вышеизложенными вопросами. В двух колонках проводится различие между эгоистичным материалистическим акцентом (человеческие потребности, ориентированные на потребление товаров и услуг, межличностные сравнения с точки зрения покупательной способности) и холистическим (охватывающим более широкую концепцию человеческих потребностей, нематериалистические межличностные сравнения благосостояния). Homo economicus ограничивается материальными потребностями, в то время как Homo psycho-socialis имеет широкий спектр человеческих потребностей (материальных и нематериальных, индивидуальных и социальных). Акционерный капитализм основан на материалистических межличностных сравнениях благосостояния, как с точки зрения акцента на потреблении товаров и услуг, так и с точки зрения максимизации акционерной стоимости. Напротив, капитализм общественных целей основан на бизнесе, движимом четко определенными социальными целями.

Пока бизнес и политика были тесно связаны с локальными социальными сетями, гармонизация социальной, экономической и политической сфер происходила совершенно естественно. Многие крупные инновации в бизнесе и политике за последнее столетие – создание общинных банков, кредитных союзов, кооперативов, обществ взаимопомощи, местных советов – стали реакцией на социальные проблемы. Но с прогрессом глобализации и финансовой интеграции мировой экономики экономическая сфера постепенно отделялась от социальной. Политическая сфера оказалась «разорванной» между фрагментированными лояльностями социальной сферы и мировой интеграцией экономической сферы. Многие из существующих в мире социальных, экономических и политических проблем являются следствием этого разделения.

Чтобы привести экономическую сферу в гармонию с социальной, наш тип мышления относительно экономической деятельности (как в бизнесе, так и в политике)

должен сместиться от эгоистичного материализма к холизму. В экономике это будет означать переход от моделей, основанных на *Homo economicus*, к моделям, в которых учитывается более широкий круг психосоциальных потребностей. В государственной политике это потребует перехода от экономических целей, ориентированных на ВВП, к более широким концепциям благосостояния людей («за пределами ВВП»). Такие оценки благосостояния уже становятся все более распространеными, например, Индекс лучшей жизни ОЭСР, Индекс устойчивого экономического благосостояния, Индикатор подлинного прогресса, Индекс инклузивного благосостояния, Индекс человеческого развития, Взвешенный индекс социальных индикаторов и многие другие. В частности, был достигнут значительный прогресс в измерении не только экологической устойчивости, но и социальной сплоченности⁷. Если серьезно воспринимать эти показатели благосостояния при разработке государственной политики, социальная сфера может стать более важной в процессе принятия политических решений, а демократический политический процесс сможет лучше реагировать на проблемы общего блага (в отличие от поляризующего давления, которое возникает в результате деятельности многих популистских движений). Этот процесс будет включать не только использование показателей, которые скорректируют ВВП с учетом экологических и социальных воздействий экономической деятельности⁸, но также и показатели, которые дополнят ВВП⁹ или заменят его¹⁰. При этом политики должны будут полагаться не только на оценки экономистов¹¹, но также социологов¹² и психологов¹³.

В бизнесе это будет означать переход от корпораций, которые максимизируют акционерную стоимость, к корпорациям, которыми движут социальные цели. К. Майер в своей новой книге «Процветание» пишет, что «просвещенные корпорации... выполняют поставленную задачу, уравновешивая и интегрируя шесть различных компонентов капитала, участвующих в их деятельности: человеческий капитал (работников, поставщиков и покупателей), интеллектуальный капитал (знания и понимание), материальный капитал (здания и оборудование), природный капитал (окружающую среду, землю и природу), социальный капитал (общественные блага, доверие и социальную инфраструктуру) и финансовый капитал (акционерный капитал и долги)» [Mayer, 2018]. Для реализации этой задачи «корпоративное законодательство должно быть переформулировано таким образом, чтобы появилась возможность требовать от корпораций четкой артикуляции своих целей, пересмотра фидuciарной ответственности советов директоров за достижение заявленных ими целей, составления отчетности, которая измеряла бы их эффективность в отношении этих целей, и внедрения мер стимулирования, отражающих успех в их достижении» [Ibid.].

⁷ См., например: [Chan et al., 2005; Bottani, 2018].

⁸ Например, Индекс устойчивого экономического благосостояния, Зеленый ВВП, Показатель реальных сбережений (Genuine Savings) и Показатель экономического благосостояния (Measure of Economic Welfare).

⁹ Например, Цели устойчивого развития, Индикаторы устойчивого развития, Система эколого-экономического учета.

¹⁰ К ним относятся показатели счастья и удовлетворенности жизнью, а также другие показатели, такие как Индекс экологической устойчивости, Индекс человеческого развития, Экологический след и Международный индекс счастья.

¹¹ Например, Индекс устойчивого экономического благосостояния и Показатель экономического благосостояния.

¹² Например, Индекс человеческого развития, Индекс социального прогресса и Индекс физического качества жизни.

¹³ Например, показатели счастья, индекс «Счастливые годы жизни» и Индекс личного благополучия.

Эти и многие другие изменения¹⁴ в государственной политике и бизнесе должны осуществляться в увязке друг с другом, чтобы каждое из них стало эффективным и устойчивым. Кроме того, экономические преобразования должны сопровождаться дополняющими политическими преобразованиями, которые поддержат их. Чтобы привести в гармонию социальную, экономическую и политическую сферы, крайне важно учитывать уроки нашей прошлой культурной эволюции. Это означает необходимость продвижения изменений через моральные нарративы, поддерживаемые многоуровневыми структурами управления.

Целесообразность многоуровневого управления подразумевает, что нежелательно стремиться к суверенитету в первую очередь на национальном уровне, так же как нежелательно стремиться к суверенитету в первую очередь на уровне институтов международного управления. И национализм («первым делом – моя страна»), и глобализм (мировое правительство в виде международных организаций) приводят к заблуждениям. Точно так же нежелательно, чтобы полномочия по принятию экономических решений находились в основном у частных экономических агентов (политика невмешательства) или правительства (централизованное планирование). В том же духе мы должны избегать идентичностных монокультур, определяя себя в первую очередь с точки зрения одной социальной группы, будь то религиозная, национальная, этническая, гендерная, классовая, профессиональная или какая-либо другая.

Напротив, нынешний кризис либерального миропорядка требует многоуровневого подхода в социальной, экономической и политической сферах. В социальной сфере мы должны стремиться к множеству идентичностей, которые побуждают нас сотрудничать на соответствующих уровнях: на локальном – для сохранения районов, на региональном – для решения проблем миграции, на глобальном – для борьбы с изменением климата. В экономической сфере нашей целью должно быть распределение полномочий по принятию решений: принятие решений о частном потреблении – на индивидуальном уровне, по программам обновления сельских и городских районов – на мезоуровне, по макроэкономической политике – на национальном уровне. Подразумевается, что нашей целью в политической сфере должно быть многоуровневое управление, которое продвигает многоуровневую экономическую политику и соответствует нашей развивающейся многоуровневой идентичности. Поскольку наши локальные идентичности порождают особенно значимые связи принадлежности, крайне важно, чтобы экономические и политические решения более высокого уровня отражали интересы местных общин. Многоуровневая экономика и политика хорошо функционируют, когда соответствующие процессы идут «снизу вверх».

На пути к новой парадигме

У нас есть веские основания полагать, что управление развивается по указанным направлениям. Мы живем в мире международных институтов, функционирующих «сверху вниз» и децентрализованных инициатив, функционирующих «снизу вверх». После Второй мировой войны сформировались политические межправительственные организации, занимающиеся различными глобальными проблемами: Организация Объединенных Наций, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Всемирная торговая организация, Всемирная организация здравоохранения, Международный уголовный суд, Интерпол,

¹⁴ Спектр других желательных изменений описан в [Kelly, 2019].

Международный орган по морскому дну, Всемирная таможенная организация, Организация по запрещению химического оружия, Группа ядерных поставщиков, Международное энергетическое агентство, Международная комиссия по пропавшим без вести лицам и многие другие.

Существуют также различные культурные межправительственные организации, такие как Содружество наций, Содружество португоязычных стран, Франкофония и т.д. Также наблюдается рост числа международных неправительственных организаций (НПО), таких как Международный комитет Красного Креста, организации «Врачи без границ», «Гринпис» и др.

Много организаций работают на мезоуровне. Они объединяют инициативы «сверху вниз» и «снизу вверх». К ним относятся Amnesty International, Transparency International, Глобальный экологический фонд, Международная организация по миграции, Банк международных расчетов, различные банки развития, региональные организации на всех континентах и круглые столы мэров городов. Сотрудничество между городами стало основным источником многостороннего сотрудничества, что подтверждает пример Альянса городов-лидеров в области климатического финансирования [Climate Initiatives Platform, n. d.]. Города также являются важным связующим звеном между политической, бюрократической и социальной сферами¹⁵. Кроме того, существуют местные инициативы по развитию городов, направленные на удовлетворение социальных потребностей, такие как проект развития «Сайгон-Юг»¹⁶.

Поскольку эти организации обладают определенными полномочиями по принятию решений, очевидно, что на практике мы далеко ушли от мира суверенных наций. Но усилия множества международных организаций обычно не скординированы друг с другом. Эти организации также не уделяют систематического внимания согласованию между экономической, политической и социальной сферами, которое должно иметь место, чтобы международное сотрудничество было устойчивым и легитимным.

Вместо этого нынешняя парадигма глобализации все еще находится в ловушке неуместной веры в «невидимую руку» в отношении трех сфер на глобальном уровне. Согласно этому убеждению, лица, принимающие решения в экономической, политической и социальной сферах, имеют разные обязанности, и при выполнении этих обязанностей «невидимая рука» будто бы направляет их к продвижению глобальных общественных интересов. В частности, ответственность граждан заключается в том, чтобы преследовать свои материальные интересы (что означает максимизацию индивидуальной полезности за счет потребления), ответственность компаний – это ведение бизнеса (то есть максимизация прибыли и акционерной стоимости), ответственность национальных и субнациональных институтов политического управления состоит в том, чтобы преследовать свои конкретные политические цели (например, задачи различных министерств в правительстве), а ответственность международных организаций – преследовать определенные транснациональные и международные цели (опять-таки разделенные между различными центрами принятия решений, как, например, экономические для МВФ и Всемирного банка и социальные для ВОЗ и МУС). Нынешние трудности в обеспечении глобального сотрудничества для борьбы с изменением климата, финансовыми кризисами, решения проблем кибербезопасности и многих

¹⁵ См., например: [Landry, Murray, 2008] о «городской психологии» и инициативе «Сделать города социально сплоченными» Международной федерации жилищного и городского строительства.

¹⁶ В [Kriken, 2017] перечислены девять принципов проектирования: доступность, устойчивость, открытое пространство, плотность, стимулы, разнообразие, совместимость, адаптивность и идентичность.

других, а также сложности в преодолении растущей социальной напряженности во многих странах свидетельствуют о несостоительности идеи полагания на «невидимую руку» для координации действий лиц, принимающих экономические, политические и социальные решения на микро-, мезо- и макроуровнях.

Новая парадигма, в которой многоуровневая социальная принадлежность должна сочетаться с многоуровневыми политическими и экономическими структурами, призвана содействовать более глубокому согласованию обязанностей в социальной, экономической и политической сферах. После глобального экономического и финансово-кризиса 2008–2009 гг. для многих потребителей стало очевидным, что они несут ответственность не только за собственное материальное процветание, и им необходимо принять на себя больше ответственности за окружающую среду и свои сообщества. Точно так же многие лидеры бизнеса осознали, что они должны стремиться не только к максимизации акционерной стоимости, но и уделять больше внимания благополучию своих работников, окружающей среде и местным сообществам, в рамках которых они ведут свою деятельность. В политической сфере также становится все более очевидной необходимость гармонизации властных отношений в политической, экономической и социальной сферах.

Необходимость большего масштаба согласования ответственности ясно иллюстрируется проблемами, с которыми сталкиваются политики ЕС. Европейский союз начался со сосредоточения на «экономическом проекте»: создании единого европейского рынка. Концепция этого рынка постепенно распространялась на «четыре свободы», а именно на свободное перемещение товаров, капитала, услуг и рабочей силы [ЕС, п. д., а]. Для решения возникающих проблем ЕС все больше и больше посвящал себя «политическому проекту», включающему развитие политических институтов, таких как Европейский парламент, Европейский совет, Совет ЕС, Европейская комиссия, Суд ЕС, Европейский центральный банк и Счетная палата, а также широкий спектр децентрализованных агентств. В ответ на возникающие социальные проблемы ЕС прилагал больше усилий к реализации своего «социального проекта». Европейский социальный фонд, первоначально созданный в соответствии с Римским договором об учреждении ЕЭС 1957 г. [ЕС, п. д., б], в настоящее время уделяет все больше внимания социальной сплоченности – улучшению доступа к занятости для людей всех возрастов и профессий, поддержке социальной интеграции лиц из неблагополучных групп населения, содействию доступу к профессиональному обучению, обучению в течение всей жизни и начальному образованию для детей из неблагополучных семей, а также продвижению государственных услуг, чтобы сделать государственные органы более прозрачными и доступными для граждан. Политический акцент на социальной сплоченности также порождает новые усилия по ее измерению с целью оценки социальных последствий политики¹⁷.

Преодолеть недостаточную легитимность, которая обычно приписывается политическим институтам ЕС, – например, большинство европейцев гораздо более лояльны своим национальным представителям, чем депутатам Европарламента, – можно только путем приведения социальной лояльности европейцев в соответствие с политическими инициативами на уровне ЕС. Иными словами, политическая легитимность должна возникать в результате объединения социальных и политических обязательств.

Поскольку люди в разных географических регионах имеют разные социальные нормы, ценности и идентичности, разные страны оправданно создают самостоятельные экономические и политические сферы, функционирование которых направлено

¹⁷ См., например: [Aket et al., 2011; Dicke, Valentova, 2013].

на удовлетворение различающихся социальных потребностей. Чтобы дать различным странам возможность сотрудничать в экономической и политической сферах, справедливо распределять потенциальные выгоды от торговли и решать глобальные проблемы, такие как изменение климата, отдельные национальные экономические и политические системы должны включаться в международное сотрудничество. Это означает, что реализация принципа «первым делом – моя страна» обычно требует многостороннего сотрудничества для использования многосторонних возможностей и решения многосторонних проблем. В новой парадигме должны быть четко определены роли и обязанности местных, национальных и международных институтов, чтобы люди могли решать проблемы, с которыми они сталкиваются, посредством сотрудничества в соответствующем масштабе.

Многосторонние институты должны быть четко определены как механизмы решения многосторонних проблем, выходящих за рамки отдельных стран. Точно так же национальные институты должны стать инструментом решения национальных проблем, которые выходят за рамки компетенции лиц, принимающих решения на региональном и местном уровнях. В тех случаях, когда местные и региональные лояльности сильны, новая парадигма должна уважать принцип субсидиарности, заключающийся в том, что политические институты выполняют только те задачи, которые не могут быть выполнены на локальном уровне. Образовавшиеся сети сотрудничества можно характеризовать как «глокализацию», сочетающую глобальные и местные принадлежности. Этот многоуровневый подход к процветанию человека в рамках новой парадигмы позволит трансформировать конфликтный национализм в обоюдоконструктивный патриотизм¹⁸.

Последствия для «Группы двадцати»

Указанное изменение парадигмы имеет серьезные последствия для разработки и реализации политики в рамках «Группы двадцати». Для широких слоев общественности «двадцатка» стала голосом многонациональных групп интересов, которым все больше и больше не доверяют по мере того, как глобальный экономический рост все меньше ассоциируется с локальным процветанием. Во многих политических кругах «двадцатка» рассматривается как голос многосторонности в противоположность национализму, глобального, а не национального управления, наднационального, в отличие от национального, суверенитета. Следствием этого являются вызывающие тревогу повторения протестов против глобализации на саммитах «двадцатки» и расширяющаяся националистическая реакция против глобальных соглашений по изменению климата, миграции и другим глобальным проблемам.

Новая парадигма рассматривает «Группу двадцати» в другом свете. Она призывает «двадцатку» использовать свои уникальные возможности (способность определять глобальную повестку дня и влиять на глобальные нормы; доступ к политикам, экспертам и представителям гражданского общества; экономическое и политическое влияние на международном и национальном уровнях) для создания рамочной основы многоуровневого управления, стимулирующей сопряжение экономических, политиче-

¹⁸ Это моя интерпретация заявления Э. Макрона о том, что «патриотизм – это полная противоположность национализму. Национализм – предательство патриотизма» [Baker, 2018]. А. Меркель пояснила лежащую в основе проблему: «Либо вы один из тех, кто думает, что может со всем разобраться самостоятельно и должен думать только о себе. Это национализм в чистом виде. Это не патриотизм. Потому что патриотизм преследует интересы Германии, принимая во внимание интересы других и принимая взаимно выигрышные ситуации» [Tagesschau.de, 2018].

ских и социальных сфер во всем мире. Поскольку страны различаются с точки зрения идентичности, социальных норм, институтов и исторических традиций, это сопряжение подразумевает разнообразие политик для решения национальных и региональных проблем в сочетании со скоординированным многосторонним подходом к решению глобальных проблем, который принимается как инклюзивный и справедливый. Подразумевается, что «Группа двадцати» должна стать форумом, который будет поощрять разнообразие национальной политики, выявлять примеры передовой практики и препятствовать политике «разорения соседа». Это потребует разработки быстродействующих и справедливых механизмов разрешения конфликтов, касающихся глобальных проблем, включая процессы мониторинга для выявления фриайда.

В то же время новая парадигма для «двадцатки» должна поддерживать сильную национальную и социальную идентичность, на которой может строиться общее понимание глобальной цели. С помощью финансового трека и трека шерп, различных рабочих групп и групп взаимодействия с партнерами «двадцатка» сможет продвигать многоуровневую систему управления, в которой легитимность частей будет повышать легитимность целого.

Достижение этой цели потребует широкомасштабного обмена взглядами на глобальное, национальное и местное управление между Востоком и Западом, а также между Севером и Югом. Поскольку указанные подходы различаются с точки зрения соотношения индивидуализма и колLECTивизма, централизации и децентрализации в организации экономической, политической и социальной сферы, а также абсолютного и контекстуального понимания морали, активный обмен между этими подходами обеспечит основу для формирования многоуровневого подхода к решению глобальных и национальных проблем. Этот подход включает в себя понимание многосторонней политики как расширения национальной политики в отношении транснациональных проблем, точно так же как национальная политика является дополнением к местной политике применительно к проблемам, которые отдельные локальные единицы не могут решить самостоятельно. Председательство Японии в «Группе двадцати» в 2019 г. может стать хорошей возможностью для такого обмена мировоззрениями.

В целом преодоление нынешнего кризиса либерального миропорядка требует формирования новой парадигмы нашего мышления о человеческих отношениях. Чтобы жить в процветании, мире друг с другом и в гармонии с природой, нам необходимы две вещи: (1) взаимодополняющие, поликентричные социальные лояльности, которые побуждают нас решать локальные, национальные и глобальные проблемы на соответствующих уровнях, и (2) поликентричные политические лояльности и экономическое сотрудничество, которые дополняют социальные лояльности. Глобализация значительно увеличила масштабы наших проблем. Но мы не должны отчаиваться. Человеческая история — это рассказ о том, как нам удавалось сотрудничать во все более широких масштабах посредством создания моральных нарративов, поддерживаемых многоуровневыми структурами управления. Сейчас наша миссия состоит в том, чтобы создать новые нарративы и структуры управления, подходящие для сопряжения социальной, экономической и политической сфер в глобализированном мире.

ИСТОЧНИКИ

- Aket S. et al. (2011) Measuring and Validating Social Cohesion: A Bottom-Up Approach. CEPS Working Paper, 2011-08.
- Baker L. (2018) With Trump sitting nearby, Macron calls nationalism a betrayal // Reuters. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-ww1-centenary-macron-nationalism/with-trumpsitting-nearby-macron-calls-nationalism-a-betrayal-idUSKCN1NG0IH> (дата обращения: 01.11.2019).
- Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) Stuck in the Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle Class? Center on Social and Economic Dynamics. Working Paper 14, August.
- Bottoni G. (2018) A Multilevel Measurement Model of Social Cohesion // Social Indicators Research. Vol. 136. P. 835–857.
- Boyd R., Richerson P.J. (1985) Culture and the Evolutionary Process. Chicago: University of Chicago Press.
- Carlisle K., Gruby R. (2017) Polycentric Systems of Governance: A Theoretical Model for the Commons // Policy Studies Journal. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/psj.12212> (дата обращения: 01.09.2019).
- Chan J., To H.-P., Chan E. (2005) Reconsidering Social Cohesion: Developing a Definition and Analytical Framework for Empirical Research // Social Indicators Research. Vol. 75. P. 273–302.
- Climate Initiatives Platform (n. d.) Cities Climate Finance Leadership Alliance (the Alliance). Режим доступа: http://climateinitiativesplatform.org/index.php/Cities_Climate_Finance_Leadership_Alliance (дата обращения: 01.11.2019).
- Collier P. (2018) The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties. L.: Allen Lane.
- Dickes P., Valentova M. (2013) Construction, Validation and Application of the Measurement of Social Cohesion in 47 European Countries and Regions // Social Indicators Research. Vol. 113. P. 827–846.
- Esteban J.-M., Ray D. (1994) On the Measurement of Polarization // Econometrica. Vol. 62. No. 4. P. 819–851.
- European Commission (EC) (n. d., a) The European Single Market. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/growth/single-market/> (дата обращения: 01.11.2019).
- European Commission (EC) (n. d., b) European Social Fund. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/esf/home.jsp> (дата обращения: 01.11.2019).
- Greene J. (2013) Moral Tribes: Emotion, Reason and the Gap between Us and Them. L.: Penguin.
- Henrich J. (2015) The Secret of Our Success: How Culture is Driving Human Evolution, domesticating our Species and Making Us Smarter. Princeton: Princeton University Press.
- Haidt J. (2012) The Righteous Mind. L.: Allen Lane.
- Haidt J., Joseph C. (2004) Intuitive Ethics: How Innately Prepared Intuitions Generate Culturally Variable Virtues // Daedalus. No. 4. P. 55–66.
- Haidt J., Kesebir S. (2010) Morality. Handbook of Social Psychology / D.G. Fiske, G. Lindzey (eds). Hoboken, NJ: Wiley. P. 797–832.
- Henrich J. (2017) The Secret of Our Success: How Culture is Driving Human Evolution, domesticating our Species and Making Us Smarter. Princeton: Princeton University Press.
- Kelly C. (2019) Narrative 2.0. G20 Insight Platform, Policy Brief.
- Kriken J.L. (2017) Building Saigon South. Hong Kong: Oro.
- Landry C., Murray C. (2008) Psychology and the City. Gloucestershire: Comedia.
- Maira A. (2018) Capitalism vs Democracy: Consumers vs Citizens. Режим доступа: <http://www.foundingfuel.com/article/capitalism-vs-democracy-consumers-vs-citizens/> (дата обращения: 01.09.2019).
- Mayer C. (2018) Prosperity. Oxford University Press.
- McGinnis M.D. (1999) Polycentric Governance and Development. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ostrom E. (1990) Governing the Commons. Cambridge: Cambridge University Press.

- Ostrom E. (2010a) Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems // American Economic Review. Vol. 100. P. 1–33.
- Ostrom E. (2010b) Polycentric Systems for Coping with Collective Action and Global Environmental Change // Global Environmental Change. Vol. 20. P. 550–557.
- Richerson P.J., Boyd R. (2006) Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution. Chicago: University of Chicago Press.
- Tagesschau.de (2018) Patriotismus statt Nationalismus. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestag-generaldebatte-125.html> (дата обращения: 1.11.2019).
- Turchi P. (2016) Ultrasociety: How 10,000 Years of War Made Humans the Greatest Cooperators on Earth. Storrs, CT: Beresta Books.
- Wilson D.S. (2015) Does Altruism Exist: Culture, Genes and the Welfare of Others. New Haven: Yale University Press.
- Wilson D.S., Wilson E.O. (2007) Rethinking the Theoretical Foundation of Sociobiology // Quarterly Review of Biology. Vol. 82. P. 327–348.

Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order

D.J. Snower

Dennis J. Snower – President, Global Solutions Initiative (GSI); 180 Friedrichstraße, 10117, Berlin, Germany;
E-mail: dennissnower@ifw-kiel.de

Abstract

This vision brief may be summarized by the following points. First, the crisis of the liberal world order arises from a misalignment of our social, economic and political domains of activity, along with a resulting destabilization of our physical environment. The integration of the global economy has generated problems that extend beyond our current bounds of social and political cooperation. Second, extending our social cooperation – on which basis our political cooperation can be extended as well – requires the creation of the appropriate moral narratives. These narratives must guide business strategies, public policies and civic activities. Third, these narratives must be supplemented by multilevel governance structures that address challenges at the scale – micro, meso and macro – at which these challenges arise. Finally, past human experience in developing moral narratives, supported by multilevel governance structures, suggests guidelines for a future form of multilateralism that enables us to meet this challenge.

Key words: world order; crisis

For citation: Snower D.J. (2019) Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 7–27 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-01.

“Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order” by D.J. Snower, English text¹. Translated and reproduced with permission.

References

- Aket S. et al. (2011) Measuring and Validating Social Cohesion: A Bottom-Up Approach. CEPS Working Paper, 2011-08.
- Baker L. (2018) With Trump sitting nearby, Macron calls nationalism a betrayal. *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-ww1-centenary-macron-nationalism/with-trumpsitting-nearby-macron-calls-nationalism-a-betrayal-idUSKCN1NG0IH> (accessed 1 November 2019).
- Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) Stuck in the Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle Class? Center on Social and Economic Dynamics. Working Paper 14, August.
- Bottoni G. (2018) A Multilevel Measurement Model of Social Cohesion. *Social Indicators Research*, vol. 136, pp. 835–57.
- Boyd R., Richerson P.J. (1985) Culture and the Evolutionary Process. Chicago: University of Chicago Press.
- Carlisle K., Gruby R. (2017) Polycentric Systems of Governance: A Theoretical Model for the Commons. *Policy Studies Journal*. Available at: <https://doi.org/10.1111/psj.12212> (accessed 1 November 2019).
- Chan J., To H.-P., Chan E. (2005) Reconsidering Social Cohesion: Developing a Definition and Analytical Framework for Empirical Research. *Social Indicators Research*, vol. 75, pp. 273–302.

---

¹ Snower D.J. (2018) Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order. Available at: <https://t20japan.org/policy-brief-toward-global-paradigm-change/> (accessed 1 November 2019).

- Climate Initiatives Platform (n. d.) Cities Climate Finance Leadership Alliance (the Alliance). Available at: http://climateinitiativesplatform.org/index.php/Cities_Climate_Finance_Leadership_Alliance (accessed 1 November 2019).
- Collier P. (2018) The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties. London: Allen Lane.
- Dickes P., Valentova M. (2013) Construction, Validation and Application of the Measurement of Social Cohesion in 47 European Countries and Regions. *Social Indicators Research*, vol. 113, pp. 827–46.
- Esteban J.-M., Ray D. (1994) On the Measurement of Polarization. *Econometrica*, vol. 62, no 4, pp. 819–51.
- European Commission (EC) (n. d., a) The European Single Market. Available at: <http://ec.europa.eu/growth/single-market/> (accessed 1 November 2019).
- European Commission (EC) (n. d., b) European Social Fund. Available at: <http://ec.europa.eu/esf/home.jsp> (accessed 1 November 2019).
- Greene J. (2013) Moral Tribes: Emotion, Reason and the Gap between Us and Them. London: Penguin.
- Henrich J. (2015) The Secret of Our Success: How Culture is Driving Human Evolution, domesticating our Species and Making Us Smarter. Princeton: Princeton University Press.
- Haidt J. (2012) The Righteous Mind. London: Allen Lane.
- Haidt J., Joseph C. (2004) Intuitive Ethics: How Innately Prepared Intuitions Generate Culturally Variable Virtues. *Daedalus*, no 4, pp. 55–66.
- Haidt J., Kesebir S. (2010) Morality. Handbook of Social Psychology (D.G. Fiske, G. Lindzey (eds)). Hoboken, NJ: Wiley, pp. 797–832.
- Henrich J. (2017) The Secret of Our Success: How Culture is Driving Human Evolution, domesticating our Species and Making Us Smarter. Princeton: Princeton University Press.
- Kelly C. (2019) Narrative 2.0. G20 Insight Platform, Policy Brief.
- Kriken J.L. (2017) Building Saigon South. Hong Kong: Oro.
- Landry C., Murray C. (2008) Psychology and the City. Gloucestershire: Comedia.
- Maira A. (2018) Capitalism vs Democracy: Consumers vs Citizens. Available at: <http://www.foundingfuel.com/article/capitalism-vs-democracy-consumers-vscitizens/> (accessed 1 November 2019).
- Mayer C. (2018) Prosperity. Oxford University Press.
- McGinnis M.D. (1999) Polycentric Governance and Development. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ostrom E. (1990) Governing the Commons. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (2010a) Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *American Economic Review*, vol. 100, pp. 1–33.
- Ostrom E. (2010b) Polycentric systems for coping with collective action and global environmental change. *Global Environmental Change*, vol. 20, pp. 550–7.
- Richerson P.J., Boyd R. (2006) Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution. Chicago: University of Chicago Press.
- Tagesschau.de (2018) Patriotismus statt Nationalismus. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestag-generaldebatte-125.html> (accessed 1 November 2019).
- Turchi P. (2016) Ultrasociety: How 10,000 Years of War Made Humans the Greatest Cooperators on Earth. Storrs, CT: Beresta Books.
- Wilson D.S. (2015) Does Altruism Exist: Culture, Genes and the Welfare of Others. New Haven: Yale University Press.
- Wilson D.S., Wilson E.O. (2007) Rethinking the Theoretical Foundation of Sociobiology. *Quarterly Review of Biology*, vol. 82, pp. 327–48.

Как избежать «мировой скорби»: глобальное управление и двойной вызов будущему многосторонности¹

М. Ревизорский

Ревизорский Марек – доктор, доцент Института политологии факультета социологии Гданьского университета; Poland, 78-100 Kolobrzeg, ul. Wielkopolaska 2C/15; E-mail: marcuser@o2.pl

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются субъекты глобального управления, а также последствия функционирования его механизмов для сложившегося международного порядка. Последнему как социальной конструкции и в конечном счете идеологической проекции, основанной на интересах, ценностях и идеях, возникших на Западе, бросают вызов растущие державы, стремящиеся изменить свой статус, а также электорат и движения, направленные против истеблишмента в западных странах, разочарованные асимметричной формулой глобализации. Основная цель данной статьи – проанализировать влияние двух вышеупомянутых катализаторов изменений на сложившийся международный порядок. Аналитический подход объединяет, в частности, институциональные инструменты из области международных отношений, изучение публичных заявлений, наблюдения и анализ литературы. В нем используются инструменты контент-анализа, особенно метафоры, символизируемые в статье термином «мировая скорбь» (Weltschmerz), которая – как негативный сценарий глобального управления – выражается в неспособности действовать, пессимизме в отношении возможности достижения консенсуса и уверенности в неизбежном возрождении практических разломов» между государствами.

Ключевые слова: «мировая скорбь»; международный порядок; глобальное управление; многосторонность; страны с формирующими рынками; популизм

Для цитирования: Ревизорский М. (2019) Как избежать «мировой скорби»: глобальное управление и двойной вызов будущему многосторонности // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 28–47 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-02.

Введение

Глобальное управление, как в политическом, так и в экономическом аспекте, представляет собой нормативную базу, созданную государственными и негосударственными субъектами для «обеспечения трансграничной координации и сотрудничества в представлении или обмене товаров, денег, услуг и технической экспертизы в определенных проблемных областях мировой экономики» [Moschella, Weaver, 2014; Barnett, Duvall, 2005]. Однако эта база считается крайне недостаточной и ненадежной в контексте «беспорядочной» [Hass, 2010] или «космополитической» [Held, 2003] многосторонности

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Глобальное экономическое управление – акторы, сферы влияния, взаимодействие» (OPUS, 2016/23/B/HS5/00118), финансируемого Национальным научным центром Польши.

Статья поступила в редакцию в апреле 2019 г.

Перевод выполнен под научным руководством А.В. Шелепова.

посткризисной эпохи и связанной с ней неопределенности в отношении направления, скорости, интенсивности и характера изменений, которая делает лиц, принимающих решения, фактически беспомощными.

В данной статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются субъекты глобального управления, а также последствия функционирования его механизмов для сложившегося международного порядка. Последний как социальная конструкция и в конечном счете идеологическая проекция, основанная на интересах, ценностях и идеях, возникших на Западе [Schirm, 2009; Luckhurst, 2018], сталкивается с вызовами на двух уровнях. На глобальном уровне развивающиеся страны и государства с формирующими рынками все чаще заявляют о своем стремлении к большему влиянию в мировой политике и выражают четкую позицию относительно того, какими должны быть международные отношения [Cooper, Farooq, 2016; Cooper, Thakur, 2018; Kirton, 2013; Mielniczuk, 2013; Stuenkel, 2014; Stuenkel, 2015]. На национальном уровне международный порядок ставится под сомнение избирателями и движениями, направленными против истеблишмента в западных государствах, разочарованными глобализацией и ее асимметричной формулой [Burgoon, 2009; Cox, 2017; Milner, 2018; Rodrik, 2018]. Основная цель данной статьи – проанализировать влияние двух упомянутых катализаторов изменений на сложившийся международный порядок.

Статья основана на институциональном подходе к анализу влияния. Он показывает, как субъекты могут управлять (или направлять), иногда ограничивая их «действиями других и условиями для них с помощью правил, существующих в форме структурных позиционных различий в неформальных и формальных институтах» [Barnett, Duval, 2018]. Таким образом, институциональный подход отличается от двух доминирующих традиций анализа влияния в международных отношениях, которые рассматривают его как ресурс либо фактические или потенциальные отношения [Baldwin, 2002]. Помимо институциональных инструментов, аналитический подход включает, в частности, изучение публичных заявлений, анализ литературы, наблюдения и когнитивные инструменты, особенно метафоры. Последние объединяют наше понимание социального мира (онтология) и знания о нем (эпистемология) как социально обусловленные и связанные рефлексивными отношениями [Guzzini, 2005]. В статье используется метафора «мировая скорбь» (*Weltschmerz*) как иллюстрация негативного сценария глобального управления, выражавшегося в неспособности действовать, пессимизме в отношении возможности достижения консенсуса и уверенности в неизбежном возрождении практических «тектонических разломов» между государствами.

Серьезное восприятие метафоры [Bousquet, Curtis, 2001; Cienki, Yanow, 2013; Little, 2007] рассматривается в первой части статьи как отправная точка для обсуждения взглядов на возможные изменения сложившегося международного порядка. Второй и третий разделы статьи посвящены анализу глобальных и локальных сил, бросающих вызов международному порядку. Последний раздел содержит размышления о последствиях вызовов международному порядку на обоих уровнях анализа.

Три сценария глобального экономического управления

В докладе «Перед лицом вызовов. Три сценария глобального экономического управления в 2020 году», опубликованном в 2011 г., группа из 24 исследователей из Китая, США и Германии сосредоточилась на анализе тенденций с учетом планов реформирования глобального политического и экономического управления [Arnold et al., 2011]. В Вашингтоне, Шанхае и Берлине были проведены интервью по проблемам измене-

ния климата, контроля над ядерным оружием и нестабильной ситуации в мировой экономике с лицами, ответственными за принятие решений. Исследователи сосредоточились на обсуждении наиболее вероятных сценариев глобального экономического управления после 2020 г. Они подчеркнули, что эти сценарии не имеют предписывающего характера и, безусловно, не являются комплексным прогнозом. Напротив, исследователи рассматривали предложенные сценарии как инструменты планирования, позволяющие оказывать упреждающее, а не реакционное воздействие на международный экономический порядок, следя правилу, известному со времен Гиппократа: «Унция профилактики стоит фунта лечения» [Arnold et al., 2011].

Первый сценарий, который можно рассматривать как идеалистический, предлагал существование инклузивно управляемого мира, в котором (1) будет активизироваться деятельность, направленная на достижение цели региональной экономической интеграции; (2) на мировые финансы будут распространяться гораздо более строгие правила и нормы, чем до глобального финансового кризиса; (3) инклузивный экономический рост в глобальном масштабе будет значительно усилен, поддерживаемый вкладом со стороны развивающихся рынков и отношениями между Китаем и США [*Ibid.*]. Второй сценарий, более реалистичный, был описан как «конец глобализации и начало эпохи регионализма». Он характеризовался следующими элементами: (1) возрастающее значение стрессоров, давления как на государственном, так и на субгосударственном уровне (например, со стороны влиятельных торговых ассоциаций, требования которых приводят к усилению протекционизма и ухудшению глобальной экономической среды); (2) экономический спад и усиление антирыночных настроений в западных обществах; (3) дезинтеграция и фрагментация мировой экономики и, наконец, (4) появление региональных торговых и финансовых блоков между западными и незападными государствами, приводящее к ограничению международной координации [*Ibid.*].

Третий, наиболее драматичный, сценарий описывался в докладе как «мировая скорбь» (*Weltschmerz*). Этот немецкий термин имеет давнюю историю. Он возник в период романтизма – главного движения в европейской культуре XVIII и XIX вв. Литературные герои этого периода, такие как Вертер и Гяур, испытывали сильную «боль существования», «боль мира» и меланхолию – эмоции, вызванные постоянным конфликтом между желанием и неспособностью действовать. Это глубокое чувство грусти, пессимизм и настороженность в сочетании с убежденностью в силе зла и неизбежности страданий стали повседневной реальностью поздних романтиков 1830-х годов. Спустя три десятилетия значение термина изменилось. Слово перестало описывать психологическое состояние поэта или художника, рассматриваемое как результат их чувствительности в отношении зла и страданий, и стало ключевым понятием, определяющим общественный менталитет эпохи (1860–1900 гг.), в некотором смысле формируя дух времени [Beiser, 2016].

Распространение зрелого пессимизма на немецких территориях после 1860 г. обычно анализируется в контексте социально-экономических изменений в Европе второй половины XIX в. Некоторые считают источником «мировой скорби» разочарование неудачами революций 1848 г. [Beiser, 2016]. Другая, более всеобъемлющая попытка объяснить феномен пессимизма в менталитете немецкого общества сосредоточилась на последствиях экономического кризиса 1873 г. Сторонники этого подхода утверждают, что великая депрессия (1874–1895 гг.), продолжавшаяся более двадцати лет, вызвала чувство культурного отчаяния, которое распространилось по Германии [Rosenberg, 1967; Stern, 1961]. Несмотря на свою популярность, это объяснение широко критикуется. Современные исследователи социально-политических и культурных из-

менений в Германии XIX в. отмечают, что экономический кризис объясняет не столько возникновение вышеупомянутого явления (которое предшествовало экономическому кризису), сколько его распространение в качестве характерного признака духа эпохи [Beiser, 2016]. Подходы к исследованию политических, социальных и экономических аспектов «мировой скорби» часто затрагивают одну из наиболее важных социальных проблем второй половины XIX в. Она связана с чаяниями и потребностями обособленных групп общества (обнищавшего рабочего класса в городах и сельского населения, жившего в неблагоприятных условиях), которые имели ограниченный доступ к преимуществам технологических достижений того времени. В Германии проблема перераспределения этих активов в пользу бедных стала фундаментальной в политических дебатах 1830-х годов. Отсутствие эффективных решений, несмотря на жестокие публичные демонстрации в 1830 и 1848 гг., а также глубокие политические разногласия, возникшие на этом фоне, считаются основными причинами волны пессимизма после 1860-х годов. Утверждается, что в результате эта коллективная депрессия отражала глубокую веру в невозможность решения «великой социальной проблемы» и сформировала мнение, что человеческие страдания и зло неизбежны, поскольку они глубоко укоренились в человеческой природе [Homergow, 1958].

Применительно к современности вышеупомянутая «мировая скорбь», выраженная в неспособности действовать, пессимизме в отношении возможности достижения консенсуса, уверенности в неизбежном возрождении практических «тектонических разломов» между государствами, использовалась в качестве метафоры, иллюстрирующей «структурирование возможностей для человеческих рассуждений и действий» [Milliken, 1999] и занимающей центральное место в нашем восприятии и понимании (социальной) реальности [Bucher 2014]. «Мировая скорбь» как третий, негативный, сценарий, сформулированный Рабочей группой по экономическому управлению Программы «Глобальное управление 2020», характеризуется следующими элементами: (1) экономический застой на глобальных рынках, который приводит к возрождению протекционизма; (2) обострение конкуренции между Китаем и США, вызванное взаимной враждебностью, обвинениями и воинственной риторикой; и, наконец, (3) политическая напряженность как благодатная почва для развития неформальной экономики [Arnold et al., 2011]. В этих обстоятельствах опыт «мировой скорби», экзистенциальных страданий и ангедонии становится болезненным также в политическом и экономическом смысле.

Рассматривая три сценария глобального экономического управления из 2019 г., спустя восемь лет после их формулирования Рабочей группой по экономическому управлению Программы «Глобальное управление 2020», можно заключить, что идеалистические перспективы, заложенные в первом сценарии, безусловно, не осуществились. Это очевидно на примере многосторонней торговой системы. Ее «штаб-квартира», которой с середины 1990-х годов является Всемирная торговая организация, напоминает крепость, осажденную многочисленными легионами врагов. Дискриминационная либерализация торговли, протекционизм и популизм сформировали новый трехсильный союз, который привлекает всех, кто разочарован последствиями торговых переговоров, и собирает силы под рушащимся фундаментом торговой многосторонности. Последовательные провалы раундов торговых переговоров усугубили уже существующие разногласия между государствами. Даже самые экономически развитые государства, называвшиеся «четверкой» в 2008 г. (Япония, Канада, США и государства – члены Европейского союза), в 2018 г. имели радикально отличающиеся взгляды на роль международной торговли. Страны, которые только недавно были союзниками, сегодня создают тактические коалиции, направленные друг против друга. Ярким примером такой

коалиции являются усилия Европейской комиссии по установлению альтернативных торговых связей путем продвижения преференциальных торговых соглашений между ЕС и Канадой, Мексикой, Японией, Сингапуром, Вьетнамом, Австралией, Индией, Новой Зеландией и Чили, которые направлены против США [Tabuchi, Ewing, 2017; IISD, 2018; Johnson, 2019]. Протекционистские решения Д. Трампа, особенно учитывая выход США из Транстихоокеанского партнерства [Chow et al., 2018]; его стремление пересмотреть соглашение НАФТА; билатерализация торговых отношений (например, изменение соглашения о свободной торговле между США и Южной Кореей); «обеспечивание» жемчужины в короне многосторонней торговой системы, а именно системы урегулирования споров, которое стало результатом блокировки США решения о назначении судей Апелляционного органа ВТО [Petersman, 2018]; усиливающаяся напряженность в торговле между соседними государствами (споры между США и Канадой по авиационной, лесной и бумажной промышленности) и американо-китайская торговая война [Zhang, 2018] являются лишь небольшим фрагментом общей картины турбулентности в западном мире. Министерская конференция ВТО в Буэнос-Айресе стала символом отсутствия единства между государствами-членами, глубоких разногласий и ограниченного потенциала для принятия решений в рамках основной организации системы международной торговли. Конференция в Буэнос-Айресе завершилась без достижения единого мнения по ключевым вопросам. Переговоры выявили беспрецедентно глубокую пропасть между политическим истеблишментом и гражданским обществом, ведь непосредственно перед конференцией принимающая ее Аргентина решила отзывать аккредитацию 63 делегатов от неправительственных организаций (НПО), «в равной мере расстроив Секретариат ВТО и группы гражданского общества» [Hannah et al., 2018].

Восемь лет, прошедших с момента формулирования трех сценариев глобального экономического управления, подтверждают, что второй и третий сценарии частично выдержали испытание временем и более точны в описании экономически противоречивой многосторонности, чем первый. В сценариях «конца глобализации», а также «мировой скорби» исследователи перечислили конкретные катализаторы глобальных изменений. Во втором сценарии (конец глобализации и начало эпохи регионализма) упоминаются следующие триггеры: (1) финансовая помощь Португалии, Испании и Италии со стороны ЕС и программа жесткой экономии в Греции; (2) последующие раунды количественного смягчения, которые спровоцировали валютную войну; (3) лопнувшие пузыри на рынке недвижимости в Китае; (4) неспособность саммита «Группы двадцати» в Мексике решить проблемы валютной и торговой войн, а также объявление Дохийского раунда «мертвым»; (5) продолжающаяся фрагментация международных финансов за счет создания Азиатского валютного фонда и Европейского валютного фонда и номинирование американцев на посты директоров-распорядителей Международного, Европейского и Азиатского валютных фондов [Arnold et al., 2011]. В третьем сценарии в качестве катализаторов рассматривались следующие механизмы: (1) долговые кризисы, продолжающиеся в течение нескольких лет в странах с развитой экономикой; (2) поворот к автаркии во внутренней политике США; (3) снижение экономической активности и рост неопределенности в мировой экономике; (4) формализация экономических блоков на Востоке на основе выпуска региональной валюты; (5) возрастающее значение неформальной экономики [*Ibid.*].

Не все вышеупомянутые триггеры наблюдались в реальности, поэтому прогнозы, сделанные в 2011 г., отличаются от реалий глобального экономического управления 2019 г. Реалистичные и пессимистичные сценарии имеют несколько общих моментов,

указывающих на появление сил, определяющих характер глобального экономического управления в конце 2010-х годов. К ним относятся:

- а) возникновение экономического порядка, альтернативного западной модели, сосредоточенного вокруг Китая как нового лидера, обладающего структурным, политическим и когнитивным влиянием и критикующего несправедливые экономические и политические практики Запада;
- б) глубокие разногласия между западными и незападными государствами, которые могут привести к замедлению темпов роста мировой экономики;
- в) все более заметные антирыночные настроения в западных обществах, которые могут спровоцировать поворот к автаркии в политике и экономике ведущих государств Запада;
- г) возрастающее значение местных факторов, проявляющихся в выступлении социальных групп против истеблишмента и активном выражении ими своей усталости от глобализации, требованиях защиты рабочих мест, сдерживания притока мигрантов и обеспечения социальной защиты со стороны правительства.

Таким образом, можно видеть, что глобальное экономическое управление как социальный конструкт и идеологическая проекция, основанная на интересах, ценностях и идеях, возникших на Западе, подвергается критике с двух сторон, как в реалистическом, так и в пессимистическом сценарии. На глобальном уровне развивающиеся страны и государства с формирующими рынками все чаще заявляют о своем стремлении к большему влиянию в мировой политике и выражают четкие позиции относительно того, какими должны быть международные отношения. На национальном уровне международному порядку бросают вызов электораты и движения против истеблишмента в западных государствах, разочарованные глобализацией и ее асимметричностью.

Растущие державы и оспаривание международного порядка

Вызов сложившемуся международному порядку связан со стремлением стран с формирующейся рыночной экономикой (в частности, стран БРИКС), а также некоторых средних держав (таких как Турция, Мексика, Индонезия, Южная Корея и Малайзия) к изменению своего статуса (ср. [Stuenkel, 2014; Røgen, Beaumont, 2019]). Растущие державы стремятся изменить статус-кво с упором на институционализацию международного сотрудничества, что, как показывает пример Китая и Индии, принимает форму традиционной многосторонности в глобальных форумах, двустороннего сотрудничества с избранными стратегическими партнерами на уровне региона и расширения участия в клубах, таких как БРИКС [Wulf, Debiel, 2015].

Этот многогранный трехуровневый подход явно противоречив, но позволяет отойти от политики неприсоединения и развивать «стратегическую автономию», проявляющуюся в уходе от структур, являющихся хабами институциональной сети, связанной с Западом. Примером тому стали региональные инициативы, такие как Чиангмайская инициатива² или Бюро макроэкономических исследований АСЕАН+3 (AMRO)³. Эволюция БРИКС наряду с экономическим нарративом высоких темпов экономического роста «пятерки» также является частью этого процесса. Впервые встретившись на уров-

² Международное соглашение десяти членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Китая, Японии и Южной Кореи.

³ Создано в Сингапуре в апреле 2011 г. государствами АСЕАН+3 (АСЕАН, Китай, Япония и Южная Корея) для мониторинга и анализа ситуации в национальных экономиках и поддержки Чиангмайской инициативы.

не глав государств в 2009 г., после принятия Южной Африки в 2011 г. [Neethling, 2017] БРИКС почти сразу стала одной из важнейших структур XXI в. [Lukov, 2012; Rewizorski, 2015]. Наряду с «Группой двадцати» БРИКС является наиболее инновационным примером неформализованного международного сотрудничества (ср. [Larionova, Kirton, 2018]). Приняв форму клуба государств, которые оспаривают статус-кво в международной политике, БРИКС демонстрирует свое присутствие, высказывая независимые позиции, которые радикально отличаются от западных моделей мышления и поэтому критикуются. Заместитель министра иностранных дел России С. Рябков отметил, что «сами по себе критические комментарии – лучший признак важности БРИКС, значимости данной структуры для международных отношений. Если бы это было не так, БРИКС просто игнорировали бы, а не пытались бы преподнести его состояние в критическом ключе» [Russia Beyond, 2016]. Действительно, члены БРИКС позволили себе критиковать США и их союзников, которые вмешались в дела Ливии и Сирии [Abdeneur, 2016]; они воздерживаются от критики присоединения Крыма Россией [Hett, Wien, 2015], отвергают санкции Запада в отношении Ирана, негативно оценивают продление Запада в реформировании процедур голосования в Бреттон-Вудских институтах и осуждают его за вмешательство во внутренние дела стран с формирующейся рыночной экономикой под видом обеспечения защиты прав человека и соблюдения норм качественного управления или трудовых норм. Эта независимость в выражении взглядов сопровождается созданием ими собственных конкурентоспособных институтов, которые дополняют западные и при этом ускоряют перераспределение влияния в пользу государств с формирующими рынками и развивающихся стран, таких как обсуждаемые далее Пул условных валютных резервов (ПУВР) и Новый банк развития (НБР). Таким образом, государства БРИКС пытаются разработать свой собственный нарратив, определяя проблемы, предлагая способы их решения и используя ресурсы иначе, чем это делает Запад. Однако независимость в выражении позиций каждого отдельного члена БРИКС и страх перед политическим и экономическим влиянием Китая могут рассматриваться как камни преткновения в развитии коалиционного поведения и согласования последовательной стратегии, направленной на использование их относительных преимуществ. По словам З. Лайди, БРИКС, несмотря на смелые политические заявления, все еще остается «коалицией защитников суверенного государства. Они не стремятся сформировать антизападную политическую коалицию, основанную на контр предложениях или радикально ином взгляде на мир, а заинтересованы в сохранении своей независимости суждений и национальных действий в мире, который становится все более экономически и социально взаимозависимым» [Laïdi, 2012].

Продолжающаяся институционализация БРИКС, которая особенно заметна в области экономики и финансов, иллюстрируется соглашением, достигнутым на саммите «Группы двадцати» в Санкт-Петербурге в 2013 г., о создании резервного фонда в размере 100 млрд долл. США для обеспечения финансовой ликвидности и стабильности стран с формирующейся рыночной экономикой [Larionova, Shelepor, 2015; Xing, 2014]. Создание этого инструмента было подтверждено год спустя, когда на шестом саммите БРИКС в Форталезе (Бразилия) было подписано соглашение о формировании финансового резерва на случай непредвиденных обстоятельств (таких как кратковременный кризис платежного баланса, финансовая нестабильность и т.д.), получившего название Пул условных валютных резервов. Однако прежде всего институтом, созданным как альтернатива западной системе, центром которой является МВФ, стал Новый банк развития. НБР был основан БРИКС в 2014 г. и получил 100 млрд долл. США первоначального капитала для финансирования инфраструктурных проектов в странах БРИКС, других странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах

[БРИКС, 2014]. Оба института – ПУВР и НБР – усиливают сотрудничество внутри БРИКС по вопросам стабильности платежного баланса и финансирования развития. Первый обеспечивает общественные блага для сохранения финансовой стабильности, а второй способствует устойчивому экономическому развитию. Действующий с 2016 г. ПУВР имеет капитал 100 млрд долл. США. Однако, в отличие от НБР, он финансируется главным образом Китаем (41%), за которым следуют Индия, Россия, Бразилия (по 18% каждая) и Южная Африка (5%).

Институционализация БРИКС сопровождается давлением на западные государства с целью реформирования существующих структур глобального управления и усиления влияния стран с развивающимися рынками на Бреттон-Вудские институты, созданные после Второй мировой войны, а именно МВФ и Всемирный банк. Как отмечают [Viswanathan, Soni, 2017], «НБР и ПУВР были созданы главным образом вследствие неспособности Бреттон-Вудских институтов, МВФ и Всемирного банка проводить реформы в интересах развивающихся стран. Влияние развитых стран на эти институты было таково, что реформа МВФ, согласованная “Группой двадцати” в Сеуле (Корея) в 2010 г., оказалась заложником США, так как любой прогресс на этом фронте требовал одобрения Конгресса». Действительно, создание НБР и ПУВР может рассматриваться как результат намерения БРИКС снизить зависимость от МВФ, Всемирного банка и доминирования доллара США в качестве резервной валюты. Другими словами, институционализация БРИКС посредством создания банков развития и других финансовых инструментов (таких как валютные свопы) предоставляет инструменты, «с помощью которых эти государства могут принимать самостоятельные решения в отношении финансирования проектов, не будучи заложниками кодексов и механизмов голосования в рамках существующих институтов финансирования развития, на которые они имеют ограниченное влияние» [Bertelsmann-Scott et al., 2016]. Таким образом, появление новых институтов финансирования развития, таких как НБР, может рассматриваться как мера по наращиванию влияния стран с развивающимися рынками и развивающихся стран в области международного развития и финансов.

Учитывая усилия стран с развивающимися рынками и развивающихся стран по наращиванию институционального потенциала и использованию значительных финансовых ресурсов для оказания влияния на Бреттон-Вудские институты, возникает вопрос, может ли глобальное экономическое управление и сложившийся международный порядок оказаться под угрозой из-за того, что растущие державы в будущем будут дистанцироваться от него, действуя селективно на региональном уровне и создавая новые структуры, функционирующие независимо от нынешней архитектуры глобального экономического управления? (ср. [Kahler, 2016]). Это легко предвидеть в области международной торговли и финансов, где единая валюта и Азиатский валютный фонд могут воплотить в жизнь меланхоличный образ «мировой скорби». Однако маловероятно, что растущие державы будут в полной мере оспаривать установившийся международный порядок и провоцировать «кризис пустого кресла». Есть много свидетельств, что они, создавая такие институты, как НБР или ПУВР, позволяющие избегать перегруженных глобальных сетей финансов и торговли, выбирают активное участие в «режиме совместной децентрализации». По мнению Э. Хеллейнера, этот «режим» является результатом двух процессов, возникших в международных финансах после глобального финансового кризиса, а именно централизации и децентрализации [Helleiner, 2014a; 2014b; 2016]. Первый из них выражается в усилении международного финансового сотрудничества, «включая инициативы создания новых многосторонних институтов, таких как “Группа двадцати” на уровне лидеров СФС, а также поддержки существующих многосторонних элементов глобального финансового управления,

таких как МВФ, СДР и международные финансовые стандарты» [Helleiner, 2016]. Второй процесс прослеживается в развитии посткризисных тенденций децентрализации в глобальном финансовом управлении, «включая поддержку альтернатив МВФ и доллару, а также регулирования на уровне принимающей страны, индивидуальных национальных правил и норм в таких секторах, как внебиржевые деривативы, и контроля за движением капитала» [Ibid.]. Как показывает посткризисный опыт существования двух указанных процессов в глобальном управлении, оно не только отвечает структурным реалиям в сфере финансового управления, но и распространяется на сферы торговли и развития, где западные и незападные институты глобального экономического управления не только терпят друг друга, но и тесно сотрудничают. «Режим» Хеллейнера подчеркивает важность самоопределения и независимости в выборе определенной позиции и создании институциональных структур для перераспределения влияния и благосостояния. Поэтому его можно рассматривать как механизм защиты международного политического и экономического порядка от полного краха и реализации сценария «мировой скорби».

Централизация и децентрализация являются ответом на меняющиеся условия глобального экономического управления и переплетаются в межправительственных решениях и действиях, порождая нечто новое — совместную децентрализацию. Примеры отчасти успешных реформ МВФ наряду со связями между ПУВР, НБР и институтами статус-кво, а именно МВФ и Всемирным банком, подтверждают, что государства, оспаривающие правила игры, как и государства, защищающие эти правила, стремятся к умеренному сотрудничеству (хотя и по разным причинам), которое можно охарактеризовать как условное, полное недоверия и взаимных обвинений. В первом примере реформы квот и голосов МВФ 2010 г., которые стали возможными после одобрения Конгрессом США 18 декабря 2015 г., не подорвали господство западных государств в Фонде. На «Группу семи» приходится 43% квот и 41,2% голосов [Rewizorski, 2017]. Результатом сохранения статус-кво и дополнительного финансирования МВФ со стороны стран с формирующими рынками тем не менее стало перераспределение как квот, так и голосов в их пользу. В основном это касалось Китая, Индии, Бразилии и Мексики, которые, получив большее влияние на принятие решений в МВФ, смогли продолжить историю умеренно успешных усилий по демократизации глобального экономического управления. Во втором примере ПУВР был создан как альтернатива МВФ, что, однако, не привело к каким-либо попыткам выхода из МВФ и Всемирного банка или потере смысла их дальнейшей работы. Вновь созданные институты использовались развивающимися странами в качестве инструмента давления на Запад с целью изменения статус-кво. Новые структуры повторяют западные решения в том, что касается их структур и операционных механизмов.

Популизм и оспаривание международного порядка

Оспаривание международного порядка со стороны избирателей в западных странах и их участие в популистских движениях представляется не менее опасным с точки зрения потенциальных результатов, чем оспаривание статус-кво растущими державами. Уже отмечалось, что вызов установившемуся международному порядку, проявляющийся в подчеркивании важности самоопределения, самостоятельности в выборе позиций и создании институциональных структур для перераспределения влияния и благосостояния, частично «обезоруживается» режимом «совместной децентрализации».

Можно рассматривать этот феномен как предохранительный клапан, препятствующий полному краху международного политического и экономического порядка, опи-

сываемому метафорой «мировая скорбь». Это контрастирует с ситуацией на страновом (субнациональном) уровне, где механизмы сотрудничества были подорваны силой популизма. По этой причине оспаривание статус-кво на внутристрановом уровне часто принимает форму вспышек насилия, имея более отдаленные последствия, чем вызовы международному порядку на глобальном уровне. Отказываясь от институционального сотрудничества и контроля, негативная реакция на глобализацию принимает форму «социального страхования» (ср. [Polanyi, 1944]), воплощаясь в разрушительной деятельности популистских групп.

Принимая общее определение популизма как «формы политического мышления, управления или политики, которая обращается к социальным страхам и обидам и относится к таким социальным движениям, лидеры которых стремятся завоевать популярность среди общественности, чтобы манипулировать людьми и вести их к туманным, хотя и привлекательно сформулированным целям» [Marczewska-Rytko, 1995; Olszyk, 2007], следует отметить, что популизм широко распространен во многих странах с разным уровнем социального, политического и экономического развития. Популизм характеризуется критикой более тесной международной политической интеграции (Великобритания), противодействием регулированию в рамках экономического и валютного союза ЕС (Греция, Испания и Португалия), программной борьбой против интеллектуальной элиты и негативным отношением к мигрантам, которые считаются угрозой национальной безопасности (Венгрия и Польша), антиторговым нативизмом (США) и экономическим популизмом (страны Латинской Америки), и это лишь некоторые примеры. Различные популистские движения объединяют их оппозиция истеблишменту, заявления о праве выступать от имени «народа» против «элит», неприятие либеральной рыночной экономики и глобализации как совокупности институтов и процессов, которые якобы разрушают рынки труда, и, наконец (хотя и не всегда), склонность к авторитарному управлению [Cox, 2017; Rodrik, 2018].

Иногда их замечают с опозданием, как в случае с «брекситом» или решениями Д. Трампа, поставившими в тупик лидеров ЕС [Wilson, 2017]. Критика политических и экономических механизмов внутри страны является основой популярности популистских и выступающих против истеблишмента партий как на правой стороне политической сцены (Партия независимости Соединенного Королевства в Великобритании и немецкая «Альтернатива для Германии»), так и на левой («Движение пяти звезд» в Италии, «СИРИЗА» в Греции и «Подемос» в Испании). Они используют недовольство своих избирателей элитами, выступающими за либерализацию и глобализацию, которые разделяют богатство и влияние между собой несправедливыми и социально неприемлемыми способами [Frieden, 2017; Rodrik, 2018].

Противодействие «несправедливой» глобализации и установившемуся международному порядку, критикуемым бесправными избирателями и движениями против истеблишмента в западных странах, может быть вызвано взаимосвязями между результатами глобализации торговли и часто драматическими изменениями на национальных рынках труда после глобального финансового кризиса. Отправной точкой может служить исследование [Hicks, Devtaj, 2017]. По оценкам авторов, 13% рабочих мест в промышленном секторе Северной Америки были ликвидированы в 2000–2010 гг. вследствие увеличения импорта. В свою очередь [Autor, Dorn, Hanson, 2016], объяснили 10%-ное снижение занятости на промышленных предприятиях США в 1991–2011 гг. «шоком импорта», вызванным чрезмерной конкуренцией со стороны импорта из Китая. По оценкам этих исследователей, за рассматриваемый период «шок импорта» вызвал ликвидацию 2–2,4 млн рабочих мест на промышленных предприятиях США. Интересно отметить, что негативное влияние глобализации торговли на перспективы

трудоустройства является лейтмотивом как левых, так и правых популистов, которые при этом обычно не выступают против технологических преобразований и замены рабочих на автоматизированное производство. Их риторика относится к игнорируемым потребностям и спросу на выгоды, которые возникают, например, в глобальной торговой системе. Лидеры популистов находят отклик у общественности, когда объясняют причины отсутствия экономической безопасности, падения доходов и безработицы и указывают, кого винить в этом. Одним из главных «преступников» является несправедливая международная торговля, ограниченная глобальной системой и определяемая противоречиями между ценностями, идеями и материальными интересами избирателя, с одной стороны, и предпочтениями лоббистских групп, которые имеют доступ к лицам, принимающим решения и напрямую влияющим на распределение благосостояния, с другой. В [Milner, 1997] предлагается интуитивная, но точная картина этого процесса. Автор отмечает, что «на сотрудничество между странами меньше влияют страхи по поводу относительных выгод или обмана со стороны других стран, чем последствия этого сотрудничества для внутристранового распределения. Соглашения о сотрудничестве приводят к появлению внутри страны как победителей, так и проигравших; поэтому они порождают сторонников и противников» [Ibid.].

Противники соглашений о сотрудничестве, которые в огромных количествах пополняют ряды популистских движений, интуитивно указывают на международную торговлю как на политически чувствительный вопрос. В результате они выбирают ее в качестве цели своих атак. Это механизм поиска «козла отпущения», который с удовольствием используется популистами, с готовностью обвиняющими во всех экономических неудачах «иностранцев»: китайцев, которые вызывают «импортный шок», немцев, которые экспортят безработицу в соседние страны, открывая там сборочные заводы и сети магазинов, или мексиканцев, которые отнимают работу у американцев из-за действия соглашения НАФТА. Это вполне очевидное объяснение скрывает другое, гораздо менее ясное, которое связано с проблемой перераспределения выгод, получаемых от международной торговли. Проблема здесь заключается в том, что иногда международная торговля включает формы конкуренции, которые запрещены на национальном уровне (то, что американский философ М. Уолцер назвал «заблокированным обменом», см. [Walzer, 1983]), потому что они нарушают стандарты в сфере занятости (социальный демпинг), соглашения о защите окружающей среды (использование веществ, наносящих ущерб озоновому слою) или нормы общественного устройства. Реализация запрещенных законом или стигматизированных проектов в области торговли подчеркивает их политическую природу, что связано со сложными вопросами справедливости распределения, которые должны решать лица, принимающие политические решения. Справедливость понимается здесь в широком смысле, как честное и соразмерное распределение экономических и неэкономических выгод между бенефициарами [Cohen, Greenberg, 1982]. Следствием экономических выгод является улучшение финансового положения их получателей, а неэкономических выгод – улучшение условий труда и доступ к социальным льготам [Deutsch, 1985]. По большей части распределение выгод основано на принципе равенства [Leung, Bond, 1982; 1984]. Выгоды распределяются главным образом с учетом результатов, достигнутых группой, а не индивидуальных достижений [Sampson, 1975].

Однако вызывает социальную неудовлетворенность и подпитывает популизм не неравенство как таковое, а несправедливость, которую часто ошибочно принимают за неравенство. В 2017 г. было опубликовано исследование, в котором группа социальных психологов спрашивала респондентов, почему люди предпочитают общества, в которых существует неравенство [Starmans et al., 2017]. Оно показало, что люди предпочита-

ют равенство, когда они являются членами небольших групп. Когда их спрашивали об идеальной модели распределения выгод и ресурсов для больших групп (включая страны), они предпочитали неравенство. Это исследование значительно обновило наши знания о предпочтениях в отношении модели оптимального распределения выгод 1970-х и 1980-х годов. Оно позволило сделать следующий вывод: хотя не обнаружено никаких доказательств того, что неравенство на международном уровне вызывает протесты (касающиеся многосторонней торговой системы), экономическое неравенство ошибочно отождествляется с экономической (в том числе в сфере торговли) несправедливостью. Эти проблемы глубоко укоренились в опыте людей и приводят к принятию определенной стратегии для предотвращения оппортунистического поведения (например, действий на грани закона, которые противоречат моральным принципам).

Заключение

Подводя итог вышеизложенным размышлениям, можно сказать, что сложившийся международный порядок оспаривается на двух уровнях. Эта двойная оппозиция связана с послевоенным либеральным порядком, в основе которого лежат идеи, ценности, интересы и нарративы Запада.

На глобальном уровне государства с формирующимиися рынками и развивающимися странами все чаще заявляют о своем стремлении к большему влиянию в мировой политике и имеют четкие представления о том, какими должны быть международные отношения. Стремясь изменить статус-кво, растущие державы фокусируются на институционализации международного сотрудничества в форме традиционной многосторонности в глобальных форумах, двустороннего сотрудничества на уровне регионов с избранными стратегическими партнерами и расширения участия в клубных механизмах, таких как БРИКС. Их амбиции могут привести к формированию альтернативного западной модели экономического порядка, который будет сосредоточен вокруг Китая как нового лидера, имеющего в своем распоряжении структурное, политическое и когнитивное влияние, и будет усугублять разногласия между западными и незападными странами. Интенсивность этого процесса, по-видимому, частично «обезоруживается» режимом «совместной децентрализации». Можно рассматривать это явление как предохранительный клапан, препятствующий полному краху международного политического и экономического порядка, символизируемому метафорой «мировая скорбь».

Это контрастирует с ситуацией на национальном (субнациональном) уровне, где механизмы сотрудничества были подорваны силами популизма. Такая идеология, представляющая «народ» как добрую силу и противопоставляющая его «элите», объединяет в западных странах избирателей и движения против истеблишмента, которые разочарованы глобализацией и ее асимметрией. Эта сила популизма менее известна, чем оспаривание статус-кво на глобальном уровне, которое обычно привлекает внимание общественности и средств массовой информации, тогда как внутриполитические изменения в отдельных государствах часто остаются незамеченными. Тем не менее усиливающиеся антирыночные настроения в западных обществах могут вызвать поворот к автаркии в политике и экономике ведущих государств Запада и подорвать многосторонность, увеличивая значение местного фактора, проявляющегося в деятельности социальных групп, которые активно выражают свою усталость от глобализации, требуют защиты рабочих мест, сдерживания притока мигрантов и предоставления социального обеспечения. Дальнейший подрыв механизмов сотрудничества в западных странах может привести к еще более сильным вспышкам социальной неудовлетворенности с бо-

лее далекими отдаленными последствиями, чем оспаривание международного порядка на глобальном уровне.

Оспаривание международного порядка на обоих уровнях имеет сходные черты. Одно из сходств касается несогласия со статус-кво в международном экономическом и политическом порядке и требований обеспечения более адекватного представительства и участия лишенных прав в процессе глобализации. Другое сходство выражается в общем убеждении, что более сбалансированное, политически легитимное и согласованное сотрудничество между защищающими сложившийся порядок и оспаривающими его возможно только в том случае, если требования последних будут приняты во внимание. Они требуют, чтобы были учтены их материальные интересы, идеи и ценности. Это усилит их роль в механизмах глобального управления.

Дальнейшее существование глобального управления в качестве нормативной основы, созданной для решения трансграничных проблем, будет зависеть от того, (1) станут ли западные политические и экономические элиты более склонными к компромиссам, (2) перераспределится ли часть власти, благосостояния и влияния со стороны бенефициаров глобализации, и (3) будет ли признана национальная автономия и право на самоопределение критиков многосторонности в обмен на повышение эффективности и легитимности глобального управления в экономической и политической сферах. При условии, что эти условия будут выполнены, негативные сценарии конца глобализации и «мировой скорби» маловероятны.

ИСТОЧНИКИ

- БРИКС (2014) Соглашение о Новом банке развития. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks/briks-brazilskoe-predsedatelstvo-2015-2016> (дата обращения: 10.10.2018).
- Abdeneur A. (2016) Rising Powers and International Security: the BRICS and the Syrian Conflict // *Rising Powers Quarterly*. Vol. 1. No. 1. P. 109–133. Режим доступа: <http://risingpowersproject.com/wp-content/uploads/2016/10/vol1.1.Adriana-Erthal-Abdenur.pdf> (дата обращения: 28.04.2019).
- Arnold K.M. et al. (2011) Facing the Challenges. Three Scenarios for Global Economic Governance in 2020. Berlin: GG2020 Economic Governance Working Group.
- Autor D., Dorn D., Hanson G. (2016) The China Shock: Learning from Labor Market Adjustment to Large Changes in Trade // *Annual Review of Economics*. No. 8. P. 205–240.
- Baldwin D.A. (2002) Power and International Relations. *The Handbook of International Relations* / W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons (eds). Thousand Oaks: Sage Press.
- Barnett M.N., Duvall R. (2005) Power in International Politics // *International Organization*. Vol. 59. No. 1. P. 39–75.
- Barnett M.N., Duvall R. (2018) Organization and the Diffusion of Power. *International Organization and Global Governance* / T.G. Weiss, R. Wilkinson (eds). N.Y.: Routledge.
- Beiser F.C. (2016) Weltschmerz. *Pessimism in German Philosophy, 1860–1900*. Oxford: Oxford University Press.
- Bertelsmann-Scott T. et al. (2016) The New Development Bank: Moving the BRICS from an Acronym to an Institution. SAIIA, South African Institute of International Affairs, Occasional Paper 233.
- Bousquet A., Curtis S. (2011) Beyond Models and Metaphors: Complexity Theory, Systems Thinking and International Relations // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 24. No. 1. P. 43–62.
- Bucher B. (2014) Acting Abstractions: Metaphors, Narrative Structures, and the Eclipse of Agency // *European Journal of International Relations*. Vol. 20. No. 3. P. 742–765.

- Burgoon B. (2009) Globalization and Backlash: Polanyi's Revenge? // *Review of International Political Econom.* Vol. 16. No. 2. P. 145–177.
- Cienki A., Yanow D. (2013) Why Metaphor and Other Tropes? Linguistic Approaches to Analysing Policies and the Political // *Journal of International Relations and Development.* Vol. 16. No. 2. P. 167–176.
- Cohen R.L., Greenberg J. (1982) *The Justice Concept in Social Psychology.* N.Y.: Academic Press.
- Cooper A.F., Farooq A.B. (2016) The Role of China and India in the G20 and BRICS: Commonalities or Competitive Behaviour? // *Journal of Current Chinese Affairs.* Vol. 45. No. 3. P. 73–106.
- Cooper A.F., Thakur R. (2018) *The BRICS in the Evolving Architecture of Global Governance. International Organization and Global Governance* / T.G. Weiss, R. Wilkinson (eds). N.Y.: Routledge.
- Cox M. (2017) The Rise of Populism and the Crisis of Globalisation: Brexit, Trump and beyond // *Irish Studies in International Affairs.* Vol. 28. P. 9–17.
- Deutsch M. (1985) *Distributive Justice: A Socio-Psychological Perspective.* New Haven: Yale University Press.
- Frieden J. (2017) The Politics of the Globalization Backlash: Sources and Implications. Prepared for Presentation at the Annual Meetings of the American Economics Association, panel on “Making Globalization Inclusive.” 6 January.
- Guzzini S. (2005) A Concept of Power: A Constructivist Analysis // *Millennium.* Vol. 33. No. 3. P. 495–521.
- Hannah E., Scott J., Wilkinson R. (2018) The WTO in Buenos Aires: The outcome and its significance for the future of the multilateral trading system // *World Economy.* Vol. 41. No. 10. P. 2578–2598.
- Haas R. (2010) The Case for Messy Multilateralism // *Financial Times.* 6 January.
- Held D. (2003) From Executive to Cosmopolitan Multilateralism. *Taming Globalization: Frontiers of Governance* / D. Held, M. Koenig-Archibugi (eds). Cambridge: Polity Press.
- Helleiner E. (2014a) Towards Cooperative Decentralization? The Post-Crisis Governance of Global OTC Derivatives. *Transnational Financial Regulation After the Crisis* / T. Porter (ed.). Abingdon: Routledge.
- Helleiner E. (2014b) *The Status Quo Crisis.* Oxford: Oxford University Press.
- Helleiner E. (2016) Legacies of the 2008 Crisis for Global Financial Governance // *Global Summity.* Vol. 2. No. 1. P. 1–12.
- Hamerow T. (1958) *Restoration, Revolution, Reaction: Economics and Politics in Germany, 1815–1871.* Princeton: Princeton University Press.
- Hett F., Wien M. (eds) (2015) *Between Principles and Pragmatism Perspectives on the Ukraine Crisis from Brazil, India, China and South Africa.* Berlin: Perspective, Friedrich-Ebert-Stiftung.
- Hicks M.J., Devtaj S. (2017) *Myth and Reality of Manufacturing in America.* Ball State Center For Business and Economic Research.
- IISD (2018) Update on EU Trade and Investment Negotiations: Japan, Vietnam, Australia, New Zealand, Mexico. *Investment Treaty News International Institute for Sustainable Development.* 30 July. Режим доступа: <https://www.iisd.org/itn/2018/07/30/update-on-eu-trade-and-investment-negotiations-japan-vietnam-australia-new-zealand-mexico> (дата обращения: 28.04.2019).
- Johnson K. (2019) While Trump Isolates the U.S., It's 'Let's Make a Deal' for the Rest of the World Globalization is Alive and Well. It's just the United States sitting on the sidelines. 3 July. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2019/07/03/while-trump-isolates-u-s-lets-make-a-deal-for-the-rest-of-the-world-trade-fta-mercosur-eu> (дата обращения: 04.07.2019).
- Kahler M. (2016) Regional Challenges to Global Governance. The Council on Foreign Relations, Part of Discussion Paper Series on Global and Regional Governance.
- Kirton J.J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World.* Farnham: Ashgate.
- Larionova M., Kirton J. (eds) (2018) *BRICS and Global Governance.* N.Y.: Routledge.
- Larionova M., Shelepor A. (2015) *Is BRICS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness? The European Union and the BRICS. Complex Relations in the Era of Global Governance* / M. Rewizorski (ed.). Heidelberg; N.Y.: Springer.

- Laïdi Z. (2012) BRICS: Sovereignty Power and Weakness // International Politics. Vol. 49. No. 5. P. 614–632.
- Little R. (2007) The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leung K., Bond M.H. (1982) How Chinese and Americans Reward Task-Related Contributions: A Preliminary Study // Psychologia. Vol. 25. No. 1. P. 32–39.
- Leung K., Bond M.H. (1984) The Impact of Cultural Collectivism on Reward Allocation // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 47. No. 4. P. 793–804.
- Luckhurst J. (2018) The Shifting Global Economic Architecture. Decentralizing Authority in Contemporary Global Governance. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Lukov V. (2012) A Global Forum for the New Generation: The Role of the BRICS and the Prospects for the Future. Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/analysis/Lukov-Global-Forum.html> (дата обращения: 20.10.2018).
- Marczewska-Rytko M. (1995) Populizm. Teoria i praktyka polityczna. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Mielniczuk F. (2013) BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // Third World Quarterly. Vol. 34. No. 6. P. 1075–1090.
- Milliken J (1999) The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods // European Journal of International Relations. Vol. 5. No. 2. P. 225–254.
- Milner H. (1997) Interests, Institutions, and Information. Domestic Politics and International Relations. Princeton: Princeton University Press.
- Milner H.V. (2018) Globalization and its Political Consequences: The Effects on Party Politics in The West. Paper for the Annual APSA Conference. August. Boston MA. Режим доступа: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/hvmilner/files/milner_globalization_political_consequences.pdf (дата обращения: 02.07.2019).
- Moschella M., Weaver C. (2014) Handbook of Global Economic Governance. Players, Power and Paradigms. L.; N.Y.: Routledge.
- Neethling T. (2017) South Africa's Foreign Policy and the BRICS Formation: Reflections on the Quest for the 'Right' Economic-diplomatic Strategy // Insight on Africa. Vol. 9. No. 1. P. 39–61.
- Olszyk S. (2007) "Vox populi vox Dei": teoria populizmu politycznego // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Politologica. Vol. 46. No. 3. P. 236–247.
- Petersmann E.-U. (2018) How should the EU and other WTO Members React to their WTO Governance and WTO Appellate Body Crises? RSCAS 2018/71 Robert Schuman Centre for Advanced Studies Global Governance Programme-331, Florence: EUI.
- Polanyi K. (1944) The Great Transformation: The Political and Economic Origins of our Time. N.Y.: Farrar&Rinehart.
- Rewizorski M. (2015) Participation of the European Union and the BRICS in the G-20. The European Union and the BRICS. Complex Relations in the Era of Global Governance / M. Rewizorski (ed.). Heidelberg; N.Y.: Springer.
- Rewizorski M. (2017) Dużo hałasu o nic? Uwagi o reformie modelu funkcjonowania Międzynarodowego Funduszu Walutowego // Przegląd Politologiczny. Vol. 2. P. 19–37.
- Rodrik D (2018) Populism and the Economics of Globalization // Journal of International Business Policy. Vol. 1. Режим доступа: <https://doi.org/10.1057/s42214-018-0001-4> (дата обращения: 02.07.2019).
- Røren P., Beaumont P. (2019) Grading Greatness: Evaluating the Status Performance of the BRICS // Third World Quarterly. Vol. 40. No. 3. P. 429–450.
- Rosenberg H. (1967) Große Depression und Bismarckzeit. Berlin: de Gruyter.
- Russia Beyond (2016) Criticism of BRICS is Indicator of its Significance – Ryabkov. Режим доступа: https://www.rbtv.com/world/2016/02/08/criticism-of-brics-is-indicator-of-its-significance-ryabkov_565821 (дата обращения: 02.07.2019).
- Sampson E.E. (1975) On Justice as Equality // Journal of Social Issues. Vol. 31. No. 3.

- Schirm S.A. (2009) Ideas and Interests in Global Financial Governance: Comparing German and US preference formation // Cambridge Review of International Affairs. Vol. 22. No. 3. P. 501–521.
- Starmans C., Sheskin M., Bloom P. (2017) Why People Prefer Unequal Societies // Nature: Human Behaviour. Vol. 1. No. 4. P. 1–7.
- Stern F. (1961) The Politics of Cultural Despair. Berkeley, CA: University of California Press.
- Stuenkel O. (2014) Emerging Powers and Status: The Case of the First BRICs Summit // Global Governance. Vol. 38. No. 1. P. 89–109.
- Stuenkel O. (2015) The Brics and the Future of Global Order. Lanham, MD: Lexington.
- Tabuchi H., Ewing J. (2017) Europe and Japan Near Trade Deal as U.S. Takes Protectionist Path // New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/06/23/business/europe-japan-trade-deal.html> (дата обращения: 04.07.2019).
- Walzer M. (1983) Spheres of Justice: A Defence of Pluralism and Equality. Oxford: Martin Robertson.
- Wilson G.K. (2017) Brexit, Trump and the Special Relationship // The British Journal of Politics and International Relations. Vol. 19. No. 3. P. 543–557.
- Wulf H., Debiel T. (2015) India's 'Strategic Autonomy' and the Club Model of Global Governance: Why the Indian BRICS Engagement Warrants a Less Ambiguous Foreign Policy Doctrine // Strategic Analysis. Vol. 39. No. 1. P. 27–43.
- Viswanathan H.H.S., Soni S. (2017) BRICS Role in Global Governance Processes. A Decade of BRICS: Indian Perspectives for the Future / S. Saran (ed.) New Delhi: Observer Research Foundation. P. 9–18.
- Xing L. (2014) Introduction. Understanding the Hegemony and the Dialectics of the Emerging World Order. The BRICS and Beyond. The International Political Economy of Emergence of a New World Order / L. Xing (ed.) Farnham: Ashgate.
- Zhang Y. (2018) The US – China Trade War: A Political and Economic Analysis // Indian Journal of Asian Affairs. Vol. 31. No. 1–2.

Running away from Weltschmerz: Global Governance and a Double Challenge for the Future of Multilateralism¹

M. Rewizorski

Marek Rewizorski – Dr., Associate Professor in the Institute of Political Science, Faculty of Social Science, University of Gdańsk; 2C/15 ul. Wielkopolska, 78-100 Kolobrzeg, Poland; E-mail: marcuser@o2.pl

Abstract

The article addresses challenges facing the designers of global governance, as well as the consequences of the mechanisms that trigger changes to the established international order. The latter, as a social construct and ultimately an ideological projection based on the interests, values and ideas that originated in the West, is challenged by emerging powers, seeking to change their status, and the electorates and anti-establishment movements in Western states, who are disillusioned with the asymmetric formula of globalization. The main aim of this article is to analyze the impact of the two aforementioned catalysts of change on the established international order. The analytic approach combines, especially, institutional tools from the field of International Relations, public statements, observations, and literature analysis. It deploys content analysis tools, especially metaphors, symbolized in the article by Weltschmerz which – as a negative scenario of global governance – is expressed by an inability to act, pessimism regarding the possibility of finding consensus, and a belief in the re-emergence of the inevitable, almost tectonic divisions between states.

Key words: Weltschmerz; international order; global governance; multilateralism; emerging markets; populism

For citation: Rewizorski M. (2019) Running away from Weltschmerz: Global Governance and a Double Challenge for the Future of Multilateralism. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 28–47 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-02.

References

- Abdeneur A. (2016) Rising Powers and International Security: the BRICS and the Syrian Conflict. *Rising Powers Quarterly*, vol. 1, no 1, pp. 109–33. Available at: <http://risingpowersproject.com/wp-content/uploads/2016/10/vol1.1.Adriana-Erthal-Abdenur.pdf> (accessed 28 April 2019).
- Arnold K.M. et al. (2011) *Facing the Challenges. Three Scenarios for Global Economic Governance in 2020*. Berlin: GG2020 Economic Governance Working Group.
- Autor D., Dorn D., Hanson G. (2016) The China Shock: Learning from Labor Market Adjustment to Large Changes in Trade. *Annual Review of Economics*, vol. 8, pp. 205–40.
- BRICS (2014) *Agreement on the New Development Bank*. Fortaleza, Brazil, July 15. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-bank.html> (accessed 10 October 2018).
- Baldwin D.A. (2002) Power and international relations. *The Handbook of International Relations* (W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons (eds.)). Thousand Oaks: Sage Press.
- Barnett M.N., Duvall R. (2005) Power in International Politics. *International Organization*, 59, no 1, pp. 39–75.
- Barnett M.N., Duvall R. (2018) Organization and the Diffusion of Power. *International Organization and Global Governance* (T.G. Weiss, R. Wilkinson (eds.)). New York: Routledge.

¹ The editorial board received the article in April 2019.

This article is part of the “Global Economic Governance – Actors, Areas of Influence, Interactions” research project (OPUS, 2016/23/B/HS5/00118) funded by the National Science Centre, Poland.

- Beiser F.C. (2016) *Weltschmerz. Pessimism in German Philosophy, 1860–1900*. Oxford: Oxford University Press.
- Bertelsmann-Scott T. et al. The New Development Bank: Moving the BRICS from an Acronym to an Institution. South African Institute of International Affairs (SAIIA), Occasional Paper 233.
- Bousquet A., Curtis S. (2011) Beyond Models and Metaphors: Complexity Theory, Systems Thinking and International Relations. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 24, no 1, pp. 43–62.
- Bucher B. (2014) Acting Abstractions: Metaphors, Narrative Structures, and the Eclipse of Agency. *European Journal of International Relations*, vol. 20, no 3, pp. 742–65.
- Burgoon B. (2009) Globalization and Backlash: Polanyi's Revenge? *Review of International Political Economy*, vol. 16, no 2, pp. 145–77.
- Cienki A., Yanow D. (2013) Why Metaphor and other Tropes? Linguistic Approaches to Analysing Policies and the Political. *Journal of International Relations and Development*, vol. 16, no 2, pp. 167–76.
- Cohen R.L., Greenberg J. (1982) *The Justice Concept in Social Psychology*. New York: Academic Press.
- Cooper A.F., Farooq A.B. (2016) The Role of China and India in the G20 and BRICS: Commonalities or Competitive Behaviour? *Journal of Current Chinese Affairs*, vol. 45, no 3, pp. 73–106.
- Cooper A.F., Thakur R. (2018) The BRICS in the Evolving Architecture of Global Governance. *International Organization and Global Governance*. (T.G. Weiss, R. Wilkinson (eds)). New York: Routledge. (2nd ed.)
- Cox M. (2017) The Rise of Populism and the Crisis of Globalisation: Brexit, Trump and Beyond. *Irish Studies in International Affairs*, vol. 28, pp. 9–17.
- Deutsch M. (1985) *Distributive Justice: A Socio-Psychological Perspective*. New Haven: Yale University Press.
- Frieden J. (2017) *The Politics of the Globalization Backlash: Sources and Implications*. Repared for Presentation at the Annual Meetings of the American Economics Association, Panel on “Making Globalization Inclusive,” 6 January.
- Guzzini S. (2005) A Concept of Power: A Constructivist Analysis. *Millennium*, vol. 33, no 3, pp. 495–521.
- Hannah E., Scott J., Wilkinson R. (2018) The WTO in Buenos Aires: The Outcome and its Significance for the Future of the Multilateral Trading System. *World Economy*, vol. 41, no 10, pp. 2578–98.
- Haas R. (2010) The Case for Messy Multilateralism. *Financial Times*, 6 January.
- Held D. (2003) From Executive to Cosmopolitan Multilateralism. *Taming Globalization: Frontiers of Governance* (D. Held, M. Koenig-Archibugi (eds)). Cambridge: Polity Press.
- Helleiner E. (2014a) Towards Cooperative Decentralization? The Post-Crisis Governance of Global OTC Derivatives. *Transnational Financial Regulation After the Crisis* (T. Porter (ed.)). Abingdon: Routledge.
- Helleiner E. (2014b) *The Status Quo Crisis*. Oxford: Oxford University Press.
- Helleiner E. (2016) Legacies of the 2008 Crisis for Global Financial Governance. *Global Summitry*, vol. 2, no 1, pp. 1–12.
- Hamerow T. (1958) *Restoration, Revolution, Reaction: Economics and Politics in Germany, 1815–1871*. Princeton: Princeton University Press.
- Hett F., Wien M. (eds.) (2015) *Between Principles and Pragmatism Perspectives on the Ukraine Crisis from Brazil, India, China and South Africa*. Berlin: Perspective, Friedrich-Ebert-Stiftung.
- Hicks M.J., Devtaj S. (2017) *Myth and Reality of Manufacturing in America*. Ball State Center For Business and Economic Research.
- IISD (2018) *Update on EU Trade and Investment Negotiations: Japan, Vietnam, Australia, New Zealand, Mexico*. Investment Treaty News International Insitute for Sustainable Development, July 30. Available at: <https://www.iisd.org/itn/2018/07/30/update-on-eu-trade-and-investment-negotiations-japan-vietnam-australia-new-zealand-mexico> (accessed 28 April 2019).
- Johnson K. (2019) *While Trump Isolates the U.S., It's 'Let's Make a Deal' for the Rest of the World Globalization is Alive and Well. It's Just the United States Sitting on the Sidelines*. 3 July. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/07/03/while-trump-isolates-u-s-lets-make-a-deal-for-the-rest-of-the-world-trade-fta-merco-sur-eu> (accessed 4 July 2019).

- Kahler M. (2016) *Regional Challenges to Global Governance*. The Council on Foreign Relations, Part of Discussion Paper Series on Global and Regional Governance.
- Kirton J.J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- Larionova M., Kirton J. (eds) (2018) *BRICS and Global Governance*. New York: Routledge.
- Larionova M., Shelepor A. (2015) Is BRICS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness? *The European Union and the BRICS. Complex Relations in the Era of Global Governance* (M. Rewizorski (ed.)). Heidelberg; New York: Springer.
- Laïdi Z. (2012) BRICS: Sovereignty Power and Weakness. *International Politics*, vol. 49, no 5, pp. 614–32.
- Little R. (2007) *The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leung K., Bond M.H. (1982) How Chinese and Americans Reward Task-related Contributions: A Preliminary Study. *Psychologia*, vol. 25, no 1, pp. 32–9.
- Leung K., Bond M.H. (1984) The Impact of Cultural Collectivism on Reward Allocation. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 47, no 4, pp. 793–804.
- Luckhurst J. (2018) *The Shifting Global Economic Architecture. Decentralizing Authority in Contemporary Global Governance*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Lukov V. (2012) A Global Forum for the New Generation: The Role of the BRICS and the Prospects for the Future. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/analysis/Lukov-Global-Forum.html> (accessed 20 October 2018).
- Marczewska-Rytko M. (1995) *Populizm. Teoria i praktyka polityczna*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Mielniczuk F. (2013) BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 6, pp. 1075–90.
- Milliken J. (1999) The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods. *European Journal of International Relations*, vol. 5, no 2, 225–54.
- Milner H. (1997) *Interests, Institutions, and Information. Domestic Politics and International Relations*. Princeton: Princeton University Press.
- Milner H.V. (2018) *Globalization and its Political Consequences: The Effects on Party Politics in The West*. Paper for the annual APSA conference, August 2018, Boston MA. Available at: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/hvmilner/files/milner_globalization_political_consequences.pdf (accessed 2 July 2019).
- Moschella M., Weaver C. (2014) *Handbook of Global Economic Governance. Players, power and paradigms*. London; New York: Routledge.
- Neethling T. (2017) South Africa's Foreign Policy and the BRICS Formation: Reflections on the Quest for the 'Right' Economic-diplomatic Strategy. *Insight on Africa*, vol. 9, no 1, pp. 39–61.
- Olszyk S. (2007) "Vox populi vox Dei": teoria populizmu politycznego. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Politologica*, vol. 46, no 3, pp. 236–47.
- Petersmann E.-U. (2018) *How should the EU and Other WTO Members React to Their WTO Governance and WTO Appellate Body Crises?* RSCAS 2018/71 Robert Schuman Centre for Advanced Studies Global Governance Programme-331, Florence: EUI.
- Polanyi K. (1944) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. New York: Farrar&Rinehart.
- Rewizorski M. (2015) Participation of the European Union and the BRICS in the G-20. *The European Union and the BRICS. Complex Relations in the Era of Global Governance* (M. Rewizorski (ed.)). Heidelberg; New York: Springer.
- Rewizorski M. (2017) Dużo hałasu o nic? Uwagi o reformie modelu funkcjonowania Międzynarodowego Funduszu Walutowego. *Przegląd Politologiczny*, no 2, pp. 19–37.
- Rodrik D (2018) Populism and the Economics of Globalization. *Journal of International Business Policy*, no 1. Available at: <https://doi.org/10.1057/s42214-018-0001-4> (accessed 2 July 2019).

- Røren P., Beaumont P. (2019) Grading Greatness: Evaluating the Status Performance of the BRICS. *Third World Quarterly*, vol. 40, no 3, pp. 429–50.
- Rosenberg H. (1967) *Große Depression und Bismarckzeit*. Berlin: de Gruyter.
- Russia Beyond (2016) *Criticism of BRICS is Indicator of its Significance – Ryabkov*. Available at: https://www.rbth.com/world/2016/02/08/criticism-of-brics-is-indicator-of-its-significance-ryabkov_565821 (accessed 2 July 2019).
- Sampson E.E. (1975) On Justice as Equality. *Journal of Social Issues*, vol. 31, no 3.
- Schirm S.A. (2009) Ideas and Interests in Global Financial Governance: Comparing German and US preference formation. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 22, no 3, pp. 501–21.
- Starmans C., Sheskin M., Bloom P. (2017) Why People Prefer Unequal Societies. *Nature: Human Behaviour*, vol. 1, no 4, pp. 1–7.
- Stern F. (1961) *The Politics of Cultural Despair*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Stuenkel O. (2014) Emerging Powers and Status: The Case of the First BRICs Summit. *Global Governance*, vol. 38, no 1, pp. 89–109.
- Stuenkel O. (2015) The Brics and the Future of Global Order. Lanham, MD: Lexington.
- Tabuchi H., Ewing J. (2017) Europe and Japan Near Trade Deal as U.S. Takes Protectionist Path. *New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/06/23/business/europe-japan-trade-deal.html> (accessed 4 July 2019).
- Walzer M. (1983) *Spheres of justice: A defence of pluralism and equality*. Oxford: Martin Robertson.
- Wilson G.K. (2017) Brexit, Trump and the special relationship. *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 19, no 3, pp. 543–57.
- Wulf H., Debiel T. (2015) India's 'Strategic Autonomy' and the Club Model of Global Governance: Why the Indian BRICS Engagement Warrants a Less Ambiguous Foreign Policy Doctrine. *Strategic Analysis*, vol. 39, no 1, pp. 27–43.
- Viswanathan H.H.S., Soni S. (2017) BRICS Role in Global Governance Processes. *A Decade of BRICS: Indian Perspectives for the Future* (S. Saran (ed.)). New Delhi: Observer Research Foundation, pp. 9–18.
- Xing L. (2014) Introduction. Understanding the Hegemony and the Dialectics of the Emerging World Order. *The BRICS and Beyond. The International Political Economy of Emergence of a New World Order* (L. Xing (ed.)). Farnham: Ashgate.
- Zhang Y. (2018) The US – China Trade War: A Political and Economic Analysis. *Indian Journal of Asian Affairs*, vol. 3, no 1–2.

«Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи»¹ в глобальном экономическом управлении²

М.В. Ларионова, А.В. Шелепов

Ларионова Марина Владимировна – д.полит.н., директор Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Шелепов Андрей Владимирович – к.э.н., н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: shelepoav@ranepa.ru

«Группа двадцати», созданная для преодоления финансово-экономического кризиса 2008 г., утвердила в качестве главного форума международного экономического сотрудничества, наиболее репрезентативного и авторитетного механизма согласования позиций и выработки коллективных решений по вопросам экономической политики. В рамках «Группы двадцати» координируют подходы члены «Группы семи» и БРИКС – самого старого клуба развитых индустриальных экономик и самого молодого клуба крупнейших развивающихся стран. Принято считать, что в процессе формирования консенсуса в «двадцатке» развитые и развивающиеся страны объединяются в *ad hoc* группы по конкретным вопросам, временно замещающие сложившиеся альянсы, такие как «Группа семи/восьми» и БРИКС, и позволяющие им отстаивать решения, соответствующие интересам национальных экономик.

В статье представлен анализ позиций членов «семерки» и БРИКС и формирования коалиций в процессе выработки решений по проблемам, исторически являющимся центральными в повестке дня «двадцатки»: реформа международных финансовых институтов, макроэкономическая политика и финансовое регулирование. Авторы пытаются найти ответ на ряд вопросов: какую роль играли альянсы БРИКС и «Группы семи» в продвижении приоритетов их стран через решения «двадцатки»? Действительно ли *ad hoc* группы, объединяющие развитые и развивающиеся страны, замещали сложившиеся альянсы? Сумели ли страны БРИКС использовать сотрудничество в рамках «Группы двадцати» для пересмотра баланса сил и правил игры в глобальной системе? Удалось ли «семерке» сохранить и закрепить свое влияние в обновленной системе глобального экономического управления? Каков потенциал компенсации дефицита влияния БРИКС на решения «Группы двадцати» для достижения целей формирования более демократического и справедливого многополярного миропорядка и обеспечения устойчивого, сильного, сбалансированного и инклюзивного роста?

¹ С 2014 г. «Группа восьми» прекратила свое существование и вернулась к формату «Группы семи». Несмотря на то что в статье рассматривается период с 2008 по 2019 г., чаще используется название «Группа семи», поскольку большинство затрагиваемых вопросов обсуждались в рамках встреч министров финансов «семерки», даже в период участия России в работе клуба.

² Статья поступила в редакцию в августе 2019 г.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Анализ возможностей координации позиций стран БРИКС по ключевым задачам международного сообщества» (2019 г.). В рамках НИР рассматривались следующие сферы: реформа международной финансовой системы, финансовые рынки, развитие инфраструктуры, международное налогообложение, международная торговля, сельское хозяйство, климат и энергетика, цифровизация. В статье представлены сферы, в которых, по мнению авторов, наиболее высока потребность объединения усилий для обеспечения глобального общественного блага и усиления координации и влияния БРИКС в «Группе двадцати».

*Результаты анализа показывают, что, несмотря на наличие противоречий внутри альянсов и общих интересов между членами БРИКС и некоторыми членами «семерки» по ряду вопросов, замещения сложившихся клубов *ad hoc* группами развитых и развивающихся стран не происходит. Члены «семерки» успешнее использовали координацию в рамках своего клуба для разрешения внутренних противоречий, выработки общей позиции и ее совместного продвижения в «Группе двадцати». «Семерке» удалось обеспечить укрепление старой системы и своего влияния в ней на основе сотрудничества с новыми центрами силы при незначительном повышении доли квот и голосов стран БРИКС в МВФ и ВБ; минимальном снижении доли квот и голосов стран «Группы семи»; сохранении контроля за управлением финансовыми институтами. Оба альянса оказали влияние на формирование решений «двадцатки» по стимулированию роста экономики при сохранении стабильности цен и обеспечении финансовой устойчивости. По вопросу управления валютными курсами БРИКС и «семерка» в «Группе двадцати» действовали как партнеры, в то же время лидерство в формировании консенсуса по разрешению проблем конкурентной девальвации оставалось за «семеркой». «Семерка» была движущей силой в формировании повестки дня по финансовому регулированию. Страны «пятерки» формируют новые институты и правила. Новые институты создают общественные блага для своих членов и их партнеров, оказывают давление в сторону более активного реформирования сложившейся системы, являются вкладом БРИКС в создание более справедливой системы глобального экономического управления. Однако БРИКС не удалось изменить баланс сил и правила игры в сложившихся форматах сотрудничества.*

Ключевые слова: «Группа двадцати»; «Группа семи»; БРИКС; реформа международных финансовых институтов; макроэкономическая политика и финансовое регулирование; глобальное экономическое управление

Для цитирования: Ларионова М.В., Шелепов А.В. (2019) «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 48–71 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-03.

Введение

Многосторонность принято определять как коллективные скоординированные действия государств, направленные на решение общих проблем и преодоление общих вызовов, обеспечение порядка и стабильности в постоянно меняющемся мире и международных отношениях. Глобальное управление представляет собой совокупность законов, норм, политик и институтов, которые определяют, составляют и являются связующими звеньями в отношениях между субъектами и объектами международной общественной власти: гражданами, обществами, рынками и государствами. Оно осуществляется государствами, формальными и неформальными межправительственными институтами, транснациональными сетями, корпорациями и негосударственными организациями [Thakur et al., 2014]. В последние годы институты глобального управления не справляются с многочисленными вызовами, многосторонность в системе международных отношений подвергается беспрецедентным испытаниям [Thakur, 2016]. Геополитическая напряженность и эскалация протекционизма усугубляют и без того значительные риски для устойчивого развития и экономического роста: увеличение неравенства и цифрового разрыва; высокий уровень государственной и частной задолженности; дисбалансы счетов текущих операций; волатильность финансовых потоков; увеличение антропогенной нагрузки на окружающую среду; усиление конкуренции на энергетических и технологических рынках. Эти и другие проблемы с трудом решаются в совокупности, их невозможно будет разрешить в условиях ослабления координации или сбоев в объединении усилий.

Создание «Группы двадцати» для преодоления глобального финансово-экономического кризиса и ее утверждение в качестве главного форума международного экономического сотрудничества изменило архитектуру глобального управления. «Двадцатка» стала «хабом» сетевого глобального управления, включающего ключевые международные организации и неформальные институты «клубного типа». «Группа двадцати», объединяющая ведущие развитые и развивающиеся страны, является наиболее репрезентативным и авторитетным механизмом согласования позиций и выработки коллективных решений по вопросам экономической политики, несмотря на критику в неэффективности и нелегитимности. В рамках «Группы двадцати» координируют подходы члены «Группы восьми/семи» и БРИКС – самого старого клуба развитых индустриальных экономик и самого молодого клуба крупнейших развивающихся стран. Как «хаб» сетевого глобального управления «двадцатка» тесно взаимодействует с другими международными организациями (МВФ, СФС, ОЭСР, ВБ, ВТО, МОТ и др.), обеспечивая повышение последовательности, легитимности и эффективности своих действий и одновременно влияя на их решения и деятельность. Фактически делегируя международным организациям мандаты для исполнения принятых ею решений, обеспечивая поддержку, придавая политический импульс развитию, определяя направление новых действий [Ларionова, 2017] международных организаций, «двадцатка» действует как «ядро, влияющее на систему» многосторонних институтов [Cooper, 2016], и усиливает свое воздействие на процессы глобального экономического управления. Таким образом, с учетом эффекта мультиплексии продвижение своих позиций и интересов в «Группе двадцати» имеет особое значение.

Учитывая различия в интересах членов и одновременно роль в системе глобального управления, понятно, что консенсус в «двадцатке» вырабатывается непросто, а коалиции формируются по конкретным вопросам. Зачастую развитые и развивающиеся страны объединяются в *ad hoc* группы, временно замещающие сложившиеся альянсы, такие как «Группа семи/восьми» и БРИКС, и позволяющие им отстаивать решения, соответствующие интересам национальных экономик. Например, как показал Ш. Ширм, у «Группы семи» не было единой позиции по вопросу о введении налога на финансовые транзакции. США и Великобритания блокировали предложение Франции и Германии. Германия, Япония, Бразилия и Китай вместе выступали против политики количественного смягчения и стимулирования экономики США и Великобритании, создававшей угрозу инфляционного давления и волатильности капиталов, снижения стоимости резервов в долларах и ценных бумагах США [Schirm, 2011]. Бразилия, другие развивающиеся страны и Германия объединили усилия в борьбе против «валютной войны» США и Китая – таргетированного понижения курса доллара США и занижения курса юаня, создающего риски дестабилизации экономики и конкурентоспособности третьих стран [Schirm, 2011]. В результате «двадцаткой» был принят ряд решений, направленных на преодоление конкурентной девальвации. Эти и другие примеры формирования коалиций между членами БРИКС и «Группы семи» подтверждают уникальный характер «двадцатки». Однако вовсе не означают, что не существует больше разделительных линий «Запад – новые центры силы» и что члены «Группы семи» и БРИКС не пользуются преимуществом, которое дает им координация в рамках «пятерки» и «семерки», для продвижения своих интересов в «Группе двадцати».

Использование потенциала БРИКС особенно важно для членов «пятерки», хотя бы потому, что «правила работы «двадцатки» были созданы теми же странами, которые стояли у руля многие десятилетия: прежде всего США при поддержке Франции и Великобритании» [Cooper, 2014]. Действительно, США и Великобритания категорически возражали [Buxton, 2011; Wade, 2012] против предложения Комиссии экспертов по

реформе международной финансовой и валютной системы, созданной ООН, о создании Глобального экономического координационного совета на уровне, равнозначном Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, как главного органа по экономическим вопросам, требующим глобальных действий [UN, 2010]. Они считали, что центральным форумом координации должна быть «двадцатка» [Wade, 2012]. Как отмечает Дж. Киртон, США перехватили инициативу с самого начала, чтобы «выстроить архитектуру, принять и председательствовать на саммите в Вашингтоне» [Kirton, 2013].

Г. Полсон, министр финансов США, использовал для этого все возможности, включая ежегодные осенние встречи МВФ и ВБ. Он инициировал специальное совещание министров финансов «семерки» 10 октября и встречу министров финансов «семерки» с президентом Бушем 11 октября, а затем организовал участие президента Буша в заседании «финансовой двадцатки» под председательством министра финансов Бразилии Г. Мантеги [Paulson, 2010]. По сути, Полсон пролоббировал саммит в Вашингтоне в ноябре 2008 г. в формате «двадцатки», несмотря на возражения Франции и ЕС, предпочитавших испытанный узкий круг «Группы семи». «Китай, Индия и Бразилия были необходимы для психологического и субстантивного ответа на кризис. Тот факт, что «финансовая двадцатка» уже существовала, позволил США избежать дискуссии по составу нового клуба. Проще было пригласить лидеров государств существующей «Группы двадцати», чем пытаться согласовать, кто должен быть приглашен на встречу» [Dervis, Drysdale, 2016].

На первых трех саммитах был обеспечен контроль англо-американского тандема. В апреле 2009 г. Г. Браун принял второй саммит, в сентябре 2009 г. в Питтсбурге Б. Обама председательствовал на третьей встрече лидеров «Группы двадцати». США и западные партнеры обеспечили себе контроль над содержанием повестки дня «двадцатки» и ключевыми решениями [Cooper, 2014]. Сдвоенные саммиты «Группы семи/восьми» в Мускоке и «Группы двадцати» в Торонто в июне 2010 г. закрепили тенденцию, о которой писали Тедеско (Tedesco) и Янгс (Youngs): «В определенной степени разделительные линии³ были подтоплены острой потребностью в формировании консенсуса по приоритетам, имеющим срочный характер. Но противоречия остаются. Существует реальная опасность, что «Группа двадцати» станет форумом, который расширяет возможности крупнейших держав в ущерб реальной многосторонности... не представляя действительного распределения международной экономической мощи, оставаясь новым форумом старых голосов» [Tedesco, Youngs, 2009].

Поддерживая решения «двадцатки», члены БРИКС стремились обеспечить справедливость и равноправие в системе глобального экономического управления через свое участие в «Группе двадцати», в том числе действуя как группа внутри «двадцатки» [Cooper, 2014], одновременно выстраивая сотрудничество внутри БРИКС и координацию между «пятеркой» на ключевых международных площадках.

В статье представлен анализ позиций ключевых членов и формирования коалиций в процессе выработки решений по проблемам, исторически являющимся центральными в повестке дня «двадцатки»: реформа международных финансовых институтов, макроэкономическая политика и финансовое регулирование. Авторы пытаются ответить на ряд вопросов: какую роль играли альянсы БРИКС и «Группы семи/восьми» в продвижении приоритетов их стран через решения «двадцатки»? Действительно ли ad hoc группы, объединяющие развитые и развивающиеся страны, замещали сложившиеся альянсы? Насколько успешно сумели страны БРИКС использовать сотрудничество в рамках «Группы двадцати» для пересмотра баланса сил и правил игры в глобаль-

³ Между западными и новыми центрами силы. (Примеч. авт.)

ной системе? Удалось ли «семерке» сохранить и закрепить свое влияние в обновленной системе глобального экономического управления? Каков потенциал компенсации дефицита влияния БРИКС на решения «Группы двадцати» для достижения целей формирования более демократического и справедливого многополярного миропорядка и обеспечения устойчивого, сильного, сбалансированного и инклюзивного роста?

Ответы на эти вопросы особенно важно сформулировать сейчас, когда «двадцатка» переживает нелегкий период обострения противоречий между крупнейшими членами. Объединение усилий и формирование жизнеспособных решений по вопросам, решение которых зашло в тупик, необходимо для восстановления доверия к «двадцатке» и ее укрепления как главного форума международного экономического сотрудничества; консолидации БРИКС и усиления авторитета «пятерки» как института глобального экономического управления, отстаивающего интересы развивающихся стран; преодоления кризиса многосторонности в системе международных отношений.

Реформа международной финансовой системы

Создание «Группы двадцати» не только позволило избежать коренной перестройки системы глобального экономического управления, но, по сути, обеспечило сохранение ведущей роли развитых индустриальных стран и укрепление Бреттон-Вудских институтов. БРИКС способствовали их восстановлению. Хотя участие развивающихся стран в «двадцатке» и аванс доверия создавали огромный потенциал для трансформации системы, достигнутые результаты весьма скромны и носят второстепенный характер. Предложения по реформе предполагали значительно более глубокую перестройку системы.

Кризис усугубил так называемый парадокс Триффина, когда растущий спрос на резервную валюту приводит к увеличению дефицита платежного баланса эмитента, подрывает доверие к доллару и снижает его ценность в качестве резервной валюты. В этой связи в качестве одного из основных направлений реформы предлагалось создание управляемой глобальным институтом (МВФ) наднациональной резервной валюты [SDR Working Party, 2014] на основе Специальных прав заимствования (СПЗ) [Zhou, 2009], которые, собственно, и появились в 1969 г., чтобы компенсировать зависимость от колебаний платежного баланса США [Montani, 1989]. Глава Народного банка Китая Чжоу Сяочуань накануне Лондонского саммита обосновал и сформулировал конкретный план: «Наднациональная валюта, управляемая глобальным институтом, может быть использована для создания и контроля над глобальной ликвидностью. Когда валюта страны не используется более как средство измерения в глобальной торговле и эталонный ориентир для других валют, валютная политика страны может быть намного более эффективна для корректировки экономических дисбалансов. Это значительно снизит риски будущих кризисов и повысит возможности управления рисками. СПЗ обладает свойствами и потенциалом наднациональной валюты. Увеличение объемов и распределение СПЗ поможет Фонду решить проблемы обеспечения ресурсами и реформы голосов. Четвертая поправка к Статьям соглашения и решения по распределению СПЗ, предложенные в 1997 г., должны быть одобрены как можно скорее, чтобы члены, присоединившиеся к Фонду после 1981 г., могли получить преимущества от СПЗ. Возможности использования СПЗ должны быть расширены, чтобы удовлетворить спрос членов на резервную валюту. Создание системы расчетов с включением СПЗ и других валют приведет к использованию СПЗ как средства оплаты в международных торговых и финансовых операциях. Повышение роли СПЗ эффективно сни-

зит колебания цен на активы, номинированные в национальных валютах, и связанные с ними риски» [Zhou, 2009].

Россия поддерживала это предложение [Президент России, 2009]. Идея нашла понимание на встрече министров финансов, министров экономики и руководителей центральных банков государств – членов Евразийского экономического сообщества, которые собрались накануне встречи министров финансов БРИКС и «двадцатки» для формализации общей позиции относительно направлений реформирования международной финансовой архитектуры. Однако, по всей видимости, Индия и Бразилия с осторожностью отнеслись к предложению о замещении доллара наднациональной резервной валютой, высказанному Россией и Китаем [Zhou, 2009], и оно не нашло отражения в коммюнике министров финансов БРИК, которые накануне Лондонского саммита «двадцатки» так определили приоритеты развития системы: «Мы считаем, что ресурсы МВФ явно недостаточны и должны быть в значительной степени увеличены по различным каналам. Заемствование должно быть временным мостом к постоянноому увеличению квот, поскольку Фонд является организацией, основанной на квотах. Мы призываем к принятию срочных мер в отношении права голоса и представительства в МВФ, чтобы они лучше отражали реальный экономический вес стран. Существенное перераспределение квот в Фонде должно быть завершено не позднее января 2011 г. Мы также призываем к перераспределению СПЗ в значительном объеме. Мы призываем к изучению изменений в международной валютной системе, в том числе роли резервных валют» [Министры финансов БРИК, 2009]. Десять лет спустя трудно сказать, могло ли единство позиций членов БРИКС изменить ход действий и глубину перестройки системы, но по данному вопросу единства среди членов БРИК не было.

У «Группы семи/восьми» также не было консолидированной позиции. Германия и Франция поддерживали предложение Китая и России, но США отвергли идею категорически, опасаясь потерять преимущества эмитента резервной валюты. Проблеме было посвящено много академических и экспертных работ, которые, как правило, объективно показывали преимущества расширения использования СПЗ [Осампо, 2015] для обеспечения глобального общественного блага финансовой стабильности [Akyüz, 2010]. МВФ провел анализ перспектив, возможностей и ограничений использования наднациональной валюты [Mateos y Lago et al., 2009]. Вялотекущее обсуждение продолжается и сегодня [IMF, 2018]. Однако противодействие США и институциональная и политическая позиция МВФ, согласно которой «существующая МВС, несмотря на проблемы, работает хорошо... подтвердила свою устойчивость во время кризиса, а краткосрочные опасения относительно доллара могут быть сняты соответствующими действиями властей США» [Strauss-Kahn, 2015], стали причиной крайне ограниченного характера реформы. Прогноз Д. Стросс-Кана, согласно которому доллар останется принципиальной резервной валютой еще на некоторое время [Strauss-Kahn, 2015], оправдался. «Чрезмерная привилегия» США как эмитента резервной валюты пошатнулась, но устояла; сохраняется асимметричная уязвимость стран к финансовым и экономическим шокам и зависимость других экономик от способности эмитента сохранять стоимость валюты. Предложение о наднациональной резервной валюте по-прежнему не теряет актуальности, особенно в свете нового витка валютного манипулирования [Rajah, 2019] и эскалации протекционистской и санкционной политики США.

Координация позиций БРИКС по реформе квот была более успешной. В 2009 г. министры финансов и главы центральных банков БРИК согласовали детальное предложение по реформе МВФ и ВБ. Перераспределение квот в МВФ и ВБ в размере 7% и 6% соответственно должно было обеспечить более справедливое соотношение голосов развитых и развивающихся стран. В сентябрьском коммюнике министров фи-

нансов и глав центральных банков БРИК увеличение ресурсов МВФ было увязано с пересмотром квот и голосов. Решение «двадцатки» об утроении ресурсов, которыми располагает МВФ, до 750 млрд долл. США, укрепило МВФ. Вклад БРИКС составил 80 млрд долл. Коллективное давление БРИК способствовало принятию «двадцаткой» на саммите в Сеуле в 2010 г. решения по реформе квот и управления МВФ и разработке к январю 2013 г. новой формулы расчета квот. Решение по реформе квот вступило в силу в январе 2016 г. Вопрос о пересмотре формулы расчета откладывается из года в год. В апреле 2016 г. министры финансов БРИКС договорились настаивать на учете показателя ВВП стран по ППС при обсуждении новой формулы, однако к существенным сдвигам в реформе это не привело. В настоящее время вопрос рассматривается в контексте 15-го Общего пересмотра квот, который намечено завершить не позднее Ежегодных встреч МВФ и ВБ 2019 г.

С учетом роста вклада стран с формирующими рынками и развивающихся стран в глобальный ВВП, пробуксовка в реализации реформ ведет к дальнейшему усилению несоответствия между их долей в мировом ВВП и долей квот МВФ, и, соответственно, уровнем влияния на решения Фонда. Это определяет актуальность усиления координации позиций стран БРИКС по данному аспекту реформы и ее продвижения в «двадцатке» и МВФ.

По двум другим направлениям реформы – повышение гибкости условий предоставления финансирования и укрепление механизмов надзора и мониторинга – существенных противоречий не было, но и значительного прогресса добиться не удалось. Документы «Группы семи» и БРИКС не отражают особых позиций стран-членов по этим вопросам. Решение Вашингтонского саммита о необходимости пересмотра и адаптации механизмов кредитования было сформулировано как незамедлительная мера, подлежащая исполнению до 31 марта 2009 г. [«Группа двадцати», 2008]. К апрельскому саммиту начался процесс реформирования, в том числе создание Гибкой кредитной линии и Линии превентивной поддержки и ликвидности, обновление Механизма «стэнд-бай» кредитования и Инструмента для ускоренного финансирования. Однако существенного улучшения условий кредитования новые механизмы не обеспечили. Это объясняет тот факт, что число стран, воспользовавшихся ими, весьма ограничено [IMF, 2019].

Общее понимание потребности реализации согласованной политики и осуществления мер экономической политики на основе принципов сотрудничества и ответственности за их последствия для всех стран нашло отражение в решении Лондонского саммита: «...поддерживать – в настоящее время и в будущем – объективный, непредвзятый и независимый контроль со стороны МВФ за нашими экономическими системами и финансовыми секторами, влиянием нашей политики на другие страны и рисками, с которыми сталкивается глобальная экономика» [«Группа двадцати», 2009b]. В Питтсбурге лидеры обратились к МВФ «с просьбой помочь проанализировать, как согласуются соответствующие национальные или региональные политические рамки» [«Группа двадцати», 2009a]. Таким образом, Процесс взаимной оценки «Группы двадцати» (MAP) пополнил инструменты мониторинга МВФ [МВФ, 2018]. MAP, включающий независимый анализ и взаимную оценку мер экономической политики стран «двадцатки», основанную на согласованных Рабочей группой «двадцатки» индикаторах устойчивости экономической траектории, является аналитической основой реализации и корректировки Рамочного соглашения «Группы двадцати» по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного экономического роста. Некоторые аналитики считают MAP шагом вперед по сравнению с другими инструментами надзора [English et al., 2009], хотя есть и скептические оценки, которые будут рассмотрены в следующей части статьи.

Таким образом, результатом сотрудничества членов «Группы двадцати» стало укрепление существующих институтов и их роли в международной финансовой системе при незначительном повышении доли квот и голосов (уровня влияния) стран БРИКС в МВФ и ВБ; минимальном снижении доли квот и голосов стран «Группы семи»; сохранении контроля США и партнеров по «семерке» за управлением финансовыми институтами; обеспечении права вето и доминирования США в процессе принятия решений, требующих «специального большинства» (85% голосов).

Реальным вкладом в реформирование международной финансовой системы стало создание Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов, основными направлениями работы которых является ресурсное обеспечение проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития и выполнение функций страховочного механизма и инструмента финансирования, призванного оперативно помогать его участникам реагировать на шоки ликвидности. По ряду направлений деятельности НБР и Пул являются аналогами глобальных институтов Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы – ВБ и МВФ соответственно. В отличие от МВФ, ВБ и региональных банков развития, жестко привязывающих выделение финансирования к выполнению определенных требований заемщиками, кредиты НБР не сопровождаются навязыванием ограничительных требований. К середине 2019 г. НБР поддержано финансирование 38 проектов в области инфраструктуры на общую сумму 10 млрд долл. США.

Пул условных валютных резервов объемом 100 млрд долл. США играет роль стабилизационного фонда, страхового механизма на случай возникновения краткосрочного дефицита ликвидности вследствие, например, резкого оттока капитала из какого-либо государства БРИКС. Состоялось его успешное тестирование. Принято решение о создании Системы обмена макроэкономической информацией⁴.

Новые институты отражают интересы государств с формирующимися рынками и развивающихся стран и оказывают давление в сторону более активного реформирования сложившейся системы, что уже выразилось в повышении внимания традиционных МФИ к проблеме финансирования инфраструктуры в развивающихся странах. Учреждение БРИКС собственных институтов подтверждает, что они не удовлетворены прогрессом в реформе МФИ, но не означает отказа от сотрудничества в рамках сложившихся форматов, скорее, это создание дополнительных механизмов развития и страхования от рисков для ухода от полной зависимости от институтов, находящихся под контролем США и «Группы семи». Дальнейшее укрепление и расширение НБР и Пула будет вкладом БРИКС в глобальное экономическое управление и создание глобальных общественных благ: устойчивого роста и финансовой стабильности.

БРИКС и «Группа семи» оказали влияние на решения «двадцатки» по международной финансовой системе. БРИКС – создавая собственные институты, консолидируя позиции внутри клуба, формируя коалиции в «двадцатке» и оказывая давление на партнеров для продвижения реформы МВС. «Группа семи» – консолидируясь внутри клуба, формируя коалиции в «двадцатке» для сохранения и усиления существующих институтов и своего влияния в них. Таким образом, модели взаимодействия БРИКС и «Группы семи» были схожие, а цели разные. При этом «семерке» удалось реализовать цель укрепления старой системы и своего влияния в ней на основе сотрудничества с новыми центрами силы, в то время как БРИКС не смогли использовать новые механизмы для коренной трансформации и изменения баланса сил в системе в пользу развивающихся стран.

⁴ Подробно о НБР и Пуле см.: [Андронова, Шелепов, 2019; Шелепов, Андронова, 2018].

Координация макроэкономической политики

Оценки координации макроэкономической политики в «Группе двадцати» существенно разнятся. Некоторые эксперты считают, что она была беспрецедентной в истории, согласованный «двадцаткой» подход к фискальному и кредитно-денежному стимулированию экономики способствовал восстановлению роста, а Рамочное соглашение по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного экономического роста стало действенным механизмом координации и корректировки политики [Прилепский, 2018]. Сkeptики подчеркивают, что меры стимулирования 2009 г. были вовсе не триумфом международной координации, но совпадением ответных политик стран на общие проблемы, а Процесс взаимной оценки [Ostry, Ghosh, 2013] имел незначительное влияние на политику членов «Группы двадцати» [Kirchner, 2016]. Спектр вопросов макроэкономической политики в повестке дня «двадцатки», «семерки» и БРИКС очень широк. В данной статье мы ограничимся анализом решений по трем блокам: поиск баланса мер кредитно-денежного стимулирования и фискальной стабильности, обязательства по валютным курсам и комплексные стратегии роста.

Решения Вашингтонского саммита «Группы двадцати» придали политическую легитимность мерам по стимулированию экономик, обеспечению ликвидности и укреплению капитала финансовых организаций, уже предпринимаемым странами «двадцатки». Лидеры договорились «продолжать принимать любые необходимые дальнейшие меры для стабилизации финансовой системы; признавать важность поддерживающей денежно-кредитной политики с учетом национальных условий; применять, насколько это необходимо, меры в области налогообложения с целью быстрого стимулирования внутреннего спроса, сохраняя при этом стратегические рамки, способствующие стабильности в налогово-бюджетной сфере» [«Группа двадцати», 2008]. Между тем к марта 2009 г. страны уже приняли стимулирующие меры объемом 692 млрд долл. в ценах 2009 г., или 1,4% их совокупного ВВП и чуть больше 1,1% глобального ВВП [Prasad, Sorkin, 2009]. По оценкам МВФ, этих мер было недостаточно, для преодоления кризиса Фонд призвал согласовать стимулирующие меры объемом 2% глобального ВВП [Andersen, 2015]. Из общего объема стимулирующих мер «двадцатки» 2010 г. 60% приходилось на США (2,9% ВВП 2008 г.), 15% – на Китай (2,3% ВВП) и 11% – на Германию (2% ВВП) [Prasad, Sorkin, 2009].

Противоречия по подходу к стимулированию экономики обострялись не между клубами развитых и развивающихся стран, а между США и Великобританией, с одной стороны, и европейскими странами и БРИКС, с другой. Страны БРИК, как и другие страны, приняли меры для стимулирования спроса, стабилизации финансовых систем и поддержки ликвидности. Признавая необходимость таких мер, они подчеркивали единую коллективную позицию, согласно которой их реализация не должна наносить вред среднесрочной и долгосрочной макроэкономической стабильности [Министры финансов БРИК, 2009; БРИК, 2010]. Ответственная макроэкономическая и финансовая политика и реализация структурных реформ для повышения темпов экономического роста неизменно остаются общим приоритетом и предметом координации БРИКС.

Различия в подходах к финансовому стимулированию между США (долларовые вливания в экономику и увеличение государственного долга эмитента резервной валюты) и европейцами (государственные инвестиции и автоматические стабилизаторы) нашли отражение в документах «Группы семи/восьми» [G8 Finance Ministers, 2009]. Уже в июне 2009 г. «восьмерка» призывала США и Великобританию проработать планы свертывания чрезвычайных мер. «Мы приняли действенные и скоординированные меры по созданию стимулов для экономического роста. Хотя в краткосрочном плане

эти вынужденные меры негативно отражаются на наших государственных финансах, мы твердо намерены обеспечить финансовую устойчивость в среднесрочной перспективе. Мы будем на индивидуальной и коллективной основе предпринимать необходимые шаги для возвращения мировой экономики на путь уверенного, стабильного и устойчивого роста, включая дальнейшее создание макроэкономических стимулов при сохранении стабильности цен и обеспечении финансовой устойчивости в среднесрочной перспективе... Мы согласны с необходимостью разработки соответствующих стратегий по свертыванию чрезвычайных антикризисных мер после того, как будет обеспечен экономический подъем. Эти «стратегии выхода» будут неодинаковыми в разных странах и будут зависеть от внутриэкономической обстановки, состояния государственных финансов» [«Группа восьми», 2009].

Лондонский саммит стал саммитом противоречий между США и европейскими партнерами по вопросу о том, что можно считать фискальными стимулами. В результате организаторы в публичном пространстве пытались снизить внимание к мерам по стимулированию [Kirchner, 2016], которые были прописаны в Плане действий по выходу из глобального финансового кризиса. Лидеры обязались последовательно реализовывать фискальные меры в масштабах, необходимых для возобновления роста, признавая необходимость обеспечить фискальную и ценовую стабильность в долгосрочной перспективе [«Группа двадцати», 2009б]. Частично компромисс был найден к саммиту в Торонто. Решение сократить к 2013 г. вдвое дефицит (для развитых стран, кроме Японии), стабилизировать или вывести на снижающуюся траекторию к 2016 г. отношение государственного долга к ВВП было увязано с необходимостью повышения гибкости обменных курсов в некоторых странах с формирующимся рынком (Китай). Одновременно страны с профицитом торгового баланса (Китай, Германия) обязались проводить реформы, направленные на ограничение их зависимости от внешнего спроса, уделяя больше внимания внутренним источникам роста [«Группа двадцати», 2010а].

Санкт-Петербургский план действий наметил систему коллективных и индивидуальных мер, включая, помимо бюджетных стратегий для поддержки экономического роста и занятости и обязательств в сфере денежно-кредитной и курсовой политики для поддержки бюджетной устойчивости, программу структурных реформ для стимулирования инвестиций, повышения производительности и уровня конкуренции, усиления финансовой стабильности, сокращения внутренних и внешних дисбалансов [«Группа двадцати», 2013б]. С 2013 г. триада «стимулирование экономического роста – финансовая стабильность – структурные реформы» остается ключевой в координации членов «Группы двадцати». На саммите в Осаке лидеры вновь подтвердили: «Бюджетная политика должна быть гибкой и способствующей экономическому росту, одновременно восстанавливая резервы, где это необходимо, и обеспечивая соотношение долга к ВВП на устойчивом уровне. Денежно-кредитная политика продолжит поддерживать экономическую деятельность и обеспечит ценовую стабильность. Реализация структурных реформ будет создавать возможности для нашего экономического роста» [«Группа двадцати», 2019].

БРИКС и «Группа семи/восьми», безусловно, оказывали влияние на формирование решений «девятнадцатки» по стимулированию экономики и денежно-кредитной политике. БРИКС – консолидируя общую позицию членов клуба и продвигая ее внутри «девятнадцатки» в коалиции с заинтересованными партнерами. «Группа семи» – преодолевая внутренние противоречия между членами и выстраивая коалиции с партнерами по «девятнадцатке», включая БРИКС, для «убеждения» США и выработки решений как «девятнадцатки», так и «семерки». Так, приверженность балансу мер стимулирования и бюджетной консолидации подтверждается во всех декларациях «Группы семи/восьми», принятых с 2011 г., за исключением саммита в Шарлевуа (2018).

Вопрос о манипулировании валютными курсами связан с двумя факторами: обвинением со стороны администрации Обамы в адрес Китая в занижении курса юаня, ведущем к торговому дефициту между США и Китаем, с одной стороны, и политикой количественного смягчения США и девальвацией доллара, с другой. Страны – члены «двадцатки» были озабочены последствиями для экспорта их товаров и рисками дестабилизации глобальной экономики. Министр финансов Германии заявлял, что «непоследовательно со стороны американцев обвинять Китай в манипулировании валютным курсом, когда они искусственно снижают курс доллара, печатая деньги» [The Economist, 2010]. На саммите в Сеуле было сформулировано обязательство «двигаться в направлении систем обменных курсов, в большей степени определяемых рыночной конъюнктурой и точнее отражающих основные экономические показатели, и воздерживаться от конкурентной девальвации валют» [«Группа двадцати», 2010b]. Однако проблема не была решена, более того, после запуска Банком Японии в апреле 2013 г. программы «количественного и качественного монетарного смягчения» для стимулирования экономического роста появился дополнительный фактор озабоченности и разногласий внутри «семерки» и «двадцатки». «Группа семи», имея успешный опыт управления валютными курсами [Fratzscher, 2008; McGeever, 2017], согласовала обязательство придерживаться рыночных курсов, осуществлять консультации по политике обменных курсов и воздерживаться от формирования целевых ориентиров валютных курсов [G7 Finance Ministers, 2013]. Опираясь на согласие, выработанное в «семерке», «Группа двадцати» сформулировала решение по ускорению перехода к режимам формирования обменного курса, в большей мере основанным на рыночных принципах; повышению гибкости обменных курсов, позволяющей адекватно отражать фундаментальные факторы и избежать длительных курсовых искажений. Члены «двадцатки» обязались «воздерживаться от политики конкурентной девальвации и формирования целевых ориентиров валютных курсов исходя из задач поддержания конкурентоспособности» [«Группа двадцати», 2013a].

БРИКС, обеспокоенные «побочными эффектами нетрадиционных монетарных политик развитых экономик, которые могут вызвать пагубные колебания валютных курсов и цен на активы, а также волатильность потоков капитала» [БРИКС, 2015], поддержали соответствующее обязательство [Президент России, 2013], актуальность которого сохраняется и подтверждается практически во всех заявлениях министров финансов и лидеров «Группы двадцати». В документах БРИКС проблема обменных курсов не затрагивается. Приоритетное значение для «пятерки» имеет создание Пула условных валютных резервов БРИКС как механизма поддержания финансовой стабильности в случае возникновения проблем с долларовой ликвидностью, постепенное увеличение объема расчетов между торговыми партнерами, межбанковского кредитования и прямых инвестиций в национальных валютах.

Как полагает С. Ширм, по вопросу управления валютными курсами такие альянсы как «Группа семи» и БРИКС в «двадцатке» были замещены» двумя ad hoc группами: Китай и США, с одной стороны, Германия, Бразилия и развивающиеся страны – с другой [Schirm, 2011]. В действительности в рамках БРИКС проблема не обсуждалась, по крайней мере, не нашла отражения в документах «пятерки». Поиск компромиссного решения осуществлялся в рамках «Группы семи», которая затем продвинула его при поддержке БРИКС в более широком формате «двадцатки». Таким образом, в данном случае альянсы «Группы семи» и БРИКС в «Группе двадцати» действовали как партнеры, в то время как лидерство в формировании консенсуса по проблеме оставалось за «семеркой».

Понимание необходимости реализации структурных реформ как условия обеспечения сильного, устойчивого и сбалансированного роста разделяют все члены «Группы

двадцати». Соответствующее обязательство принято в Питтсбурге как часть Рамочного соглашения. В Сеуле впервые были сформулированы индивидуальные обязательства членов по структурным реформам. Обязательства обновлялись ежегодно вплоть до саммита в Санкт-Петербурге, где было принято решение о формировании комплексных стратегий роста, включающих структурные реформы. Соответствующие стратегии, направленные на достижение цели повышения колективного ВВП «двадцатки» на 2% выше исходной траектории к 2018 г., были представлены в Брисбене. Структурные реформы включают девять направлений: повышение открытости для торговли и инвестиций; реформа рынков труда, повышение качества образования и производительности труда; содействие инновациям; развитие инфраструктуры; реализация фискальных реформ; создание условий для бизнеса; укрепление финансовой системы; поддержка экологически устойчивого роста; обеспечение инклюзивного роста. ОЭСР осуществляет мониторинг реализации мер и предлагает рекомендации странам-членам по корректировке приоритетов.

С одной стороны, это одна из самых сложных задач. Из рекомендаций ОЭСР по структурным реформам 2017 г. развитыми странами и странами с формирующимиися рынками полностью выполнено 12% и 8% соответственно, частично – 35% и 28% [OECD, 2018]. Цель повышения ВВП «Группы двадцати» на 2% к 2018 г. не достигнута. С другой стороны, с точки зрения согласования и координации структурные реформы – одна из наименее противоречивых сфер. Планы, принятые в Брисбене, по большей части включали уже реализуемые странами и/или запланированные к реализации меры, что отнюдь не снижает их значения. Напротив, взаимодействие в рамках Рабочей группы по Рамочному соглашению «двадцатки» позволяет учитывать опыт партнеров и рекомендации международных организаций в национальной политике. БРИКС и «Группа семи» поддерживают структурные реформы, но не уделяют соответствующим вопросам значительного внимания в своих документах. Можно сказать, что в части, касающейся структурных реформ, «Группа двадцати» действительно является главным форумом международного экономического сотрудничества для членов БРИКС и «семерки». Очень важно, чтобы это качество «двадцатки» не было утеряно по мере интеграции вопросов цифровой трансформации в сотрудничество по обеспечению устойчивого, сбалансированного и сильного роста. Такие риски очевидны, учитывая технологическое лидерство, стремление стран «семерки» сохранить превосходство в области цифровой экономики и контроль за реализацией функций глобального управления в области цифровизации [Киртон, Уоррен, 2018].

Финансовое регулирование

В отличие от многих других финансовых кризисов, эпицентром кризиса 2008 г. стали развитые страны, которые должны были бы иметь наиболее совершенные и надежные национальные системы регулирования, – США, Великобритания и государства еврозоны [Knight, 2014]. Более того, международные механизмы регулирования финансовых рынков были созданы и управлялись этими странами: Банк международных расчетов (БМР), Комитет по банковскому надзору при БМР, Международная организация комиссий по ценным бумагам. После кризиса 1997–1998 гг. «Группа семи» инициировала создание финансовой «двадцатки» и Форума финансовой стабильности (ФФС). МВФ начал реализацию Программы оценки финансового сектора. Комитет по финансовым рынкам ОЭСР усилил инструменты мониторинга за финансовыми системами и рисками, координацию между членами по вопросам финансовой политики [Thompson, 2014]. При этом надзор за финансовыми институтами и рынками оставался

прерогативой национальных регуляторов, несмотря на растущую глобализацию и усиления БМР, ФФС и других формирующих стандарты институтов. Национальные регуляторы в ключевых юрисдикциях игнорировали заявления МВФ о финансовых рисках и слабости национальных регуляторных структур, так же как и предостережения БМР, с 2003 г. предупреждавшего о растущих рисках масштабного кредитования в США и других крупнейших развитых странах и непрозрачности финансовых систем для международных финансовых рынков [Knight, 2014]. В свою очередь глобальные риски привели к росту уязвимостей в национальных финансовых системах стран с формирующимиися рынками, для которых характерен относительно низкий уровень глубины, ликвидности и устойчивости, в том числе и БРИКС.

Финансовый кризис стал результатом провала сотрудничества между ключевыми игроками в международной финансовой системе. Для его преодоления требовался качественно новый уровень координации. Уже в апреле 2008 г. ФФС подготовил и представил министрам «семерки» план действий по повышению устойчивости рынков и институтов [Paulson, 2008]. «Финансовая семерка» встречалась практически каждый месяц и в октябре одобрила план действий, включавший выполнение рекомендаций ФФС [G7 Finance Ministers, 2008]. План был положен в основу программы действий Вашингтонского саммита «Группы двадцати» по реализации реформы глобальной архитектуры финансового регулирования. Декларация определила незамедлительные и среднесрочные меры, направленные на повышение уровня транспарентности и подотчетности, усиление качественного регулирования и пруденциального надзора, повышение качества управления рисками, поощрение согласованности на финансовых рынках, укрепление международного сотрудничества и реформирование международных финансовых организаций. Для повышения легитимности и эффективности ФФС «Группа двадцати» выступила за незамедлительное расширение его состава за счет включения большего числа стран с развивающейся экономикой [«Группа двадцати», 2008].

Предложение о расширении состава и полномочий ФФС [FSF, 2009] было окончательно оформлено в поручение лидерами «двадцатки» на Лондонском саммите. Воссозданный на новой институциональной основе Совет по финансовой стабильности (СФС) был наделен мандатом по мониторингу изменений на рынках; анализу факторов уязвимости, затрагивающих финансовую систему; формированию рекомендаций по стандартам регулирования и их мониторингу; координации деятельности международных органов по стандартизации; выработке руководящих принципов в отношении создания надзорных коллегиальных органов; поддержке планирования и реализации чрезвычайных мер по урегулированию трансграничных кризисов [«Группа двадцати», 2009b]. СФС получил мандат вместе с МВФ осуществлять мероприятия по раннему предупреждению, выявлять возникающие макроэкономические и финансовые риски и информировать о них МВФК (МВФ), министров финансов и руководителей центральных банков стран «Группы двадцати». Усиление сотрудничества СФС и МВФ [Draghi, 2009] базировалось на разделении труда, предложенном в совместном письме М. Драги и Д. Стросс-Кана министрам финанс и главам центральных банков «Группы двадцати» [Strauss-Kahn, Draghi, 2008].

СФС стал общим институтом для стран «Группы двадцати», в том числе БРИКС и «Группы семи/восьми», создавших его предшественника. В документах БРИКС СФС практически не упоминается, поскольку «пятерка» рассматривает сотрудничество «двадцатки» с СФС в качестве ключевого механизма в сфере обеспечения финансовой стабильности. В то же время «Группа семи/восьми» продолжала еще некоторое время взаимодействовать с СФС и на уровне министров финансов [G8 Finance Ministers, 2009] и на уровне лидеров [«Группа восьми», 2009] как группа влияния, имеющая об-

щие интересы. Движущей силой в процессе трансформации ФФС в СФС, формирования повестки дня по финансовому регулированию были США, поддерживаемые Великобританией и странами континентальной Европы. Власти США испытывали колоссальное давление со стороны избирателей, требовавшего усиления регулирования. Однако одностороннее ужесточение стандартов подорвало бы конкурентоспособность финансового рынка США. Международное регуляторное сотрудничество создавало равные условия, снимало озабоченность ключевых участников финансового рынка США, способствовало реализации цели обеспечения стабильности и конкурентоспособности [Helleiner, 2010]. Поэтому приоритетом США и партнеров по «семерке» в «Группе двадцати» была реформа финансового регулирования, в то время как для БРИКС приоритетом была реформа системы международных финансовых институтов и учет интересов развивающихся стран в новых правилах финансового регулирования.

По поручению «девятки» Базельский комитет разработал новые требования к капиталу и ликвидности банков (Базель III), одобренные в ноябре 2011 г. в Сеуле. Относительный успех в разработке и согласовании Базеля III связан с ролью БРИКС. Страны «Группы семи» столкнулись с давлением банков, быстро восстановившихся после кризиса и добивавших отказ от реформы или увеличение сроков введения и снижение уровня новых требований. Соответственно, изменилась позиция стран «Группы семи». Члены Базельского комитета вспоминали, что участие Китая, Индии и Бразилии помогло противостоять давлению и размытию стандарта [Woods, 2010b]. Хотя зачастую реформы финансового регулирования винят в снижении уровня ликвидности на некоторых финансовых рынках [PwC, 2015], они позволили повысить устойчивость финансовых институтов и рынков.

Создавая новые институты и стандарты, страны «Группы семи» и БРИКС руководствовались разными интересами. Страны «семерки», имеющие крупнейшие финансовые рынки, стремились использовать «Группу двадцати», расширенный СФС и стандартоустанавливающие институты для создания международных правил игры, которые позволяют обеспечить стабильность и одновременно сохранить конкурентоспособность их национальных рынков. БРИКС, понимая необходимость повышения качества регулирования, совершенствования национальных нормативных баз и реформы международной системы финансового регулирования, особое внимание уделяли координации усилий по предотвращению последствий и побочных эффектов, возникающих от трансграничных эффектов реформы регулирования для стран с формирующимися рынками и развивающихся стран.

Заключение

Анализ позиций членов БРИКС, «Группы семи» и решений «Группы двадцати» по проблемам, исторически являющимся центральными в повестке дня (реформа международных финансовых институтов, макроэкономическая политика и финансовое регулирование), показал, что, несмотря на наличие противоречий внутри альянсов и общих интересов между членами БРИКС и некоторыми членами «семерки» по ряду вопросов, замещения сложившихся клубов ad hoc группами развитых и развивающихся стран не происходит. При этом члены «семерки» успешнее использовали координацию в рамках своего клуба для разрешения внутренних противоречий (в случае их наличия) и выработки общей позиции для совместного продвижения в «Группе двадцати». Конкретные примеры включают решения «девятки» по стимулированию роста экономики при сохранении стабильности цен и обеспечении финансовой устойчивости в среднесрочной перспективе. Оба альянса оказали влияние на формирование решений

«двадцатки»: «семерка» — преодолевая внутренние противоречия между членами и выстраивая коалиции с партнерами по «двадцатке», включая БРИКС; БРИКС — консолидируя позицию членов клуба и продвигая ее внутри «двадцатки» в коалиции с заинтересованными партнерами, в том числе из «Группы семи». По вопросу управления валютными курсами поиск компромиссного решения осуществлялся в рамках «Группы семи», которая затем продвинула его при поддержке БРИКС в более широком формате «двадцатки». В данном случае альянсы «Группы семи» и БРИКС в «Группе двадцати» действовали как партнеры, в то же время лидерство в формировании консенсуса по разрешению проблем конкурентной девальвации оставалось за «семеркой».

Движущей силой в формировании повестки дня по финансовому регулированию и в процессе трансформации ФФС в СФС была «семерка», страны которой, имеющие крупнейшие финансовые рынки, стремились использовать «Группу двадцати», расширенный СФС и стандартоустанавливающие институты для создания международных правил игры, позволяющих обеспечить стабильность и одновременно сохранение конкурентоспособности национальных рынков. БРИКС особое внимание уделяли координации усилий по предотвращению последствий и побочных эффектов, возникающих от трансграничных эффектов реформы глобального финансового регулирования для стран с формирующимиися рынками и развивающихся стран.

Участие развивающихся стран в «двадцатке» и аванс доверия создавали огромный потенциал для трансформации системы глобального экономического управления, однако достигнутые результаты весьма скромны. Отсутствие единой позиции членов БРИКС по созданию управляемой МВФ наднациональной резервной валюты на основе Специальных прав заимствования, несмотря на поддержку предложения Китая и России Германией и Францией, способствовало сохранению существующей международной валютной системы, «чрезмерной привилегии» США как эмитента резервной валюты и асимметричной уязвимости стран к финансовым и экономическим шокам. Координация позиций БРИКС повлияла на решение «Группы двадцати» о перераспределении квот в МВФ и ВБ в размере 6% и 5% соответственно в пользу развивающихся стран. Однако вопрос о пересмотре формулы расчета не решен до сих пор.

БРИКС и «Группа семи» оказали влияние на решения «двадцатки» по международной финансовой системе. БРИКС — создавая собственные институты, консолидируя позиции внутри клуба, формируя коалиции в «двадцатке» и оказывая давление на партнеров для продвижения реформы МВС. «Группа семи» — консолидируясь внутри клуба, формируя коалиции в «двадцатке» для сохранения и усиления существующих институтов и своего влияния в них. Таким образом, модели взаимодействия БРИКС и «Группы семи» были схожи, а цели различались. «Семерке» удалось реализовать цель укрепления старой системы и своего влияния в ней на основе сотрудничества с новыми центрами силы при незначительном повышении доли квот и голосов (уровня влияния) стран БРИКС в МВФ и ВБ; минимальном снижении доли квот и голосов стран «Группы семи»; сохранении контроля за управлением финансовыми институтами. В то же время БРИКС не смогли использовать новые механизмы для коренной трансформации и изменения баланса сил в системе в пользу развивающихся стран.

По сути, оправдались оценки ряда экспертов о характере трансформации системы: «Происходящее вовсе не является решением “Группы семи” открыть и укрепить многосторонние институты. Возможно, мы свидетели последней попытки старого концерта великих держав, “семерки” крупнейших индустриальных государств, сохранить влияние. Они ищут новые компромиссы с государствами с развивающимися рынками. Однако они не отпустили штурвал ключевых многосторонних институтов, МВФ и ВБ, хотя становится ясно, что от этого зависит будущая эффективность этих институтов.

В результате на месте устаревшей “Группы семи” может появиться двойственный мировой порядок, в котором многосторонние институты будут играть ограниченную роль наряду с новыми национальными и региональными стратегиями» [Woods, 2010a]. Действительно, БРИКС не удалось изменить баланс сил и правила игры в сложившихся форматах сотрудничества. Страны «пятерки» формируют новые институты и правила, как собственные (Новый банк развития, Пул условных валютных резервов, Механизм межбанковского сотрудничества БРИКС, Соглашение о предоставлении кредитных линий в национальных валютах и др.), так и совместно с другими партнерами (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, где Китаю, Индии и России принадлежат крупнейшие пакеты акций). Новые институты создают общественные блага для своих членов и их партнеров, оказывают давление в сторону более активного реформирования сложившейся системы, являются вкладом БРИКС в создание более справедливой системы глобального экономического управления и обеспечение устойчивого, сильного, сбалансированного и инклюзивного роста. Укрепление партнерства БРИКС, повышение эффективности собственных механизмов сотрудничества, усиление координации в «Группе двадцати», развитие сотрудничества с международными институтами и усиление взаимодействия в рамках сложившихся многосторонних институтов (МВФ, ВБ, многосторонние банки развития) необходимы для преодоления двойственного характера и достижения цели формирования более демократического и справедливого многополярного миропорядка.

Источники

Андронова И.В., Шелепов А.В. (2019) Возможности усиления влияния НБР и АБИИ в глобальной финансовой системе // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 39–54. DOI:10.17323/1996-7845-2019-01-03.

БРИК (2010) Совместное заявление глав государств и правительств стран – участниц Второго саммита БРИК. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/BRAZILIA_Leaders_Declaration_2010.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

БРИКС (2015) Уфимская декларация. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/Ufa_Declaration.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа восьми» (2009) Ответственное руководство в интересах обеспечения устойчивого развития. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G7G8/2009/Responsible_leadership_for_a_sustainable_future_2009.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа двадцати» (2008) Декларация саммита «Группы двадцати» по финансовым рынкам и мировой экономике. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/Washington_2008_RUS.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа двадцати» (2009а) Питтсбургский саммит – заявление глав государств «Группы двадцати». Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/Pittsburg_2009_RUS.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа двадцати» (2009б) План действий по выходу из глобального финансового кризиса. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/FIN_CRISIS_PLAN_2009.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа двадцати» (2010а) Декларация саммита лидеров государств «Группы 20» в Торонто. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/2010/The_G20_Toronto_summit_declaration_RUS.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа двадцати» (2010б) Документы саммита «Группы двадцати» в Сеуле. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/Seoul_DOCS_RUS_2010.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа двадцати» (2013a) Санкт-Петербургская декларация лидеров «Группы двадцати». Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/S-PETERBURG_2013_RUS.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа двадцати» (2013b) Санкт-Петербургский План действий. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/2013/St._Petersburg_Action_Plan_2013-RUS.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

«Группа двадцати» (2019) Осакская декларация лидеров стран «Группы двадцати». Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/OSAKA_DECLARATION_rus.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

Киртон Дж., Уоррен Б. (2018) Повестка дня «Группы двадцати» в области цифровизации // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 2. С. 17–47 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-02.

Ларионова М.В. (2017) «Группа двадцати» и международные организации: взаимодействие для обеспечения сильного, устойчивого и сбалансированного роста. Вестник международных организаций. Т. 12. № 2. С. 54–86. DOI:10.17323/1996-7845-2017-02-54.

МВФ (2018) Процесс взаимной оценки «Группы двадцати» (МАП). Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/About/Factsheets/Sheets/2016/07/27/15/48/G20-Mutual-Assessment-Process-MAP> (дата обращения: 21.10.2019).

Министры финансов БРИК (2009) Коммюнике по итогам встречи министров финансов БРИК 13 марта 2009 г. Режим доступа: <http://www1.minfin.ru/ru/official/index.php?id4=7172> (дата обращения: 21.10.2019).

Президент России (2009) Предложения Российской Федерации к саммиту «Группы двадцати» в Лондоне (апрель 2009 г.). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/4393> (дата обращения: 21.10.2019).

Президент России (2013) Встреча лидеров БРИКС. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19159> (дата обращения: 21.10.2019).

Прилепский И.В. (2018) Рамочное соглашение «Группы двадцати» об уверенном, устойчивом, сбалансированном и инклюзивном росте: итоги председательства Германии и рекомендации для председательства Аргентины // Вестник международных организаций. Т. 13. № 2. С. 48–67. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-03.

Шелепов А.В., Андронова И.В. (2018) Взаимодействие НБР с другими банками развития: формальные основы для будущего сотрудничества // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-06.

Akyüz Y. (2010) Why the IMF and the International Monetary System Need More than Cosmetic Reform. South Centre Research Papers, 32. Режим доступа: <http://dowbor.org/ar/rp32akyuzimfreform.pdf> (accessed 21 October 2019).

Andersen C. (2015) IMF Survey: IMF Spells Out Need for Global Fiscal Stimulus. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/soint122908a> (дата обращения: 21.10.2019).

Buxton N. (2011) The Invisible Summit: The UN Conference on Global Economic crisis – An Eyewitness Account. Globalization in Crisis / B.K. Gills (ed.). Routledge.

Cooper A.F. (2014) The G20 and Contested Global Governance: BRICS, Middle Powers and Small States // Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy. Vol. 2. No. 3. P. 87–109.

Cooper A.F. (2016) The BRICS: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press.

Dervis K., Drysdale P. (2016). G-20 Summit at Five: Time for Strategic Leadership. Brookings. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Chapter-One-7.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

Draghi M. (2009) Re-establishment of the FSF as the Financial Stability Board. Режим доступа: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_090402.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

English K. et al. (2009) A Map for Strengthening the G20 Mutual Assessment. CIGI Junior Fellows Policy Brief. No. 2. Режим доступа: <https://www.cigionline.org/sites/default/files/no2.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

Financial Stability Forum (FSF) (2009) Financial Stability Forum Decides to Broaden its Membership. Ref No. 10/2009. Режим доступа: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/pr_090312b.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

Fratzscher M. (2008) How Successful Is the G7 in Managing Exchange Rates? // Journal of International Economics. Vol. 79. No. 1. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/23525637_How_Successful_Is_the_G7_in_Managing_Exchange_Rates (дата обращения: 21.10.2019).

G7 Finance Ministers (2008) G7 Finance Ministers and Central Bank Governors Plan of Action. Режим доступа: <http://www.g7.utoronto.ca/finance/fm081010.htm> (дата обращения: 21.10.2019).

G7 Finance Ministers (2013) Statement by G7 Finance Ministers and Central Bank Governors. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G7G8/2013/Statement_by_G7_Finance_Ministers_and_Central_Bank_Governors_12_feb_2013.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

G8 Finance Ministers (2009) Statement. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G7G8/2009/Statement_of_G8_Finance_Ministers_Lecce_2009.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

Helleiner E. (2010) What Role for the New Financial Stability Board? // The Politics of International Standards after the Crisis. Global Policy. Vol. 1. No. 3. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1758-5899.2010.00040.x> (дата обращения: 21.10.2019).

IMF (2019) IMF Lending. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/About/Factsheets/IMF-Lending> (дата обращения: 21.10.2019).

International Monetary Fund (IMF) (2018) Considerations on the Role of the SDR. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/11/pp030618consideration-of-the-role-the-sdr#> (дата обращения: 21.10.2019).

Kirchner S. (2016) The G20 and Global Governance // Cato Journal. Vol. 36. No. 3. Режим доступа: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/cato-journal/2016/9/cj-v36n3-2.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

Kirton J.J. (2013) G20 Governance for a Globalized World. Aldershot: Ashgate.

Knight M.D. (2014) Reforming the Global Architecture of Financial Regulation. The G20, the IMF and the FSB. CIGI Papers No. 42. Режим доступа: <http://eprints.lse.ac.uk/61213/1/SP-6%20CIGI.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

Mateos y Lago I., Duttagupta R., Goyal R. (2009) The Debate on the International Monetary System. IMF Staff Position Note SPN/09/26. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2009/spn0926.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

Montani G. (1989). Robert Triffin and the Economic Problem of the 20th century // The Federalist: A Political Review. Vol. XXXI. No. 3.

McGeever J. (2017) TIMELINE – A History of G7, G20 and Foreign Exchange // Reuters, March 10. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/global-g20-factbox/timeline-a-history-of-g7-g20-and-foreign-exchange-idUSL5N1FT693> (дата обращения: 21.10.2019).

Ocampo J.A. (2015) Reforming the Global Monetary Non-system. WIDER Working Paper 2015/146. Режим доступа: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2015-146.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

OECD (2018) Going for Growth 2018: An Opportunity that Governments should not Miss. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/growth-2018-en> (дата обращения: 21.10.2019).

Ostry J.D., Ghosh A.R. (2013) Obstacles to International Policy Coordination, and How to Overcome Them. IMF Staff Discussion Note 13/11. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2013/sdn1311.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

Paulson H.M. (2008) Statement by U.S. Treasury Secretary Henry Paulson Following Meeting of G7 Finance Ministers and Central Bank Governors. Режим доступа: http://www.g7.utoronto.ca/finance/fm080411_paulson.htm (дата обращения: 21.10.2019).

- Paulson H.M. (2010) On the Brink: Inside the Race to Stop the Collapse of the Global Financial System. Business Plus. Режим доступа: http://library.aceondo.net/ebooks/HISTORY/On_the_Brink__Inside_the_Race_to_Stop_the_Collapse_of_the_Global_Financial_System.pdf (дата обращения: 21.10.2019).
- Prasad E., Sorkin I. (2009) Assessing the G-20 Stimulus Plans: A Deeper Look. Brookings. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/assessing-the-g-20-stimulus-plans-a-deeper-look/> (дата обращения: 21.10.2019).
- PricewaterhouseCoopers (PwC) (2015) Global Financial Markets Liquidity Study. Режим доступа: <https://www.pwc.lu/en/banking/docs/pwc-banking-global-financial-markets.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).
- Rajah R. (2019) China-US Currency Clash: Who's Manipulating Who? Режим доступа: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/china-us-currency-clash-whos-manipulating-who> (дата обращения: 21.10.2019).
- Schirm S.A. (2011) Global Politics are Domestic Politics: How Societal Interests and Ideas Shape Ad Hoc Groupings in the G20 which Supersede International Alliances. Paper Prepared for the International Studies Association (ISA) Convention in Montreal, Canada, March 16–19. Режим доступа: <http://www.sowi.rub.de/mam/content/lsp/schirmg20isa2011.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).
- SDR Working Party (2014) Using the SDR as a Lever to Reform the International Monetary System. Report of an SDR Working Party. Режим доступа: http://www.triffininternational.eu/images/RTI/articles_papers/SDR-WP_Final-Report-May-2014.pdf (дата обращения: 21.10.2019).
- Strauss-Kahn D. (2015) The International Monetary System: Reforms to Enhance Stability and Governance. International Finance Forum. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp111609> (дата обращения: 21.10.2019).
- Strauss-Kahn D., Draghi M. (2008) Letter to G20 Ministers and Governors. Режим доступа: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_081113.pdf (дата обращения: 21.10.2019).
- Tedesco L., Youngs R. (2009) The G20: A Dangerous ‘Multilateralism’? FRIED Policy Brief, no 18. Режим доступа: https://www.files.ethz.ch/isn/131352/PB18_Dangerous_multila_ENG_agos09.pdf (дата обращения: 21.10.2019).
- Thakur R. (2016) Governance for a World Without World Government. Reflections on How to Reshape Global Order // Russia in Global Affairs. 12 April. Режим доступа: <https://eng.globalaffairs.ru/number/Governance-for-a-World-Without-World-Government-18101> (дата обращения: 21.10.2019).
- Thakur R. et al. (2014) The Next Phase in the Consolidation and Expansion of Global Governance // Global Governance. Vol. 20. No. 1. P. 1–4.
- The Economist (2010) The Ghost at the Feast. 12 November. Режим доступа: <https://www.economist.com/newsbook/2010/11/12/the-ghost-at-the-feast> (дата обращения: 21.10.2019).
- Thompson J.K. (2014) Five Decades at the Heart of Financial Modernisation: The OECD and its Committee on Financial Markets // OECD Journal: Financial Market Trends. Vol. 2011. No. 1. Режим доступа: <http://www.oecd.org/daf/fin/financial-markets/Five-Decades-Financial-Modernisation.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).
- United Nations (UN) (2010) Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. Режим доступа: https://www.un.org/ga/econcrisissummit/docs/FinalReport_CoE.pdf (дата обращения: 21.10.2019).
- Wade R. (2012) The G192 Report. Режим доступа: <http://cesran.org/the-g192-report.html> (дата обращения: 21.10.2019).
- Woods N. (2010a) Global Governance after the Financial Crisis: A New Multilateralism or the Last Gasp of the Great Powers // Global Policy. Vol. 1. No. 1. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1758-5899.2009.0013.x> (дата обращения: 21.10.2019).
- Woods N. (2010b) The G20 Leaders and Global Governance. GEG Working Paper. No. 2010/59. Global Economic Governance Programme(GEG). Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/196320/1/GEG-WP-059.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).
- Zhou X. (2009) Reform the International Monetary System. Режим доступа: <https://www.bis.org/review/r090402c.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

The G7 and BRICS in the G20 Economic Governance¹

M. Larionova, A. Shelepow

Marina Larionova – PhD, Head, Centre for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Andrey Shelepow – Candidate of Economic Sciences, Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, 119034, Moscow, Russian Federation; E-mail: shelepow-av@ranepa.ru

Abstract

The G20, established to overcome the 2008 financial and economic crisis, has asserted itself as the premier forum for international economic cooperation, most representative and authoritative mechanism for coordinating positions and forging collective decisions on economic policy issues. Members of the G7 and BRICS, the oldest club of developed industrial economies and the youngest club of the largest emerging economies, coordinate within the G20. It is argued that in the process of consensus-building in the G20, advanced and developing countries form new ad hoc groupings on specific issues, which temporarily supersede the existing alliances, such as the G7/8 and BRICS, and allow them to pursue decisions conforming to their national interests.

This article reviews the G7 and BRICS members' positions and coalition-building in the process of forging decisions on the issues historically central to the G20 agenda: international financial institutions reform, macroeconomic policy and financial regulation. The authors seek to reveal what role the BRICS and G7 alliances played in advancing their members' priorities in the G20 decisions. Have ad hoc groupings of advanced and developing economies indeed replaced the traditional alliances? Was the BRICS successful in using cooperation within the G20 to rebalance power and change the rules of the game in the global system? Has the G7 managed to maintain and consolidate its influence in the renewed system of global economic governance? What resources the BRICS possess for compensating the deficit of influence on the G20 decisions to achieve a more democratic and equitable multipolar world order and ensure sustainable, strong, balanced and inclusive growth?

The findings show that, despite contradictions within the alliances and common interests between the BRICS and some G7 members on a number of issues, ad hoc groupings of advanced and developing countries do not replace the existing clubs. The G7 members successfully use coordination within their club to resolve internal contradictions, develop a common position and jointly promote it in the G20. The G7 ensured strengthening of the IFI system and its influence in it through cooperation with new centers of power, with a slight increase in the IMF and WB quota and votes shares for the BRICS; minimum reduction of these figures for the G7; and maintaining control over the IFIs governance. Both alliances influenced the G20 decisions to stimulate economic growth while maintaining price stability and ensuring financial sustainability. On managing the exchange rates, the BRICS and G7 acted as partners in the G20; however, the G7 demonstrated leadership in building consensus to address competitive devaluation. The G7 drove the financial regulation agenda. The BRICS established new institutions and rules. These new institutions create public goods for their members and their partners, exert catalytic influence for reform of the existing system, and contribute to building a more equitable global economic governance. However, BRICS has failed to change the balance of power and the rules of the game in the existing cooperation set up.

Key words: G20; G7; BRICS; international financial institutions reform; macroeconomic policy and financial regulation; global economic governance

For citation: Larionova M., Shelepow A. (2019) The G7 and BRICS in the G20 Economic Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 48–71 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-03.

¹ The editorial board received the article in August 2018.

The research was carried out within the framework of the RANEPA research project “Analysis of opportunities for aligning BRICS countries’ positions on key issues of the global agenda”.

References

- Akyüz Y. (2010) Why the IMF and the International Monetary System Need More than Cosmetic Reform. South Centre Research Papers 32. Available at: <http://dowbor.org/ar/rp32akyuzimfreform.pdf> (accessed 21 October 2019).
- Andersen C. (2015) IMF Survey: IMF Spells Out Need for Global Fiscal Stimulus. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/soint122908a> (accessed 21 October 2019).
- Andronova I., Shelepor A. (2019) Potential for Strengthening the NDB's and AIIB's Role in the Global Financial System. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1, pp. 39–54 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-03.
- BRIC (2010) Second Summit: Joint Statement. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/brazpresidency1/Second%20Summit%202010.pdf> (accessed 21 October 2019).
- BRIC Finance Ministers (2009) Joint Communiqué of the II Meeting of BRICS Finance Ministers. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/rusresidency1/finance%202009%201.pdf> (accessed 21 October 2019).
- BRICS (2015) Ufa Declaration. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/rusresidency2/Declaration_eng.pdf (accessed 21 October 2019).
- Buxton N. (2011) The Invisible Summit: The UN Conference on Global Economic crisis – An Eyewitness Account. *Globalization in Crisis* (B.K. Gills (ed.)). Routledge.
- Cooper A.F. (2014) The G20 and Contested Global Governance: BRICS, Middle Powers and Small States. *Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy*, vol. 2, no 3, pp. 87–109.
- Cooper A.F. (2016) *The BRICS: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Dervis K., Drysdale P. (2016) G-20 Summit at Five: Time for Strategic Leadership. Brookings. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Chapter-One-7.pdf> (accessed 21 October 2019).
- Draghi M. (2009) Re-Establishment of the FSF as the Financial Stability Board. Available at: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_090402.pdf (accessed 21 October 2019).
- English K. et al. (2009) A Map for Strengthening the G20 Mutual Assessment. CIGI Junior Fellows Policy Brief, no 2. Available at: <https://www.cigionline.org/sites/default/files/no2.pdf> (accessed 21 October 2019).
- Financial Stability Forum (FSF) (2009) Financial Stability Forum Decides to Broaden its Membership. Ref no 10/2009. Available at: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/pr_090312b.pdf (accessed 21 October 2019).
- Fratzscher M. (2008) How Successful Is the G7 in Managing Exchange Rates? *Journal of International Economics*, vol. 79, no 1. Available at: https://www.researchgate.net/publication/23525637_How_Successful_Is_the_G7_in_Managing_Exchange_Rates (accessed 21 October 2019).
- G7 Finance Ministers (2008) G7 Finance Ministers and Central Bank Governors Plan of Action. Available at: <http://www.g7.utoronto.ca/finance/fm081010.htm> (accessed 21 October 2019).
- G7 Finance Ministers (2013) Statement by G7 Finance Ministers and Central Bank Governors. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G7G8/2013/Statement_by_G7_Finance_Ministers_and_Central_Bank_Governors_12_feb_2013.pdf (accessed 21 October 2019).
- G8 (2009) Responsible Leadership for a Sustainable Future. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g8/2009/2009-declaration.pdf> (accessed 21 October 2019).
- G8 Finance Ministers (2009) Statement. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G7G8/2009/Statement_of_G8_Finance_Ministers_Lecce_2009.pdf (accessed 21 October 2019).
- G20 (2008) Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2008washington/Declaration%20of%20the%20Summit%20on%20Financial%20Markets.pdf> (accessed 21 October 2019).
- G20 (2009a) G20 Leaders Statement: The Pittsburgh Summit. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009pittsburgh/G20%20Leaders%20Statement.pdf> (accessed 21 October 2019).

- G20 (2009b) London Summit – Leaders' Statement. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009london/2009communique0402.pdf> (accessed 21 October 2019).
- G20 (2010a) The G-20 Toronto Summit Declaration. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2010toronto/g20_declaration_en.pdf (accessed 21 October 2019).
- G20 (2010b) The Seoul Summit Document. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2010%20Korea/g20seoul-doc.pdf> (accessed 21 October 2019).
- G20 (2013a) St. Petersburg Action Plan. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2013spbsummit/St.Petersburg%20Action%20Plan.pdf> (accessed 21 October 2019).
- G20 (2013b) St. Petersburg G20 Leaders' Declaration. Available at: <http://en.g20russia.ru/load/782795034> (accessed 21 October 2019).
- G20 (2019) G20 Osaka Leaders' Declaration. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/FINAL_G20_Osaka_Leaders_Declaration.pdf (accessed 21 October 2019).
- Helleiner E. (2010) What Role for the New Financial Stability Board? *The Politics of International Standards after the Crisis. Global Policy*, vol. 1, iss. 3. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1758-5899.2010.00040.x> (accessed 21 October 2019).
- International Monetary Fund (IMF) (2018) Considerations on the Role of the SDR. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/11/pp030618consideration-of-the-role-the-sdr#> (accessed 21 October 2019).
- Kirchner S. (2016) The G20 and Global Governance. *Cato Journal*, vol. 36, no 3. Available at: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/cato-journal/2016/9/cj-v36n3-2.pdf> (accessed 21 October 2019).
- Kirton J.J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Aldershot: Ashgate.
- Kirton J.J., Warren B. (2018) G20 Governance of Digitalization. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 2, pp. 16–41 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-02.
- Knight M.D. (2014) Reforming the Global Architecture of Financial Regulation. The G20, the IMF and the FSB. CIGI Papers, no 42. Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/61213/1/SP-6%20CIGI.pdf> (accessed 21 October 2019).
- Larionova M. (2017) G20: Engaging with International Organizations to Generate Growth. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 2, pp. 54–86 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-195.
- Mateos y Lago I., Duttagupta R., Goyal R. (2009) The Debate on the International Monetary System. IMF Staff Position Note SPN/09/26. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2009/spn0926.pdf> (accessed 21 October 2019).
- Montani G. (1989). Robert Triffin and the Economic Problem of the 20th Century. *The Federalist: A Political Review*, vol. XXXI, no 3.
- McGeever J. (2017) TIMELINE – A History of G7, G20 and Foreign Exchange. *Reuters*, 10 March. Available at: <https://www.reuters.com/article/global-g20-factbox/timeline-a-history-of-g7-g20-and-foreign-exchange-idUSL5N1FT693> (accessed 21 October 2019).
- Ocampo J.A. (2015) Reforming the Global Monetary Non-system. WIDER Working Paper 2015/146. Available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2015-146.pdf> (accessed 21 October 2019).
- OECD (2018) Going for Growth 2018: An Opportunity that Governments should not Miss. Available at: <https://doi.org/10.1787/growth-2018-en> (accessed 21 October 2019).
- Ostry J.D., Ghosh A.R. (2013) Obstacles to International Policy Coordination, and How to Overcome Them. IMF Staff Discussion Note 13/11. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2013/sdn1311.pdf> (accessed 21 October 2019).
- Paulson H.M. (2008) Statement by U.S. Treasury Secretary Henry Paulson Following Meeting of G7 Finance Ministers and Central Bank Governors. Available at: http://www.g8.utoronto.ca/finance/fm080411_paulson.htm (accessed 21 October 2019).

- Paulson H.M. (2010) On the Brink: Inside the Race to Stop the Collapse of the Global Financial System. Business Plus. Available at: http://library.aceondo.net/ebooks/HISTORY/On_the_Brink__Inside_the_Race_to_Stop_the_Collapse_of_the_Global_Financial_System.pdf (accessed 21 October 2019).
- Prasad E., Sorkin I. (2009) Assessing the G-20 Stimulus Plans: A Deeper Look. Brookings. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/assessing-the-g-20-stimulus-plans-a-deeper-look/> (accessed 21 October 2019).
- President of Russia (2009) Russian Proposals to the London Summit (April 2009). Available at: <http://en.kremlin.ru/supplement/4401> (accessed 21 October 2019).
- PricewaterhouseCoopers (PwC) (2015) Global Financial Markets Liquidity Study. Available at: <https://www.pwc.lu/en/banking/docs/pwc-banking-global-financial-markets.pdf> (accessed 21 October 2019).
- Prilepskiy I. (2018) G20 Framework for Strong, Sustainable, Balanced and Inclusive Growth: German Presidency Outcomes and Recommendations for the Argentinian Presidency. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 2, pp. 42–59 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-03.
- Rajah R. (2019) China-US Currency Clash: Who's Manipulating Who? Available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/china-us-currency-clash-whos-manipulating-who> (accessed 21 October 2019).
- Schirm S.A. (2011) Global Politics are Domestic Politics: How Societal Interests and Ideas Shape Ad Hoc Groupings in the G20 which Supersede International Alliances. Paper Prepared for the International Studies Association (ISA) Convention in Montreal, Canada, March 16–19. Available at: <http://www.sowi.rub.de/mam/content/lsip/schirmg20isa2011.pdf> (accessed 21 October 2019).
- SDR Working Party (2014) Using the SDR as a Lever to Reform the International Monetary System. Report of an SDR Working Party. Available at: http://www.triffininternational.eu/images/RTI/articles_papers/SDR-WP_Final-Report-May-2014.pdf (accessed 21 October 2019).
- Sheleporov A., Andronova I. (2018) Engagement between the New Development Bank and Other Development Banks: A Formal Basis for Future Cooperation. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 1, pp. 99–113. (In Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-06.
- Strauss-Kahn D. (2015) The International Monetary System: Reforms to Enhance Stability and Governance, International Finance Forum. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp111609> (accessed 21 October 2019).
- Strauss-Kahn D., Draghi M. (2008) Letter to G20 Ministers and Governors. Available at: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_081113.pdf (accessed 21 October 2019).
- Tedesco L., Youngs R. (2009) The G20: A Dangerous ‘Multilateralism’? FRIED Policy Brief no 18. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/131352/PB18_Dangerous_multila_ENG_agos09.pdf (accessed 21 October 2019).
- Thakur R. (2016) Governance for a World Without World Government. Reflections on How to Reshape Global Order. *Russia in Global Affairs*, 12 April. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/number/Governance-for-a-World-Without-World-Government-18101> (accessed 21 October 2019).
- Thakur R. et al. (2014) The Next Phase in the Consolidation and Expansion of Global Governance. *Global Governance*, vol. 20, no 1, pp. 1–4.
- The Economist (2010) The Ghost at the Feast. 12 November. Available at: <https://www.economist.com/news-book/2010/11/12/the-ghost-at-the-feast> (accessed 21 October 2019).
- Thompson J.K. (2014) Five Decades at the Heart of Financial Modernisation: The OECD and its Committee on Financial Markets. *OECD Journal: Financial Market Trends*, vol. 2011, no 1 (supplement). Available at: <http://www.oecd.org/daf/fin/financial-markets/Five-Decades-Financial-Modernisation.pdf> (accessed 21 October 2019).
- United Nations (UN) (2010) Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. Available at: Available at: https://www.un.org/ga/econcrisisummit/docs/FinalReport_CoE.pdf (accessed 21 October 2019).
- Wade R. (2012) The G192 Report. Available at: <http://cesran.org/the-g192-report.html> (accessed 21 October 2019).

Woods N. (2010a) Global Governance after the Financial Crisis: A New Multilateralism or the Last Gasp of the Great Powers. *Global Policy*, vol. 1, no 1. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1758-5899.2009.0013.x> (accessed 21 October 2019).

Woods N. (2010b) The G20 Leaders and Global Governance. GEG Working Paper, no 2010/59. Global Economic Governance Programme (GEG). Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/196320/1/GEG-WP-059.pdf> (accessed 21 October 2019).

Zhou X. (2009) Reform the International Monetary System. Available at: <https://www.bis.org/review/r090402c.pdf> (accessed 21 October 2019).

Восприятие международным академическим сообществом роли БРИКС в системе институтов глобального управления¹

И.М. Попова

Попова Ирина Максимовна – м.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11 к. 1; E-mail: popova-im@ranepa.ru.

Интерес международного академического сообщества к БРИКС постоянно растет. Ученые-международники стараются объяснить феномен трансформации БРИКС из акронима в реально действующий институт, определить его возможности влиять на процесс принятия решений по ключевым вопросам глобального управления и трансформировать сложившуюся систему, а также предсказать будущее объединения. На разных этапах развития БРИКС одни ученые предрекали неминуемый распад объединения, другие ставили под сомнение его способность в серьезной степени влиять на развитие международной системы и ее институтов, третья подтверждала наличие у БРИКС реальной возможности влиять на трансформацию системы, но считали, что такое влияние исключительно деструктивно. Однако у БРИКС довольно много сторонников, причем не только среди академического сообщества стран-членов и других развивающихся государств, но и среди представителей западных стран.

В связи с этим интересно проследить, как БРИКС воспринимается членами академического сообщества, какие мнения преобладали на разных этапах развития института, какие факторы могли привести к изменению характера даваемых оценок, какие методологические подходы используются, насколько серьезно влияние общей идеологии, которой придерживается автор, а также выделить основные тренды в проводимых исследованиях. Попытка ответить на эти вопросы является целью данной статьи.

В статье рассматриваются две группы исследований, посвященных месту БРИКС в современной системе международных отношений. В первую группу входят представители западных стран и университетов. Во вторую авторы из других, незападных, стран. При этом целью исследования является демонстрация спектра отношения к БРИКС со стороны международного академического сообщества, используемых методов, преобладающих подходов, а не высказывание точки зрения автора настоящей статьи о месте, роли и будущем БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС; система международных отношений; глобальное экономическое управление; международное академическое сообщество; мир-системный подход; либеральный институционализм

Для цитирования: Попова И.М. (2019) Восприятие международным академическим сообществом роли БРИКС в системе институтов глобального управления // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 72–88 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-04.

¹ Статья поступила в редакцию в июле 2019 г.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Мониторинг и оценка уровня исполнения обязательств, принятых лидерами на саммитах “Группы двадцати” и БРИКС 2018 года» (2019).

Введение

БРИКС прошел серьезный путь от акронима, предложенного аналитиком «Голдман Сакс» в 2001 г., до полноценного института глобального управления, в рамках которого принимаются конкретные решения, создаются новые институты, а также координируются интересы участников по ряду направлений. За прошедшие годы интерес к феномену БРИКС постоянно рос как со стороны экономистов, инвесторов и политических лидеров, так и со стороны академического сообщества. При этом восприятие БРИКС постоянно трансформируется вместе с растущим числом принятых конкретных обязательств, созданных форматов взаимодействия и общим ростом влияния объединения, а также происходящими изменениями как внутри стран-членов, так и в системе международных политических и экономических отношений в целом. На разных этапах развития БРИКС одни ученые предрекали неминуемый распад объединения, другие ставили под сомнение его способность в серьезной степени влиять на развитие международной системы и ее институтов, третьи подтверждали наличие у БРИКС реальной возможности влиять на трансформацию системы, но считали, что такое влияние исключительно деструктивно. В 2016 г. И. Валлерстайн заявил, что БРИКС, объединившиеся для трансформации растущей экономической мощи в geopolитическую силу, никогда не выполняли собственные решения, а в результате снижения темпов экономического роста, внутриполитических проблем и внешних ограничений остались «выдумкой нашего времени» [Wallerstein, 2016].

Однако у БРИКС довольно много сторонников, причем не только среди академического сообщества стран-членов и других развивающихся государств, но и среди представителей западных стран. Они считают, что объединение таких крупных и влиятельных в экономическом и политическом отношении стран может расширить представительство развивающегося мира при принятии важнейших решений, ускорить и закрепить переход к многополярному миру, способствовать реформе некоторых институтов глобального управления и в целом быть инициатором позитивных преобразований международной системы.

В связи с этим интересно проследить, как БРИКС воспринимается членами академического сообщества, какие мнения преобладали на разных этапах развития института, какие факторы могли привести к изменению характера даваемых оценок, какие методологические подходы используются, насколько серьезно влияние общей идеологии, которой придерживается автор, а также выделить основные тренды в проводимых исследованиях. Попытка ответить на эти вопросы является целью данной статьи.

К настоящему моменту написаны тысячи статей и монографий, посвященных БРИКС. Рассмотреть все в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, рассматривались исключительно статьи, посвященные исследованию БРИКС как института или политического объединения, а не группы стран. Во-вторых, отбирались статьи, анализирующие влияние БРИКС на развитие системы международных отношений и составляющих ее элементов (в первую очередь международных организаций и институтов) в целом. Более специализированные исследования, рассматривающие политику или влияние БРИКС в узких областях, также интересны, но не являются объектом исследования этой статьи. Предпочтение отдавалось исследованиям в области политической науки и международных отношений, а также мировой экономики. В-третьих, несмотря на то, что был изучен большой пласт статей из разнообразных источников, основное внимание в данной статье уделяется цитируемым работам, опубликованным в рецензируемых и

индексируемых журналах, входящих в основные реферативные базы данных (Scopus и Web of Science). Это позволяет составить наиболее объективную картину именно научных исследований по теме БРИКС.

В статье рассматриваются две группы исследований, посвященных месту БРИКС в современной системе международных отношений. В первую группу входят представители западных стран и университетов. Во вторую авторы из других, незападных, стран. При этом целью исследования является демонстрация спектра отношения к БРИКС со стороны международного академического сообщества, используемых методов, преобладающих подходов, а не высказывание точки зрения автора данной статьи о месте, роли и будущем БРИКС.

Академическое сообщество стран Запада

Западные ученые, исследующие БРИКС, не единодушны в своих оценках. Существует как группа скептически и негативно настроенных авторов, так и группа сторонников и пропонентов. Первая группа исследователей не видит у БРИКС потенциала положительного влияния на развитие международной системы. Р. Уэйд ставит под сомнение коллективную идентичность форума, способность создавать позитивную повестку дня, принимать коллективные решения и выполнять обязательства. Он считает, что страны БРИКС объединены общей целью подрыва лидерства США и ЕС и бросают вызов архитектуре либерального глобального экономического управления. Он также утверждает, что США остаются доминирующим государством международной системы и вместе с членами «семерки» продолжают удерживать лидерство, но теперь опасливо и оборонительно. Китай колеблется: с одной стороны, заявляет о себе как о лидере и «волне будущего», с другой – позиционирует себя как слишком бедное государство, чтобы брать глобальные обязательства. Сочетание оборонительной стратегии «Большой семерки» и ревностной защиты суверенитета в развивающихся странах порождает дух вестфальского противостояния и самоутверждения в рамках международных форумов по принципу «каждое государство за себя» [Wade, 2011].

Разделяет взгляды Уэйда и В. Харш. В своем исследовании он вообще не верит в перспективы БРИКС и фактически собирает в нем все основные положения критики института. Он пишет, что даже если государства – члены БРИКС смирятся с ростом и доминированием Китая, фундаментальное противоречие лежит в самом сердце БРИКС как политической идеи. По его мнению, у Китая и России мало стимулов искать перемен в глобальной политической институциональной структуре. Они заинтересованы в сохранении статус-кво, в то время как другие страны БРИКС пытаются войти в список современных великих держав и поэтому стремятся к перераспределению влияния в системе. Кроме того, он отмечает, что страны БРИКС «хотят большей ответственности в решении глобальных экономических вопросов, в политическом поле и вопросах безопасности, но по-прежнему неохотно принимают на себя ответственность» [Harsh, 2013]. По мнению Харша, страны БРИКС не смогли выработать скоординированный ответ на различные глобальные вызовы, что отражено в их расходящихся позициях в ООН. Также Харш считает, что представление БРИКС о том, каким должен быть глобальный порядок, в корне отличается от либерального видения западных государств.

Харш отмечает, что помимо вопроса о глобальном лидерстве не совсем очевидно, считаются ли БРИКС лидерами в своих регионах, то есть сферах непосредственного влияния. Все, включая Китай, по мнению Харша, продолжают сталкиваться с серьезными проблемами в своих регионах. В итоге он приходит к выводу, что влияние БРИКС на трансформацию мирового порядка остается в лучшем случае зарождающимся,

а в худшем – создающим проблемы. Харш также заключает, что нарратив о росте влияния БРИКС столь же преувеличен, как и об упадке влияния США, и в результате БРИКС «будет оставаться искусственной конструкцией, просто аббревиатурой, придуманной аналитиком инвестиционного банка, в течение довольно долгого времени» [Harsh, 2013].

При этом некоторые скептически настроенные авторы все же признают наличие у БРИКС определенного потенциала, но считают, что различные факторы будут препятствовать его реализации. Т. Струе де Свиланде, с одной стороны, признает, что вместе страны БРИКС имеют достаточно большой политический вес, выступая за многосторонний мировой порядок и отражая ожидания многих стран, ставящих под сомнение легитимность существующих международных институтов. С другой стороны, доказывает, что «у стран слишком много противоречий и напряженностей, чтобы они могли стать чем-то большим, чем клуб, встречающийся время от времени» [Sweiland, 2012].

Похожую позицию разделяет Р. Либер. Он отмечает, что растущая роль развивающихся стран становится все более заметным явлением в международной политике. БРИКС и другие акторы наращивают влияние в экономической, политической и культурной сферах, в то время как относительный вес Европы и Японии, традиционных центров силы, уменьшается [Lieber, 2014]. Однако автор задается вопросом: «БРИКС выступает в качестве полноценного стейкхолдера или международный порядок становится все более многополярным, не становясь все более многосторонним?» Далее он пишет, что на практике, по широкому кругу проблем, члены БРИКС чаще становились «фрирайдерами», а не сотрудничали в поддержании или укреплении международных институтов и международного порядка. В этих обстоятельствах, по мнению Либера, участие США как основного поставщика общественных благ в мире остается жизненно важным для глобального порядка. Следовательно, сочетание сокращения влияния и участия США и отказа БРИКС брать ответственность может привести к ослаблению не только многсторонних институтов, но и к развалу существующего миропорядка [Ibid.].

Некоторые авторы заключают, что успех БРИКС связан исключительно с политической волей и инициативой Китая. С. Робертс считает, что «пока БРИКС как институт демонстрирует положительную динамику, страны-члены будут заинтересованы в продолжении своего участия в его деятельности» [Roberts, 2010]. При этом Робертс отмечает, что «нельзя недооценивать то, в какой степени члены БРИКС действуют в обширной тени Китая», извлекая взаимную выгоду из его возросшего влияния в международной политике. Поэтому, по ее мнению, пока Пекин считает нужным не в полной мере использовать свое влияние на международную систему и реализовывать часть своих дипломатических задач в формате БРИКС, эта необычная, но успешная коалиция, вероятно, будет существовать [Roberts, 2010].

Опираясь на рационалистическую литературу о переговорных коалициях и конструктивистскую литературу о «воображаемых» сообществах, К. Брютш и М. Папа разработали аналитическую базу для изучения того, используют ли государства свою принадлежность к БРИКС тактически (для извлечения выгод от интенсификации двусторонних связей) или стратегически (для участия в по-настоящему совместных инициативах и достижения общих глобальных целей). Они приходят к выводу, что «даже когда страны БРИКС разделяют умеренные ревизионистские цели, сплоченность коалиции и формирование сообщества в лучшем случае носят предварительный характер». В результате из-за отсутствия четких общих целей БРИКС отказывается от всего, кроме риторики коалиционного поведения. Авторы делают вывод, что если пять держав не придут к единой стратегии использования своего относительного преиму-

щества в глобальной системе, geopolитические амбиции БРИКС будут подорваны их тактическими действиями [Brütsch, Papa, 2013].

Критика БРИКС в рассмотренных выше работах исходила от либерального крыла исследователей. Однако представители критических и марксистских подходов также неоднократно критиковали институт. Например, Й. Тейлор утверждает, что «концепцию БРИКС можно рассматривать как политическую попытку продвинуть гегемонистский статус либерального капитализма путем приобщения и приспособления возникающих центров накопления и роста к существующей системе» [Taylor, 2016]. Появление БРИКС как концепции, по мнению автора, – это, на самом деле, попытка финансового капитала включить новые и растущие в своем влиянии державы в существующий мировой порядок – при активной поддержке и содействии экономических элит самих стран-членов. По мнению Тейлора, БРИКС как институт уже является хорошим примером роли «тактического посредника» в решении проблем, когда актор стремится сгладить некоторые недостатки международной системы, чтобы текущий мировой порядок мог функционировать настолько эффективно, насколько это возможно, одновременно открывая возможность для растущих держав «претендовать на свое место под солнцем» [Ibid.].

Представители критических подходов часто отмечают, что БРИКС – это попытка не что-то противопоставить современному миропорядку, а встроиться в него и максимально использовать ради реализации интересов экономических элит, игнорируя при этом нужды других классов населения и развивающихся стран и даже эксплуатируя их. Тот же Тейлор написал ряд статей по эксплуатации БРИКС Африки [Taylor, 2018], в которых он приходит к выводу, что модель, которую предлагает институт, только сильнее укореняет зависимость континента от торговли ресурсами и воспроизводит стандартную либеральную эксплуатационную модель [Ibid.]. Правда, в этих статьях Тейлор рассматривает отношения индивидуальных членов БРИКС с развивающимися странами Африки, а не коллективные решения БРИКС в сфере содействия развитию и их влияние.

При этом многие западные исследования БРИКС рассматривают объединение в позитивном ключе и видят в нем не угрозу существующей системе, а агента ее трансформации и становления более инклюзивной. М. Скак считает, что БРИКС – «концепт великих держав, стратегическая природа которого опирается не на фундамент популярности и баланса сил, а на стратегическое решение открыть экономики БРИКС для наиболее привлекательных сил глобализации, определившее сложное сочетание приоритетов и интересов» [Skak, 2013].

М. Стивен также исследует влияние БРИКС на систему международных отношений. Он отмечает, что «интеграция восходящих держав в историческую структуру глобального капитализма уменьшила потенциал традиционных источников для конфликта между великими державами и сделала развивающиеся страны в значительной степени зависимыми от существующей институциональной структуры, созданной либеральным Западом» [Stephen, 2014]. Это облегчает их интеграцию в существующий порядок управления. Тем не менее автор отмечает, что в рамках существующего порядка два фактора создают опасность для раскола в системе глобального управления: относительно более государственные, менее рыночные формы экономического управления восходящих держав и их последующая неспособность интегрироваться в возникающие транснациональные капиталистические классовые структуры. Следовательно, заключает автор, «не сам порядок глобального управления, а его наиболее либеральные черты оспариваются растущими державами» [Ibid.]. В результате, в отличие от реалистического пессимизма и либерального оптимизма, появление новых

держав приводит к гибридному миропорядку – более транснационально интегрированному и в то же время менее либеральному [Stephen, 2014].

Некоторые представители марксистской парадигмы также весьма позитивно смотрят на развитие БРИКС. Р. Бираппа не согласен с критикой Валлерстайна: «Что бы ни говорили критики, существует одна реальность БРИКС, которая не должна оставаться без внимания международного сообщества: чем более дискриминационным становится нынешний мировой порядок, тем сильнее структурные изменения БРИКС как института будут укрепляться и совершенствоваться» [Вугарра, 2017]. Один фактор, который полностью ускользает от И. Валлерстайна, по мнению автора, заключается в том, что экономические проблемы не приведут к краху БРИКС. Напротив, каждый раз, когда один или все члены сталкиваются с проблемой, сотрудничество в рамках БРИКС становится частью решения этой проблемы. Он приводит в пример Россию, которая, столкнувшись с экономическими санкциями со стороны Запада, выступила с инициативой активизации экономической интеграции с Китаем. Эти шаги, по мнению Бираппа, являются примером потенциала взаимодействия в рамках института и между его членами [Ibid.].

Еще одна группа западных исследователей обращается к конструктивистским подходам для объяснения феномена БРИКС. Чаще всего их исследования посвящены идентичности объединения и входящих в него стран. По мнению исследователей данного направления, благодаря постоянному взаимодействию члены БРИКС развили слои новой коллективной идентичности как новых держав или, по крайней мере, нелиберальных центров силы. Эта коллективная идентичность вместе с государственной капиталистической моделью экономик стран БРИКС означала, что БРИКС принял ревизионистскую роль в глобальном управлении. БРИКС все же не всегда принимает эту ревизионистскую роль, и роли членов могут различаться в зависимости от того, о какой сфере глобального управления идет речь. Например, в рамках управления глобальной безопасностью БРИКС играет роль державы статус-кво, отстаивая позицию суверенного государства и невмешательство во внутренние дела других стран [Duggan, 2015]. Однако в рамках глобального экономического управления, по мнению Даггана, страны БРИКС взяли на себя роль ревизионистских государств, стремящихся реформировать не только структуры институтов глобального экономического управления, таких как МВФ и Всемирный банк, но также правила и нормы, которые допускают коллективные действия в рамках глобального экономического управления. Страны БРИКС подтвердили также свою роль представителей интересов развивающихся стран [Ibid.]. Речь идет о создании и развитии НБР и сильном акценте на таких вопросах развития, как продовольственная безопасность. Эти действия оказали заметное влияние на развитие новой повестки дня в рамках глобального управления, которая теперь меньше фокусируется на распространении либеральной экономической модели и уделяет больше внимания вопросам развития [Ibid.].

Важной темой исследования БРИКС и его влияния на международную систему является анализ клубного и неформального типа организации. Некоторые авторы видят в этом слабость БРИКС и считают, что такой характер взаимодействия снижает эффективность. Однако другие авторы полагают, что именно «клубность» БРИКС является его сильной чертой. Такая форма организации, по мнению Э. Купера, позволяет БРИКС сохранить степень влияния в постоянно меняющемся балансе сил, а также быть своего рода группой давления в рамках согласования решений в других организациях и форумах, прежде всего в рамках «Группы двадцати» [Cooper, Farooq, 2013]. Д. Киртон также отмечает, что растущая институционализация БРИКС как ограниченного, компактного клуба создает все больше рациональных стимулов к сотрудничеству

и постепенно начала порождать личные связи между лидерами, которые усиливали сотрудничество между самими участниками [Kirton, 2015].

Следующая группа западных исследователей отмечает позитивную роль БРИКС в развитии некоторых составляющих международной системы. К. Хопвелл и ряд других авторов исследуют роль БРИКС в трансформации системы международной торговли. Они пишут, что «феномен новых развивающихся держав (к которым относятся БРИКС) никогда не был исключительно экономическим явлением» [Hopewell, 2017]. В равной степени, если не в большей, важным было их политическое влияние на управление глобальной экономикой. Вопреки общепринятыму мнению, несмотря на различающиеся и порой противоположные интересы, эти три страны продемонстрировали высокую степень единства и готовность сотрудничать в многосторонних торговых переговорах [Vickers, 2012]. По мнению К. Хопвелл, альянсы формирующихся центров силы (к числу которых в первую очередь относится БРИКС) «сыграли решающую роль в борьбе с традиционной структурой власти во Всемирной торговой организации (ВТО) и превратили Дохинский раунд торговых переговоров в противостояние интересов глобального Севера и глобального Юга». Она подчеркивает, что их союзы оказались на удивление долговечными – способными выдержать значительное давление со стороны США и других авторитетных держав – и сыграли значительную роль. Анализируя перераспределение влияния в ВТО, автор ставит под сомнение широко распространенное мнение, согласно которому «рост БРИКС был всего лишь иллюзией или заблуждением, созданным заинтересованными участниками финансового рынка для улучшения инвестиционных возможностей» [Hopewell, 2017].

Некоторые авторы отмечают позитивное влияние БРИКС и на развитие системы международных финансовых институтов. Особое место здесь занимают исследования Нового банка развития. Э. Купер в своей статье утверждает, что Новый банк развития БРИКС (НБР) заслуживает большего внимания не потому, что он похож на Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, а из-за его отличительных особенностей. НБР, в отличие от АБИИ, не обладает впечатляющим материальным потенциалом или открытыми связями с более широкой geopolитической стратегией под руководством государства-учредителя. По мнению автора, НБР отличает четыре новых элемента в структуре и управлении [Cooper, 2017]. В отличие от других многосторонних финансовых учреждений, НБР придерживается принципа равенства среди своих основных членов. Продуктовые инновации развиваются благодаря продвижению устойчивого развития с исключительным акцентом на нишевые проекты в области чистой возобновляемой энергии. Кроме того, НБР продвигает использование зеленых облигаций, деноминированных в национальных валютах БРИКС. Также наличие региональных центров ускоряет процесс подачи заявки и выделения финансирования [Cooper, 2017]. Хотя каждый из этих элементов подвергается серьезным испытаниям в практической деятельности банка, способность НБР преодолевать серьезную внутреннюю напряженность посредством импровизации и компромиссов, по мнению Купера, указывает на оригинальную модель формирования коллективной политики и глобального управления [Ibid.].

В целом статьи про БРИКС, написанные в самом критическом и негативном ключе, в основном принадлежат авторам, которые находятся ближе к полюсам идеологического спектра, причем как либеральному, так и марксистскому. Это задает тон всему исследованию, часто не позволяет авторам быть объективными и создает мнение, что «БРИКС, строго говоря, является миражом, но тем не менее дает значительную пищу для размышлений» [Elliott Armijs, 2007]. Авторы, находящиеся ближе к середине спектра, дают более взвешенную оценку, отмечая как слабые стороны института, так и

его преимущества, которые могут стать залогом успешного участия в трансформации международной системы.

Незападное академическое сообщество

Теперь обратимся к незападным исследованиям БРИКС и его роли в системе современных международных институтов. Здесь также представлены как критики объединения, так и его безусловные сторонники.

По мнению З. Лайди, БРИКС формируют коалицию защитников и главных проповедников незыблемости принципа суверенитета в международных отношениях. Они «не стремятся сформировать антизападную политическую коалицию, основанную на встречном предложении или радикально различном взгляде на мироустройство» [Laïdi, 2011], но максимально заинтересованы в сохранении «независимости суждений и действий на национальном уровне в мире, который становится все более экономически и социально взаимозависимым» [Laïdi, 2011]. Но, по мнению Лайди, эта коалиция, которая сильна и эффективна в защите объединяющих их принципов, остается слабой в отношении продвижения каких-то новых идей именно потому, что суверенные государства, которые ее формируют, преследуют узкие национальные интересы и не готовы жертвовать ими ни при какой ситуации. Поскольку страны-члены не доверяют друг к другу по ряду объективных причин, в основном обусловленных историей развития отношений (китайско-русское и китайско-индийское противостояние), БРИКС испытывает затруднения в интерпретации суверенитета как чего-либо, кроме игры с нулевой суммой, в том числе в отношениях между собой. В итоге автор приходит к выводу, что такая сильная и узкая привязанность к суверенитету является как сильной стороной объединения, так и его серьезным ограничением. Он заключает, что «БРИКС образуют гетерогенную коалицию часто конкурирующих друг с другом держав, которые имеют общую фундаментальную политическую цель: не позволить реализоваться претензиям западных стран на гегемонию в системе международных отношений, защищая принцип, которому эти претензии угрожают сильнее всего, а именно политический суверенитет государств» [Laïdi, 2011].

Распространенным аргументом сторонников точки зрения о том, что БРИКС, в теории имея потенциал влияния на систему, не смогут его реализовать, является преобладание в БРИКС экономических интересов Китая и политических – России. При этом внутренние процессы в странах-членах, а также внешняя конъюнктура также могут препятствовать развитию БРИКС. Л. Рамос пишет, что нынешняя международная конъюнктура окажет существенное влияние на траекторию развития БРИКС. Поэтому следует иметь в виду: 1) степень, в которой БРИКС будет обладать реальной центростремительной способностью, обусловленной главным образом китайскими экономическими интересами и интересами России в сфере политики и безопасности, создать полюс противодействия США и в то же время 2) последствия самих политических изменений в странах БРИКС, как, например, в случае Бразилии. Для автора очевидно, что развитие процессов институционализации (особенно, но не исключительно, в областях политической экономии – международного развития – и международной безопасности), как правило, страдает от последствий этих и ряда других проблем. Таким образом, по мнению Рамоса, развертывание и переплетение этих процессов может стать суровым испытанием для будущих достижений БРИКС [Ramos et al., 2018].

М. Лю также отмечает, что «прогресс предварительной институционализации БРИКС был в основном обусловлен интересами Китая и России, что отражало их стремление продвигать многосторонний мировой порядок и формировать новую мощную основу для сотрудничества незападных стран» [Liu, 2016]. Дальнейшее раз-

вление БРИКС, по мнению автора, зависит от его способности преодолевать структурные препятствия между пятью странами, среди которых наиболее значимым является огромное расхождение между размерами и темпами роста экономик [Liu, 2016].

Еще одна группа авторов сомневается в успехе и перспективах БРИКС из-за модели его функционирования, которая коренится в неформальном характере института. Л. Де Васкоселос Коста Лобато отмечает, что «невозможно установить прямую связь между социальным прогрессом в странах-членах и участием в деятельности института» [De Vasconcelos Costa Lobato, 2018]. Она также пишет, что это может быть связано с «трудностью принятия обязательств в условиях разных национальных контекстов с разными структурами систем социальной политики» [Ibid.]. Отмечая при этом и однозначные плюсы такой модели участия в институте, автор заключает, что «эта неформальность, которая, несомненно, является значительным новшеством в дипломатической инженерии, может, однако, привести к принятию более слабых и расплывчатых обязательств и поставить под угрозу реализацию целей БРИКС» [Ibid.].

Также ряд исследователей приходит к выводу, что страны БРИКС не сильно преуспели в развитии своей мягкой силы. По мнению О. Штункеля, несмотря на значительный экономический рост в течение первого десятилетия XXI в., возможности стран БРИКС по наращиванию мягкой силы крайне неравномерны, и они по-прежнему часто безуспешно борются с влиянием западных стран в данном аспекте международной политики. Однако он считает, что «группа БРИКС, изначально созданная на основе экономических прогнозов, все чаще используется в качестве платформы для укрепления мягкой силы, прежде всего путем создания Нового банка развития и ряда других институтов и форматов взаимодействия» [Stuenkel, 2016].

Следующая группа исследователей позитивно оценивает роль БРИКС в международной системе. Осознавая и отмечая все ограничения и возможные препятствия, авторы этой группы считают, что БРИКС обладает потенциалом для наращивания влияния на международную систему для ее позитивной трансформации.

В противовес мнению И. Валлерстайна некоторые незападные сторонники мирсистемной теории также с оптимизмом смотрят на развитие БРИКС и его перспективы. Д. Рувалькаба считает, что БРИКС – это шанс полупериферии на успех в борьбе с ядром. Он отмечает, что «возможно, за исключением Китая, который недавно достиг серьезного успеха в росте уровня структурного позиционирования (то есть фактически стал серьезным претендентом на переход из полупереферией в ядро системы), природа БРИКС остается полупериферийной» [Ruvalcaba, 2013]. При этом он заключает, что БРИКС, несмотря на существующие ограничения, открывает своего рода «динамическое окно»: может случиться так, что по его примеру консолидируются другие ассоциации, группы или соглашения, или что сам БРИКС расширится и в него войдут другие влиятельные региональные державы, что позволит им конкурировать на глобальном уровне или даже совместно противостоять нынешним блокам и мировым державам, таким как Европейский союз и даже США [Ibid.].

Еще одной распространенной точкой зрения является необходимость укрепления и углубления экономических связей между странами БРИКС для более эффективной выработки совместных решений. С. Куиликони и С. Кинг отмечают, что «основное направление развития института для его участников заключается в консолидации внутригруппового экономического сотрудничества, в первую очередь посредством недавнего создания Банка развития БРИКС, и продолжении их совместного участия в традиционных форумах и организациях». Однако авторы видят ограничение в том, что интересы отдельных членов БРИКС не всегда совпадают, и иногда институт сталкивается с проблемами, когда необходимо консолидировать общую позицию для ее

дальнейшего продвижения в существующих многосторонних институтах [Quiliconi, Kingah, 2016].

Незападные исследователи также обращаются к теории конструктивизма и исследованиям конструктивизма. Необходимым фактором успеха института, по мнению ряда исследователей, является формирование единой идентичности. Группировка БРИКС начала свое существование без коллективной идентичности, но с идентичностью, созданной противопоставлением со «значимым другим» (странами Запада). По мнению многих исследователей, эти страны имеют мало общего с точки зрения идентичности и различаются с точки зрения политических, экономических и культурных систем. Однако за время, прошедшее с момента появления аббревиатуры БРИК, между государствами – членами БРИКС сложились четкие рутинные внешнеполитические взаимодействия, поддерживаемые историческим нарративом о преимуществах участия в БРИКС [Quiliconi, Kingah, 2016]. По мнению группы авторов, основой для развития этих взаимодействий была общая самоидентификация как группы развивающихся держав [Quiliconi, Saguier, Tussie, 2016]. В рамках этой самоидентификации существует общепринятое мнение о том, что нынешняя система глобального управления не отражает интересов развивающихся держав и что без реформы или разработки альтернативной системы развивающиеся державы не смогут полноценно развиваться.

Некоторые авторы считают, что отсутствие единой идентичности – один из главных недостатков БРИКС, другие, наоборот, уверены, что такая идентичность у группы на самом деле есть и она является одной из составляющих успеха БРИКС. К такому выводу приходит Ф. Мельничук. В своем исследовании он опирается на теорию социального конструктивизма, чтобы продемонстрировать, что изменяющиеся идентичности членов БРИКС могут рассматриваться как главная причина сближения их интересов на международной арене. Переход от либерально-одностороннего к многополярному набору социальных требований в области развития создал условия для «дискурсивного выравнивания» (сближения риторики и интересов), которое, в свою очередь, создало условия для появления БРИКС. Мельничук пишет, что развитие и многополярность являются краеугольными камнями инициативы БРИКС. Это соответствие между социальными требованиями всех в группе – ключевой фактор для понимания появления и дальнейшего успеха БРИКС. Наконец, Мельничук делает вывод, что БРИКС можно считать одной из основных долгосрочных сил, формирующих новую архитектуру международных отношений в XXI в. [Mielniczuk, 2013].

Следующий пласт исследований посвящен изучению эффективности БРИКС как института глобального управления, а также попытке проследить взаимосвязь между растущей институционализацией форума, количеством принимаемых обязательств и уровнем их исполнения и ростом его эффективности [Ларионова, Рахмангулов, Шелепов, 2016]. М. Ларионова и А. Шелепов отмечают, что роль БРИКС в системе глобального управления усиливается и его члены осознают ценность своего сотрудничества для решения общих задач. Их анализ показывает, что динамика институционализации сотрудничества БРИКС была положительной, а ее скорость высокой. Институционализация помогла повысить эффективность БРИКС, баланс функций глобального управления сместился в сторону принятия решений, увеличилось количество принимаемых обязательств и уровень их исполнения [Larionova, Shelepo, 2015].

Ряд вопросов ставят в своем исследовании Г. Толорая и Р. Чуков: «...каким образом, избегая открытой конфронтации с Западом, продвигать собственную повестку дня? Какая модель развития БРИКС оптимальна с учетом интересов всех стран-участниц? Какую задачу ставит перед собой БРИКС: усовершенствовать имеющуюся систему глобального управления или строить параллельную?» [Толорая, Чуков, 2016].

Они пишут, что оптимальный путь – это «путь поиска компромисса в рамках существующей глобальной системы управления и регулирования». Толорая и Чуков не верят, что БРИКС и другие новые объединения вытеснят существующие. Такая позиция, по мнению авторов, не только ошибочна, но и опасна, так как «способствует усилению конфронтации вместо поисков путей сотрудничества и взаимодействия» [Толорая, Чуков, 2016]. Существующие институты глобального управления, прежде всего ООН и МВФ, нельзя игнорировать, сбрасывать со счетов. В итоге Толорая и Чуков приходят к выводу, что надо пытаться договориться с развитыми странами о «перераспределении ролей, уступке ими части прав и привилегий в обмен на перспективы гармоничного глобального развития и минимизацию угрозы конфликта». Необходимо опираться на переговорные и дипломатические механизмы в рамках «Группы двадцати» и сотрудничества с «семеркой». В целом, по мнению авторов, можно предположить, что БРИКС останется важным фактором международной жизни в обозримом будущем [Ibid.].

О. Штункель также отмечает потенциал влияния БРИКС на систему международных финансовых институтов. По его мнению, глубокий финансовый кризис среди развитых стран в сочетании с относительной экономической стабильностью среди развивающихся стран в 2008 г. стали причиной кризиса легитимности международного финансового порядка, который привел к столь же беспрецедентному сотрудничеству между новыми державами в рамках БРИКС. Страны БРИК смогли использовать свое временно возросшее относительное экономическое влияние, чтобы стать разработчиками повестки дня, кульминацией которой стали реформы квот Международного валютного фонда, согласованные в 2010 г. Это показывает, что даже короткие периоды снижения легитимности в глобальном управлении могут быстро привести к появлению и развитию альтернативных институтов глобального управления, самым ярким примером которых является БРИКС. Также Штункель отмечает, что сотрудничество внутри БРИКС в области международных финансов «укрепило доверие между странами и привело к расширению сотрудничества во многих других областях, что предполагает появление эффекта выплескивания (spillover)». Поэтому сотрудничество внутри БРИКС продолжится, даже после исчезновения условий, которые способствовали его возникновению, а именно кризиса на Западе [Stuenkel, 2013].

Также важной характеристикой БРИКС, позволяющей считать институт способным к трансформации системы глобального управления, является заложенное в нем сотрудничество «Юг – Юг». По мнению А. Джаша, хотя БРИКС пока что находится в начальной стадии развития, ему уже удалось заложить основу альтернативного порядка в нынешней структурной динамике в международной системе. Наиболее важной характеристикой, которая определяет при этом БРИКС, является «сотрудничество Юг – Юг». Оно делает БРИКС более жизнеспособным как институт [Jash, 2017]. По мнению автора, расширение повестки дня от сугубо экономических вопросов до большего участия в глобальных политических проблемах и проблемах безопасности, таких как сотрудничество в борьбе с терроризмом, еще раз продемонстрировало значительную эволюцию БРИКС. В итоге Джаш приходит к выводу, что в долгосрочной перспективе БРИКС, вероятно, станет «сильным и эффективным многосторонним форумом в системе международных отношений» [Ibid.].

Наконец, существует группа ученых-международников, оптимистично оценивающих БРИКС и его перспективы. По их мнению, мировой финансовый кризис 2008 г. потряс мировую экономику, и эта катастрофа проложила путь к переосмыслению изменений в архитектуре глобального управления [Chakraborty, 2018]. Значение БРИКС в глобальной структуре управления возросло. Поэтому они ожидают, что БРИКС как единое целое сформирует глобальное управление в XXI в. или как минимум станет од-

ним из самых влиятельных акторов. Влияние, которое уже продемонстрировали эти развивающиеся страны, по их мнению, несомненно, продолжит вносить вклад в перераспределение баланса сил в международных финансовых институтах в пользу развивающихся стран [Ibid.].

Таким образом, эта группа исследователей в целом приходит к выводу, что страны БРИКС все сложнее и уже практически невозможно игнорировать при принятии решений в ключевых сферах глобального управления, однако им все равно приходится действовать в рамках институциональной структуры, созданной и возглавляемой развитыми странами. Стратегия БРИКС заключается в усилении их влияния на принятие решений в существующих институтах, особенно за счет расширения прав голоса и числа возглавляемых руководящих должностей. Для усиления этого влияния и выработки более четкой позиции продолжается процесс институционализации БРИКС и повышения его эффективности.

Заключение

Интерес международного академического сообщества к БРИКС постоянно растет. Ученые-международники стараются объяснить феномен трансформации БРИКС из акронима в реально действующий институт, определить его возможности влиять на процесс принятия решений по ключевым вопросам глобального управления и трансформировать сложившуюся систему, а также предсказать будущее объединения. Исследования БРИКС проводятся на всем идеологическом спектре: как представителями крайне либеральных, так и крайне левых взглядов. Также широк перечень используемых теорий и методологий. То есть можно сказать, что исследования БРИКС проводятся со всех сторон и по всем интересным аспектам деятельности института. В проведенном исследовании в основном анализировались работы, опубликованные в рецензируемых и индексируемых журналах, входящих в базы Scopus и Web of Science. Высокий уровень требований, предъявляемых к публикациям, позволил отобрать наиболее глубокие и интересные академическому сообществу публикации. Это сгладило общую картину, исключив радикальные взгляды, однако не помешало рассмотреть исследования разной идеологической и теоретической направленности.

По итогам этого исследования можно сделать ряд выводов.

Во-первых, самые критические и скептические исследования, посвященные месту БРИКС в системе международных отношений, принадлежат авторам, представляющим полюса идеологического спектра, как либерального, так и марксистского. При этом некоторые представители марксизма в международных отношениях все же положительно относятся к БРИКС и видят в нем «шанс полупериферии на успех». Чем ближе автор к центру спектра, тем умереннее его оценка. И среди западных, и среди незападных исследователей есть как последовательные критики и скептики роли БРИКС в системе, так и сторонники противоположной точки зрения.

Во-вторых, главными основаниями для критики БРИКС являются отсутствие групповой идентичности, низкий уровень экономической взаимозависимости, наличие исторических конфликтов между членами, безапелляционное отстаивание суверенитета, централизованная экономика с большой долей государства, отсутствие примата либеральных ценностей в экономике и политике. Опираясь на эти основания, исследователи приходят к разным выводам о возможности БРИКС влиять на международную систему и характере такого влияния.

В-третьих, резкая критика БРИКС в первые два-три года существования института была вызвана недоверием со стороны западных исследователей – сторонников либе-

рального институционализма. Затем всплеск критики можно зафиксировать в 2014 г., позже – после конфликта Индии и Китая. Последняя волна скептицизма была вызвана сменой власти в ЮАР, в Бразилии, а также стремлением последней вступить в ОЭСР.

В-четвертых, основаниями для оптимистичных оценок являются растущая доля в мировой экономике, стремление к многополярности, недопущению гегемонии западных стран и увеличению роли развивающихся государств, растущая институционализация и создание НБР и Пула условных валютных резервов. Как и в случае с критикой, на основании этих характеристик БРИКС исследователи дают прогнозы разной степени оптимистичности о будущем и настоящем института.

В-пятых, главными событиями, породившими волну оптимистичных исследований, стали реформа квот МВФ и создание НБР и Пула условных валютных резервов.

О современных тенденциях можно сказать следующее. С развитием, расширением и углублением повестки БРИКС стали появляться специализированные исследования, посвященные анализу роли форума в выработке решений в различных более узких областях. Много работ посвящено сферам здравоохранения и содействия развитию, растет число публикаций по климатической тематике, а также в сфере культуры и медиа. Несмотря на институционализацию форума, огромное количество работ по-прежнему посвящено БРИКС как группе стран, а не единому актору. Особенно это характерно для экономических исследований.

ИСТОЧНИКИ

- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В. (2016) Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. Т. 11. № 3. С. 99–131.
- Толорая Г.Д., Чуков Р.С. (2016) Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций. Т. 11. № 2. С. 97–112. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-97.
- Brütsch C., Papa M. (2013) Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? // The Chinese Journal of International Politics. Vol. 6. No. 3. P. 299–327.
- Byrappa R. (2017) Comparing Immanuel Wallerstein's Critique of the BRICS with That of the Creation of the United Nations // Dvacáté století. No. 2. P. 73–86. Режим доступа: http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-bb62e3cc-1a21-41d8-a92c-b9ddde7f376a/c/Ramachandra_Byrappa_73-86.pdf (дата обращения: 13.11.2019).
- Chakraborty S. (2018) Significance of BRICS: Regional Powers, Global Governance, and the Roadmap for Multipolar World // Emerging Economy Studies. Vol. 4. No. 2. P. 182–191.
- Cooper A. (2017) The BRICS' New Development Bank: Shifting from Material Leverage to Innovative Capacity // Global policy. Vol. 8. No. 3. P. 275–284.
- Cooper A., Farooq Asif B. (2013) BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance // Global Policy. Vol. 4. No. 4. P. 428–433.
- De Vasconcelos Costa Lobato L. (2018) The Social Issue in the BRICS Project // Ciênc. saúde coletiva. Vol. 23. No. 7. P. 2133–2146. Режим доступа: http://www.scielo.br/pdf/csc/v23n7/en_1413-8123-csc-23-07-2133.pdf (дата обращения: 13.11.2019).
- Duggan N. (2015) BRICS and the Evolution of a New Agenda Within Global Governance. The European Union and the BRICS / Rewizorski M. (ed.). Cham: Springer.
- Elliott Armijo L. (2007) The BRICS Countries (Brazil, Russia, India, And China) as Analytical Category: Mirage or Insight? // Asian Perspective. Vol. 31. No. 4. P. 7–42.
- Harsh V. Pant (2013) The BRICS Fallacy // The Washington Quarterly. Vol. 36. No. 3. P. 91–105.
- Hopewell K. (2017) The BRICS – Merely a Fable? Emerging Power Alliances in Global Trade Governance // International Affairs. Vol. 93. No. 6. P. 1377–1396.

- Jash A. (2017) The Emerging Role of BRICS in the Changing World Order // *IndraStra Global*. Vol. 6. P. 1–11. Режим доступа: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.5143222> (дата обращения: 13.11.2019).
- Kirton J. (2015) Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success // *International Organisations Research Journal*. Vol. 10. No. 2. P. 9–38 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-09.
- Laidi Z. (2011) The BRICS Against the West? *Ceri Strategy Papers*, no 11 – Hors Série. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/35303189.pdf> (дата обращения: 13.11.2019).
- Lieber R.J. (2014) The Rise of the BRICS and American Primacy // *International Politics*. Vol. 51. No. 2. P. 137–154.
- Liu M. (2016) BRICS Development: A Long Way to a Powerful Economic Club and New International Organization // *The Pacific Review*. Vol. 29. No. 3. P. 443–453. DOI: 10.1080/09512748.2016.1154688.
- Larionova M., Sheleporov A. (2015) Is BRICS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness? The European Union and the BRICS / M. Rewizorski (ed.). Springer. P. 39–55.
- Mielniczuk F. (2013) BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 6. P. 1075–1090. DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.
- Morales Ruvalcaba D.E. (2013) Inside the BRIC: Analysis of the Semiperipheral Character of Brazil, Russia, India and China // *Brazilian Journal of Strategy & International Relations*. Vol. 2. No. 4. P. 141–173.
- Quiliconi C., Kingah S. (2016) Conclusions: Leadership of the BRICS and Implications for the European Union. *Global and Regional Leadership of BRICS Countries* / S. Kingah, C. Quiliconi (eds). United Nations University Series on Regionalism. Vol. 11. Cham: Springer.
- Ramos L. et al. (2018) A Decade of Emergence: The BRICS' Institutional Densification Process // *JCIR Special Issue*. P. 1–15.
- Roberts C. (2010) Polity Forum: Challengers or Stakeholders? BRICs and the Liberal World Order // *Polity* 42. P. 1–13.
- Skak M. (2013) The BRIC Powers as Soft Balancers: Brazil, Russia, India and China. Режим доступа: https://pure.au.dk/portal/files/52138420/BRIC_paper_by_Skak_for_OJPS_revised_submitted_Jan_2013.txt (дата обращения: 13.11.2019).
- Stephen M.D. (2014) Rising Powers, Global Capitalism and Liberal Global Governance: A Historical Materialist Account of the BRICs Challenge // *European Journal of International Relations*. Vol. 20. No. 4. P. 912–938.
- Stuenkel O. (2013) The Financial Crisis, Contested Legitimacy, and the Genesis of Intra-BRICS Cooperation // *Global Governance*. Vol. 19. P. 611–663.
- Stuenkel O. (2016) Do the BRICS Possess Soft Power? // *Journal of Political Power*. Vol. 9. No. 3. P. 353–367. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232285.
- Sweilande T.S., de. (2012) From Emerging Power to Superpower: A Long Way to Go? The European Union and Emerging Powers in the 21st Century: How Europe Can Shape a New Global Order / T. Renard, S. Biscop (eds). Ashgate.
- Taylor I. (2016) The BRICS in Africa: Agents of Development? *Emerging Powers in Africa* / J. van der Merwe, I. Taylor, A. Arkhangelskaya (eds). International Political Economy Series. Cham: Palgrave Macmillan.
- Taylor I. (2018) Africa and the BRICS: In Whose Interest? *The Palgrave Handbook of African Politics, Governance and Development* / S. Oloruntoba, T. Falola (eds). N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Taylor L. (2016) BRICS and Capitalist Hegemony: Passive Revolution in Theory and Practice. *Emerging Powers, Emerging Markets, Emerging Societies* / S.F. Christensen (ed.). Palgrave Macmillan.
- Vickers B. (2012) The Role of the Brics in the WTO: System-Supporters or Change Agents in Multilateral Trade? *The Oxford Handbook on The World Trade Organization* / M. Daunton, A. Narlikar, R.M. Stern (eds).
- Wade R.H. (2011) Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF // *Politics & Society*. Vol. 39. No. 3. P. 347–378.
- Wallerstein I. (2016) The BRICS: A Fable for Our Time. Режим доступа: <https://towardfreedom.org/archives/globalism/the-brics-a-fable-for-our-time> (дата обращения: 13.11.2019).

International Academic Community's Perception of the BRICS Role in the System of Global Governance Institutions¹

I. Popova

Irina Popova – junior researcher at the Center for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; bldg. 1, 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: im-popova@ranepa.ru

Abstract

The interest of the international academic community in BRICS is constantly growing. International relations scholars are trying to explain the phenomenon of the transformation of the BRICS from an acronym into a functioning institution, to determine its potential to influence the decision-making process on key issues of global governance and to transform the current system, as well as to predict the future of the association. At various stages of BRICS development some scholars constantly predicted the inevitable collapse of the association, others questioned its ability to seriously influence the development of the international system and its institutions, while others confirmed that BRICS has a real opportunity to influence the transformation of the system, but believed that such an influence is extremely destructive. However, BRICS has also many supporters, not only among the academic community of member countries and other developing nations, but also among representatives of Western states.

In this regard, it is interesting to trace how BRICS is perceived by members of the academic community, what opinions prevailed at different stages of the institute's development, what factors could lead to a change in the nature of the assessments made, what methodological approaches are used, how serious is the influence of the general ideology that the author adheres to, and also highlight the main trends in ongoing research. Trying to answer these questions is the goal of this study.

This article considers two groups of studies on the role of BRICS in the modern system of international relations. The first includes representatives of Western countries and universities. The second analyzes the position of non-Western authors. At the same time, the aim of the study is to demonstrate the spectrum of attitudes towards BRICS by the international academic community, the methods used, the prevailing approaches, and not to express the point of view of the author of this article regarding the place, role and future of BRICS.

Key words: BRICS; international relations system; global economic governance; international academic community; world-system approach; liberal institutionalism

For citation: Popova I. (2019) International Academic Community's Perception of the BRICS Role in the System of Global Governance Institutions. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 72–88 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-04.

References

- Brütsch C., Papa M. (2013) Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 6, no 3, pp. 299–327.
- Byrappa R. (2017) Comparing Immanuel Wallerstein's Critique of the BRICS with that of the Creation of the United Nations. *Dvacáté Století*, no 2, pp. 73–86. Available at: http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-bb62e3cc-1a21-41d8-a92c-b9ddde7f376a/c/Ramachandra_Byrappa_73-86.pdf (accessed 13 November 2019).

---

¹ The editorial board received the article in July 2019.

The research was carried out within the framework of the RANEPA research project "Monitoring and assessment of compliance with commitments adopted by the leaders at the G20 and BRICS summits in 2018"(2019).

- Chakraborty S. (2018) Significance of BRICS: Regional Powers, Global Governance, and the Roadmap for Multipolar World. *Emerging Economy Studies*, vol. 4, no 2, pp. 182–91.
- Cooper A. (2017) The BRICS' New Development Bank: Shifting from Material Leverage to Innovative Capacity. *Global Policy*, vol. 8, no 3, pp. 275–84.
- Cooper A., Farooq Asif B. (2013) BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance. *Global Policy*, vol. 4, no 4, pp. 428–33.
- De Vasconcelos Costa Lobato L. (2018) The Social Issue in the BRICS Project. *Ciênc. saúde coletiva*, vol. 23, no 7, pp. 2133–46. Available at: http://www.scielo.br/pdf/csc/v23n7/en_1413-8123-csc-23-07-2133.pdf (accessed 13 November 2019).
- Duggan N. (2015) BRICS and the Evolution of a New Agenda Within Global Governance. *The European Union and the BRICS* (M. Rewizorski (ed.)). Cham: Springer.
- Elliott Armijo L. (2007) The BRICS Countries (Brazil, Russia, India, And China) as Analytical Category: Mirage or Insight? *Asian Perspective*, vol. 31, no 4, pp. 7–42.
- Harsh V. Pant (2013) The BRICS Fallacy. *The Washington Quarterly*, vol. 36, no 3, pp. 91–105. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2013.825552> (accessed 13 November 2019).
- Hopewell K. (2017) The BRICS – Merely a Fable? Emerging Power Alliances in Global Trade Governance. *International Affairs*, vol. 93, no 6, pp. 1377–96.
- Jash A. (2017) The Emerging Role of BRICS in the Changing World Order. *IndraStra Global*, vol. 6, no 1–11. Available at: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.5143222> (accessed 13 November 2019).
- Kirton J. (2015) Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 2, pp. 9–38 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-09.
- Laïdi Z. (2011) The BRICS Against the West? Ceri Strategy Papers, no 11. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/35303189.pdf> (accessed 13 November 2019).
- Larionova M., Rakhmangulov M., Sheleпов A. (2016) Explaining G20 and BRICS Compliance. *International Organizations Research Journal*, vol. 11, no, pp. 86–111. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-99.
- Lieber R.J. (2014) The Rise of the BRICS and American primacy. *International Politics*, vol. 51, no 2, pp. 137–54.
- Liu M. (2016) BRICS Development: a Long Way to a Powerful Economic Club and New International Organization. *The Pacific Review*, vol. 29, no 3, pp. 443–453. DOI: 10.1080/09512748.2016.1154688.
- Larionova M., Sheleпов A. (2015) Is BRICS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness? *The European Union and the BRICS* (M. Rewizorski (ed.)). Springer, pp. 39–55.
- Mielniczuk F. (2013) BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 6, pp. 1075–90. DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.
- Morales Ruvalcaba D.E. (2013) Inside The BRIC: Analysis of The Semiperipheral Character of Brazil, Russia, India and China. *Brazilian Journal of Strategy & International Relations*, vol. 2, no 4, pp. 141–73.
- Quiliconi C., Kingah S. (2016) Conclusions: Leadership of the BRICS and Implications for the European Union. *Global and Regional Leadership of BRICS Countries* (S. Kingah, C. Quiliconi (eds)). United Nations University Series on Regionalism. Cham: Springer.
- Ramos L. et al. (2018) A Decade of Emergence: The BRICS' Institutional Densification Process. JCIR Special Issue, pp. 1–15.
- Roberts C. (2010) Polity Forum: Challengers or Stakeholders? BRICS and the Liberal World Order. *Polity*, vol. 42, pp. 1–13.
- Skak M. (2013). The BRIC Powers as Soft Balancers: Brazil, Russia, India and China. Available at: https://pure.au.dk/portal/files/52138420/BRIC_paper_by_Skak_for_OJPS_revised_submitted_Jan_2013.txt (accessed 13 November 2019).
- Stephen M.D. (2014) Rising Powers, Global Capitalism and Liberal Global Governance: A Historical Materialist Account of the BRICs Challenge. *European Journal of International Relations*, vol. 20, no 4, pp. 12–938.

- Stuenkel O. (2013) The Financial Crisis, Contested Legitimacy, and the Genesis of Intra-BRICS Cooperation. *Global Governance*, vol. 19, pp. 611–63.
- Stuenkel O. (2016) Do the BRICS Possess Soft Power? *Journal of Political Power*, vol. 9, no 3, pp. 353–67. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232285.
- Sweilande T.S., de. (2012) From Emerging Power to Superpower: A Long Way to Go? *The European Union and Emerging Powers in the 21st Century: How Europe Can Shape a New Global Order* (T. Renard, S. Biscop (eds)). Ashgate.
- Taylor I. (2016) The BRICS in Africa: Agents of Development? *Emerging Powers in Africa* (van der J. Merwe, I. Taylor, A. Arkhangelskaya (eds)). International Political Economy Series. Cham: Palgrave Macmillan.
- Taylor I. (2018) Africa and the BRICS: In Whose Interest? *The Palgrave Handbook of African Politics, Governance and Development* (S. Oloruntoba, T. Falola (eds)). New York: Palgrave Macmillan.
- Taylor L. (2016) BRICS and Capitalist Hegemony: Passive Revolution in Theory and Practice. *Emerging Powers, Emerging Markets, Emerging Societies* (S.F. Christensen (ed.)). Palgrave Macmillan.
- Toloraya G., Chukov R. (2016) BRICS to Be Considered? *International Organizations Research Journal*, vol. 11, no 2, pp. 97–112. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-97.
- Vickers B. (2012) The Role of the BRICS in the WTO: System-Supporters or Change Agents in Multilateral Trade? *The Oxford Handbook on The World Trade Organization* (M. Daunton, A. Narlikar, R.M. Stern (eds)).
- Wade R.H. (2011) Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF. *Politics & Society*, vol. 39, no 3, pp. 347–78.
- Wallerstein I. (2016) The BRICS: A Fable for Our Time. Available at: <https://towardfreedom.org/archives/globalism/the-brics-a-fable-for-our-time> (accessed 13 November 2019).

Изменения в международной торговле в условиях нестабильного миропорядка¹

А. Мукхопадхьяй

Мукхопадхьяй Абхиджит – с.н.с. (направление «Экономика и рост»), исследовательская организация Observer Research Foundation; 20 Rouse Avenue, New Delhi, 110002, India; E-mail: a.mukhopadhyay@orfonline.org

Режим международной торговли вступил в турбулентную fazu на фоне усиления тенденций торговой войны по всему миру. То, что на первый взгляд выглядит хаотичной политикой, ориентированной на внутренние факторы, на самом деле является битвой за торговое и технологическое превосходство между США и Китаем. Медленное, но устойчивое смещение международной торговли и бизнеса от Северной Атлантики и Западной Европы в сторону Азии создает фон этого конфликта. Также начала проявляться тенденция аналогичного смещения от развитых к развивающимся странам. В этом смысле битва за превосходство была неизбежной, так как Китай сыграл главную роль в этом сдвиге.

При этом «золотая эра торговли», ознаменовавшаяся укреплением ВТО, закончилась, в то время как многосторонность в торговле находится в коматозном состоянии. Быстрорастающие экономики, в том числе страны с формирующейся рыночной экономикой, будут нести основную часть бремени этого кризиса мировой торговли.

Два главных героя этой эпической битвы, Китай и США, каждый по-своему ищут альтернативные источники экономического процветания. В отсутствие многосторонней платформы для торговли план действий для развивающихся стран становится яснее с каждым днем. Эти страны должны искать возможности заключения торговых союзов, в которых каждая из них может получать экономическую выгоду. Для этого каждая из стран должна проанализировать свою экономику, а затем выбирать соответствующих торговых партнеров. Неготовность справиться с хаосом в торговле может привести к катастрофическим последствиям для этих стран.

Ключевые слова: торговые войны; ВТО; международная торговля; многосторонность; региональное сотрудничество

Для цитирования: Мукхопадхьяй А. (2019) Изменения в международной торговле в условиях нестабильного миропорядка // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 89–111 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-05.

История вопроса

В новейшей истории мировой торговли и развития переломным моментом стал 2018 г. В начале 2018 г. администрация США объявила о ряде односторонних тарифных мер. Они привели ситуацию к состоянию, которое большинство сейчас называет торговой войной. Она началась с введения квот и пошлин на импорт солнечных батарей и стиральных машин из Китая, а затем проявилась в введении пошлин на такие товары, как

---

¹ Статья поступила в редакцию в сентябре 2019 г.

Перевод выполнен А.В. Шелеповым, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

сталь и алюминий, что затронуло более широкий круг стран. Спусковой крючок торговой войны был нажат, и с тех пор она продолжается.

Эти пошлины были введены со стороны США с использованием положения Всемирной торговой организации (ВТО), касающегося импорта, который может угрожать «национальной безопасности». Однако реальная идея заключалась в том, чтобы сдерживать конкуренцию со стороны «дешевой продукции металлургии, субсидируемой зарубежными странами», что равносильно обвинению в демпинге [UNCTAD, 2018].

14 августа 2017 г. администрация президента США подтолкнула Управление торгового представителя США (USTR) к проведению расследования в отношении Китая в соответствии с разд. 301 Закона о торговле США 1974 г. Были рассмотрены четыре конкретных элемента режима передачи технологий Китая: (i) использование правительством Китая непрозрачных и дискреционных административных процессов, требований к совместным предприятиям (СП), ограничений на долю иностранного капитала, закупок и других механизмов, которые оказывают влияние на передачу технологий и интеллектуальной собственности (ИС) США в Китай; (ii) действия, политика и практики китайского правительства, которые препятствуют установлению американскими компаниями рыночных условий при переговорах, связанных с технологиями; (iii) стимулирование и несправедливое содействие со стороны правительства исходящим китайским инвестициям, направленным на американские компании и активы в ключевых отраслях промышленности; и (iv) поддержка правительством Китая несанкционированных проникновений в коммерческие сети США или кражи коммерческой тайны и другой конфиденциальной информации с использованием кибертехнологий [USTR, 2018].

Исследование охватывало широкий спектр секторов, включая нефтяной, газовый, автомобильный, атомную энергетику, телекоммуникации, банковское дело, биотехнологии, авиацию, информационные технологии (ИТ), производство интегральных схем (ИС), промышленного оборудования и робототехники, возобновляемые источники энергии, черную и цветную металлургию. Таким образом, подготовка к обвинениям Китая по вопросам торговли велась довольно давно, и, как уже упоминалось, главной причиной называлась «защита национальной безопасности».

В начале марта 2018 г. США повысили пошлины на импорт объемом 92 млрд долл., включающий стальную и алюминиевую продукцию, стиральные машины, солнечные батареи и ряд других товаров, в экспорте которых в США Китай имеет значительные доли. Помимо Китая, пошлины затрагивают Бразилию, Корею, Аргентину, Индию и членов Европейского союза. Вторым этапом процесса было данное в конце марта 2018 г. указание президента США торговому представителю США принять все возможные меры против Китая, включая использование тарифов на его экспорт как наказание за «нанесение ущерба американским правам интеллектуальной собственности, инновациям или развитию технологий» [Dhar, 2018].

Позднее, к августу 2018 г., США ввели пошлины в размере 25% на вторую группу товаров стоимостью 16 млрд долл. Эта группа включает мотоциклы, антенны и оптические волокна [BBC News, 2018]. Данные меры были истолкованы как часть более широкого подхода американского президента «Америка превыше всего». Естественной реакцией всех пострадавших стран стало введение контрпошлин. ЕС объявил о «мерах по восстановлению равновесия», затрагивающих 340 американских экспортных товаров стоимостью 7,2 млрд долл. США, что примерно соответствует объему экспорта стали и алюминия, на который негативно повлияли американские пошлины. Канада объявила об ответных пошлинах в размере до 25% на импорт из США стали и алюминия, апельсинового сока, виски и других пищевых продуктов, стоимость которых

составляет около 16,6 млрд канадских долларов, что соответствует объему затронутого американскими мерами экспорта канадской стали в США. Мексика объявила о введении аналогичных мер для ряда товаров, включая молочную, плодовоощную и мясную продукцию в объеме «суммы, сопоставимой с ущербом, причиненным действиями США» [Dhar, 2018].

В начале апреля 2018 г. Китай решил принять ответные меры против США, введя пошлины на 128 товаров, экспорт которых из США в Китай в 2017 г. составил 3 млрд долл. Китай предложил ввести 15%-ные пошлины на первую группу товаров, включая свежие и сушеные фрукты и орехи, вина, модифицированный этанол, американский женьшень и бесшовные стальные трубы. Для второй группы товаров, включая свинину и продукты из нее, а также переработанный алюминий, было предложено ввести пошлины в размере 25%. Продолжая политику «око за око», Китай также решил ввести дополнительные 25%-ные пошлины на химические продукты, медицинское оборудование и энергию, импортируемые из США [Dhar, 2018].

8 августа 2018 г. правительство Китая накануне ежегодного заседания высшего руководства КНР заявило о готовности ввести ответные пошлины на некоторые американские товары. Сообщалось, что решение стало ответом на «публикацию администрацией Трампа списка китайских товаров, которые с 23 августа 2018 г. будут облагаться 25%-ными пошлинами», в результате объем облагаемой пошлинами торговли увеличился до 50 млрд долл. против прежних 34 млрд долл. Эта готовность позднее вылилась в введение дополнительных пошлин на импорт из США на сумму 60 млрд долл. Комиссия по таможенным тарифам при Госсовете КНР обнародовала списки из 5207 американских товаров, на которые вводились дополнительные пошлины в диапазоне от 5 до 25%. Влияние этих пошлин в ближайшем будущем может быть довольно значительным [Chakraborty, 2018]².

В середине сентября 2018 г. правительство США вновь ударило по Китаю новыми пошлинами, затрагивающими китайские товары, на этот раз на сумму 200 млрд долл. В отличие от предыдущего набора пошлин, в основном направленных на средства производства, эти меры коснулись тысяч потребительских товаров, произведенных в Китае, от предметов для перевозки багажа и электроники до бытовых товаров и продуктов питания. Ожидается, что введение пошлин в итоге приведет к увеличению издержек и цен на данные товары [Partington, Rushe, 2018].

Эти действия, по-видимому, были предприняты США для решения проблемы безразличия Китая к его «несправедливой политике и практикам». В Китае с сожалением восприняли это решение и сообщили, что у страны «нет иного выбора, кроме как принять контрмеры».

К большому облегчению многих стран, 1 декабря 2018 г. договоренность о приостановке действия мер, достигнутая между США и Китаем в кулуарах саммита «Группы двадцати», дала столь необходимую для этих двух стран и остального мира передышку. Стороны договорились не вводить никаких пошлин в ближайшие 90 дней. Однако это временное перемирие оказалось недостаточным для решения более глубоких проблем в их отношениях в сфере торговли и представляло собой скорее краткосрочное политическое соглашение, чем значительный шаг к разрешению противоречий.

Несколько раундов переговоров между двумя странами не помогли выйти из тупика, и война, как ожидается, продолжится. За прошедший период ситуация даже несколько ухудшилась, так как США активизировали усилия по запрещению китайской

² ВТО предупредила, что торговый конфликт между США и Китаем, как ожидается, повлечет вонообразные последствия во всем мире.

технологической компании Huawei вести какие-либо дела с американскими компаниями. Ожидается, что решение американского федерального правительства расширить официальные связи с Тайванем еще более усугубит ситуацию.

Данная статья является диагностическим исследованием текущих торговых потрясений в мире. Хотя в основном дискуссии ведутся вокруг противостояния между США и Китаем, необходимо рассматривать эти торговые противоречия с точки зрения развивающихся стран и государств с формирующими рынками. В данной статье «торговая война» анализируется в этом контексте.

Статья структурирована следующим образом. Сначала рассматривается экономика американского торгового протекционизма. Далее внимание уделяется причинам китайско-американской борьбы – явному сдвигу в динамике мировой торговли в сторону Азии во главе с процветающим Китаем в последние два десятилетия. Затем рассматривается результат политики торгового протекционизма – замедление роста объемов мировой торговли и экономического роста.

ВТО, будучи многосторонним надзорным органом, могла бы сыграть отрезвляющую роль для ослабления напряженности. Тем не менее до сих пор ВТО придерживалась однобокой позиции в пользу развитых стран первого мира. В последних разделах статьи критически рассматривается роль ВТО и влияние США в этой организации, подрывающее существующий механизм урегулирования споров. Вместо того чтобы играть роль хорошего судьи, ВТО обеспечивает безоговорочное оправдание односторонних торговых ограничений со стороны США. В статье приводятся веские аргументы в пользу более тесного сотрудничества между развивающимися странами вне рамок ВТО, которое необходимо для них, чтобы выжить в нынешний период изменений в системе мировой торговли.

Статья основана на теории выгод от международной торговли, но больше фокусируется на событиях, которые произошли в международной торговле и сфере бизнеса в последние два года. Автор статьи, в основном анализируя актуальные события в мировой торговле, критикует односторонность, которая наблюдалась в международной торговле в последнее время. Также критикуется позиция ВТО как многосторонней торговой платформы. В заключительном разделе приведены рекомендации для развивающихся стран в направлении расширения сотрудничества.

Экономика американского протекционизма

Введение пошлин, особенно в США, обосновывается необходимостью защиты рабочих мест внутри страны. Подход «Америка превыше всего» предполагает сокращение импорта, чтобы отечественные производители могли продавать свои товары. Кроме того, в экономике появится больше рабочих мест (для американцев). Таким образом, сокращение объема импорта наряду с ужесточением иммиграционной политики находит значительную поддержку у населения США, поскольку в последние несколько десятилетий производство в различных секторах было перемещено в другие страны мира, где рабочая сила дешевле. Число рабочих-иммигрантов в США, особенно в сфере высоких технологий, также увеличилось за последние несколько десятилетий. Постоянно растущие показатели торгового дефицита США еще больше подтверждают это. Вот почему защита рабочих мест путем сокращения торгового дефицита (за счет значительного сокращения импорта) столь популярна в США. Ориентация на Китай при сокращении импорта путем введения пошлин также находит массовую поддержку у населения.

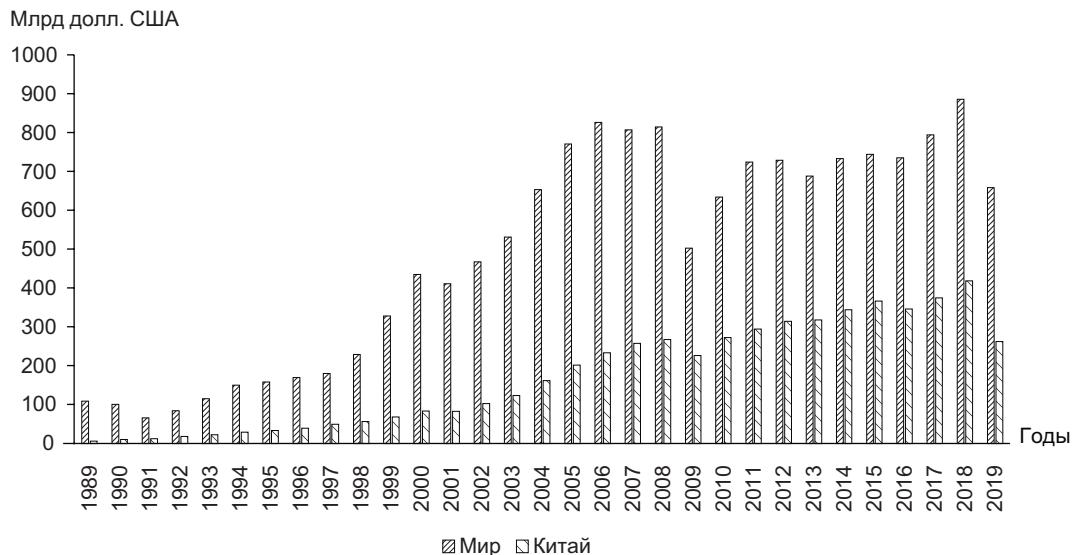

Рис. 1. Тенденции дефицита торговли товарами США с миром и Китаем, млрд долл. США

Источник: United States Census Bureau, US Department of Commerce.

Примечание. Показатели дефицита торговли США с миром учитывают дефицит торговли с Китаем. Показатели 2019 г. охватывают период до сентября. Для расчета торгового дефицита использованы показатели экспорта и импорта с учетом сезонных колебаний.

Как видно из рис. 1, дефицит США в торговле товарами неизменно увеличивался с 1980-х годов. После небольшого улучшения в начале 1990-х годов показатели снова ухудшились после 1995 г. В начале нового тысячелетия торговый дефицит начал быстро расти, и, кстати, именно в этот период Китай вступил в ВТО и вышел на рынок США. В этом, вероятно, кроются истоки популярного оправдания политики правительства США со ссылкой на «фактор Китая» как источник ухудшения показателей торгового дефицита.

Но важно отметить, что дефицит торговли товарами США с остальным миром также продолжал увеличиваться в течение указанного периода. Хотя сальдо торговли услугами с конца 1980-х годов было положительным и продолжало увеличиваться, оно было совершенно недостаточным для компенсации быстрорастущего дисбаланса в торговле товарами.

Согласно данным за 2017 г., торговый дефицит США с Китаем составил 375,6 млрд долл., а дефицит торгового баланса со всем миром – 795,7 млрд долл. Это означает, что дефицит торгового баланса США с остальным миром, за исключением КНР, составил 420,1 млрд долл., и если гипотетически полностью вытеснить Китай с американского рынка, то даже тогда американская экономика столкнется с огромным дефицитом в торговле товарами и общим дефицитом по счету текущих операций. Это указывает на общий системный недостаток, выходящий за рамки так называемого фактора Китая.

С точки зрения расчета валового национального дохода разница между экспортом и импортом любой страны равна разнице сбережений и инвестиций³. США как эконо-

³ Уравнение национального дохода имеет следующую форму: $Y = C + I + G + (X - M)$, где Y , C , I , G , X и M – национальный доход (выпуск), потребление, инвестиции, государственные расходы, экспорт и импорт соответственно. Предполагая вмешательство правительства на нулевом уровне, урав-

мика, ориентированная на потребление, годами держали норму сбережений на очень низком уровне. Внутренняя норма сбережений с 1950-х годов никогда не достигала 24%, а в последние годы опустилась ниже 17%. Это означает, что экономика в целом тратила больше, чем сберегала (и инвестировала), и эти расходы на потребление (и инвестиции) поддерживались за счет заимствований [Dhar, 2018; Guttmann, Plihon, 2008; Montomerie, 2007; Dutt, 2006].

Другими словами, потребление было основным двигателем экономического роста, и оно всегда обеспечивалось главным образом за счет заимствований. Этот «расточительный» путь к процветанию работал хорошо, пока страна могла успешно заимствовать на мировых рынках капитала в рамках собственной глобализированной финансовой архитектуры. Но этот «праздник заимствований» закончился финансовым кризисом 2008 г., когда рынки капитала повсеместно столкнулись с потрясениями и финансирование торгового дефицита становилось все более трудным. Таким образом, реальная макроэкономическая проблема США является системной и во многом обусловлена моделью роста за счет потребления [Dhar, 2018; Montomerie, 2007].

Тем не менее реализация откровенно популистской повестки дня и успокоение местного избирателя потребовало односторонних тарифных мер и торговых барьеров. Это сместило акцент с источника экономической проблемы, по крайней мере, до сих пор происходило так.

Итак, односторонние протекционистские меры США могут как помочь усилить отечественных производителей и укрепить показатели занятости, так и ослабить их, но они вряд ли существенно повлияют на объем внешнего дефицита, учитывая экономическую модель, которой следует страна. Скорее, эти меры могут привести к нарушениям в структуре торговли и усугубить неопределенность как внутри страны, так и на международном уровне. Если это произойдет, то мировая торговля сильно пострадает.

Смещение экономической и торговой динамики в сторону Азии и Китая

Растущее влияние Китая является одной из скрытых причин продолжающейся борьбы с США. Официальные источники могут приводить различные причины этой торговой войны, но в целом это выглядит как битва за превосходство в международном бизнесе.

Технологическое превосходство также играет свою роль в конфликте между двумя крупнейшими экономиками мира. Экономика Китая феноменально выросла в последние два десятилетия. За последнее время разрыв между номинальным ВВП Китая и США сократился.

Помимо впечатляющего роста номинального ВВП, в последние годы возросло влияние Китая в международной торговле. По сути, истоки успеха Китая лежат в модели экономического роста, ориентированной на экспорт. Поэтому не будет преувеличением сказать, что растущее экономическое влияние Китая рано или поздно должно было спровоцировать конфликт с США за глобальное экономическое и технологическое превосходство. Этот конфликт мы сейчас наблюдаем.

Исторически, если смотреть на объемы и направление торговли, в последние тридцать лет основные потоки торговли были сосредоточены в Северной Америке и Европе. Данная тенденция начала меняться после вступления Китая в ВТО в 2001 г.

нение можно сократить до: $S - I = X - M$, где S – сбережения, равные $Y - C$. Следовательно, торговый дефицит (или профицит) равен разнице между сбережениями и инвестициями (или превышением сбережений над инвестициями).

Вступлению предшествовали длительные дебаты между ведущими развитыми странами, однако Китай быстро, но верно продолжал делать гигантские шаги в международной торговле, особенно в экспорте. Хорошая экспортно ориентированная стратегия способствовала параллельному росту ВВП Китая. Согласно данным Всемирного экономического форума, ВВП Китая в 2018 г. превысил отметку в 14 трлн долл. Разрыв между Китаем, второй по величине экономикой мира, и США, крупнейшей экономикой мира с ВВП в 20,4 трлн долл., значительно сократился за прошедшие 17 лет.

Тенденции роста объема мировой торговли товарами по регионам в последнее время (рис. 2) убедительно демонстрируют смещение в сторону Азии.

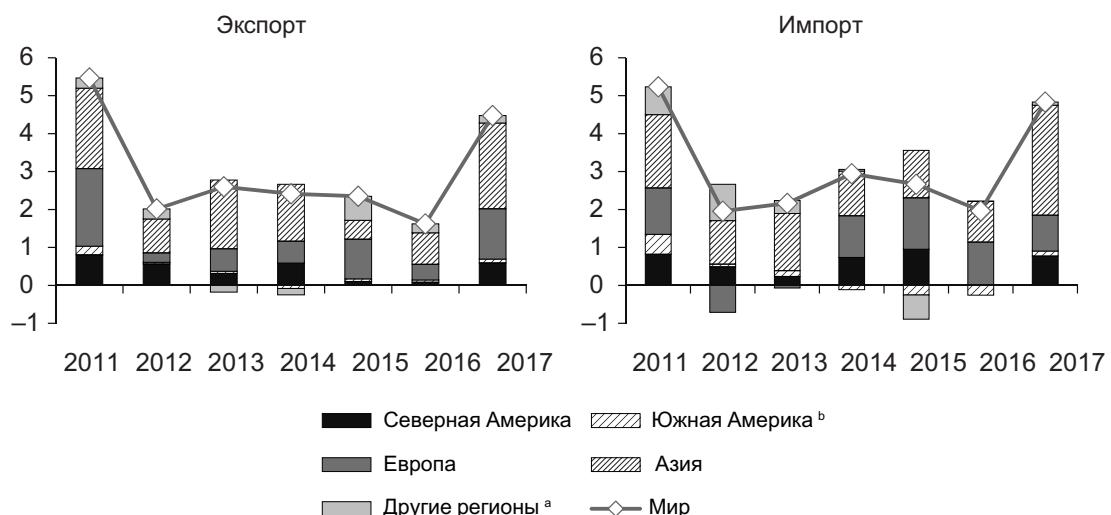

Рис. 2. Вклад в рост объема мировой торговли товарами по регионам, 2011–2017 гг.

Источник: [WTO, 2018].

Примечание. ^a «Другие регионы» включают Африку, Ближний Восток и СНГ, в том числе ассоциированные и бывшие государства-члены; ^b «Южная Америка» включает Южную и Центральную Америку и страны Карибского бассейна.

Вклад различных регионов в рост объема мировой торговли в период с 2011 по 2017 г. подтверждает эту тенденцию. Рост как экспорта, так и импорта был в основном обеспечен Азией. И Китай сыграл в этой азиатской истории роста важную роль.

На рис. 3 показаны тенденции индекса объема экспорта и импорта по регионам. База индексов – 1-й квартал 2012 г. Тенденции подтверждают смещение международной торговли в сторону Азии. Поскольку объемы торговли Южной Америки и Европы колеблются, борьба за торговое превосходство явно идет между Северной Америкой и Азией. Рост объемов экспорта определяется Азией, а объемов импорта – обоими континентами. Экспорт Северной Америки в 4-м квартале 2018 г. немного снизился.

То, что экспорт Северной Америки растет не так значительно, как импорт, имеет длительные и серьезные последствия. Сложившаяся тенденция указывает на постепенную утрату контроля за мировой торговлей странами североамериканского континента. С этой точки зрения можно также посмотреть на протекционистские меры, принимаемые США. Скорее всего, США понимают последствия смещения торговли в сторону Азии и сознательно пытаются противостоять ему. Тем не менее способ

и эффективность этой борьбы вызывают вопросы. Односторонность, лежащая в основе процесса, может угрожать существованию многосторонних торговых организаций, таких как ВТО.

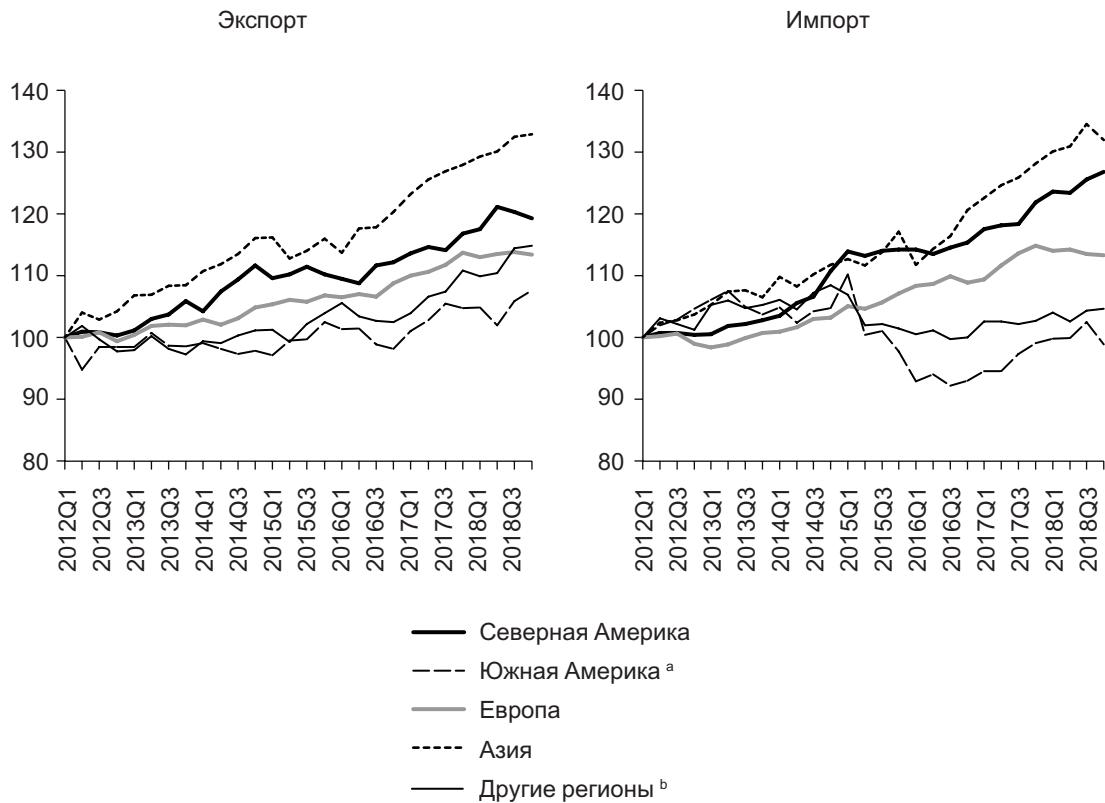

Рис. 3. Экспорт и импорт товаров по регионам, 1-й квартал 2012 г. – 4-й квартал 2018 г. (индекс объема, показатель 1-го квартала 2012 г. принят за 100)

Источник: пресс-релиз ВТО “Trade Statistics and Outlook”, 2 апреля 2019 г. (оригинальный источник: ВТО и ЮНКТАД).

Примечание. ^a «Южная Америка» включает Южную и Центральную Америку и страны Карибского бассейна; ^b «Другие регионы» включают Африку, Ближний Восток и СНГ, в том числе ассоциированные и бывшие государства-члены.

Хотя постепенное смещение точки опоры мировой торговли в сторону Азии упоминается часто, еще одно существенное изменение остается менее замеченным. Это смещение долей в мировой торговле от развитых стран к развивающимся. Оно демонстрируется на рис. 4, где тенденции экспорта и импорта показаны для групп стран с разным уровнем экономического развития.

Мировой экспорт товаров в последнее время в основном поддерживается экспортом развивающихся стран. Рост экспорта развитых стран демонстрирует относительное замедление, особенно после 2017 г. В последние несколько кварталов наблюдался устойчивый рост импорта развитых стран и небольшое снижение импорта развивающихся стран.

Таким образом, в мировой торговле существует тенденция смещения не только от Северной Америки в сторону Азии, но и от развитых стран к развивающимся. В торговле товарами этот сдвиг довольно очевиден в течение определенного периода времени, что подразумевает растущее сравнительное преимущество развивающихся стран. Производители в развитых странах уже давно переносят отрасли промышленности и производства в страны Азии и другие регионы с низкими затратами на рабочую силу. Однако оборотной стороной переноса производственной базы являются наблюдаемые в сфере торговли тенденции.

В условиях нестабильности мировой экономики ослабление экспортных преимуществ также приводит к увеличению дефицита счета текущих операций. Увеличение торгового дефицита может стать серьезной проблемой для экономики, если его финансирование на международном рынке затруднено. После кризиса 2008 г. международное долговое финансирование стало более сложным по сравнению с предыдущими годами. Более того, тенденции к снижению или колебаниям уровня занятости во многих развитых странах создают дополнительное внутреннее давление на политиков.

Это в значительной степени объясняет внутреннюю ориентацию политики во многих странах первого мира. Например, даже в лучшие годы ВТО ЕС вводил жесткие нетарифные технические и санитарные барьеры для товаров из многих развивающихся стран. Помимо соображений охраны здоровья и безопасности, эти меры зачастую служили для защиты отечественных производителей от более дешевых конкурентоспособных товаров. Одностороннее введение пошлин и/или квот США в последнее время также может рассматриваться с этой точки зрения.

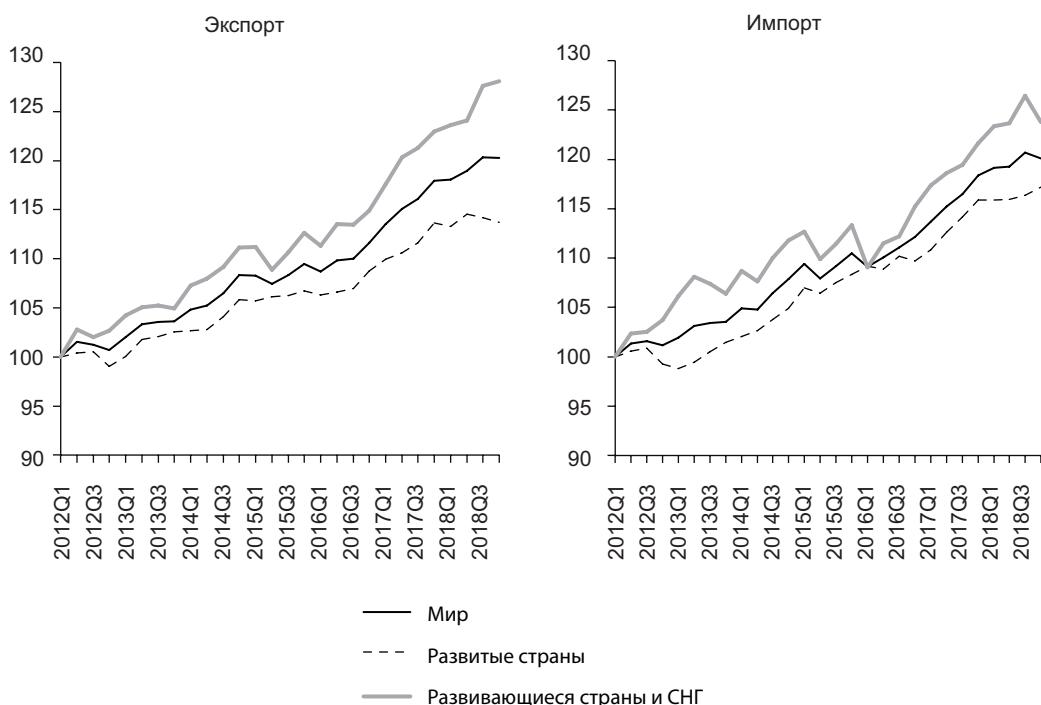

Рис. 4. Экспорт и импорт товаров по уровню развития стран, 1-й квартал 2012 г. – 4-й квартал 2018 г. (индекс объема, показатель 1-го квартала 2012 г. принят за 100)

Источник: пресс-релиз ВТО “Trade Statistics and Outlook”, 2 апреля 2019 г. (оригинальный источник: ВТО и ЮНКТАД).

Учитывая замедление роста мировой торговли товарами (как описано выше), недостаточно информированному наблюдателю может показаться, что вот-вот произойдет коллапс мировой торговли. Однако на данный момент это будет преувеличением. Общий объем торговли все еще растет – в основном за счет положительных темпов роста экспорта услуг.

На рис. 5 показаны процентные темпы роста стоимости экспортных коммерческих услуг в долларах США. Как видно, экспорт коммерческих услуг в 2015 г. резко снизился, но в последующие годы показатели восстановились. К 2018 г. экспорт по всем категориям коммерческих услуг начал демонстрировать уверенные темпы роста.

Это важно для понимания недавних торговых конфликтов. Развитый мир в значительной степени сознательно перенес некоторые отрасли (особенно загрязняющие окружающую среду) в развивающиеся страны, включая Китай. Долгосрочной целью этого была концентрация на услугах и переход от индустриальной экономики к экономике, основанной на высоких технологиях. Помимо дешевой рабочей силы, эта цель была одной из основных причин переноса производства в развивающийся мир. Ожидалось, что потери в промышленном производстве, с точки зрения как внутренних продаж, так и экспорта, будут более чем компенсированы увеличением производства и доходов в сфере производства технологичных товаров и услуг.

Однако в последние годы Китай также добился значительных успехов в сфере технологий и услуг. Одной из причин этого является размытие границ между производством товаров и коммерческих услуг. Все чаще крупные компании одновременно продают товары и предоставляют услуги. Например, производитель телекоммуникационных товаров также предоставляет телекоммуникационные услуги другим клиентам. Таким образом, накопленный опыт Китая в сфере производства помог китайским компаниям проникнуть в сферу услуг за счет этих пересечений и в результате, возможно, создал угрозу для некоторых поставщиков коммерческих услуг из развитых стран.

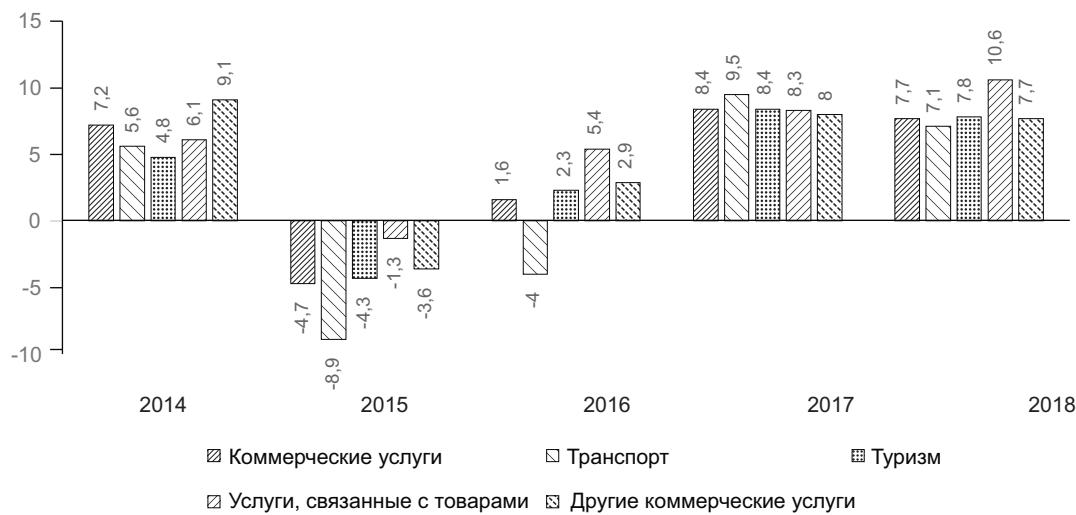

Рис. 5. Рост стоимости экспортных коммерческих услуг по категориям, 2014–2018 гг. (процентное изменение стоимости в долл. США)

Источник: пресс-релиз ВТО “Trade Statistics and Outlook”, 2 апреля 2019 г. (оригинальный источник: ВТО, ЮНКТАД и Международный торговый центр).

Этот фактор играет не последнюю роль – об этом свидетельствуют американские санкции и возражения по поводу деятельности китайских телекоммуникационных компаний, таких как Huawei и ZTE.

Анализ стоимостных показателей и долей 30 ведущих экспортёров и импортёров товаров (табл. 1) подтверждает постепенное смещение международной торговли в сторону Азии. В топ-30 экспортёров товаров входят 17 азиатских стран, не считая Японии и России, а в топ-30 импортёров – 14 азиатских стран, не считая Японии, России и Израиля. Хотя крупнейшие развитые страны по-прежнему имеют наибольшие доли в обоих потоках международной торговли, ее структура явно демонстрирует признаки трансформации. Такие страны, как Сингапур и Южная Корея, конечно, уже давно находятся в высшей лиге, но присутствие небольших азиатских стран, таких как Индонезия, Вьетнам и Бангладеш, среди ведущих экспортёров и имортёров мира означает постепенную трансформацию в сторону Азии.

Сравнение показателей торговли товарами США и Китая также выявляет важный факт. Китай возглавляет список ведущих экспортёров с объемом экспорта 2487 млрд долл. и долей в мировом экспорте 16,2%. США возглавляют список ведущих импортёров с объемом импорта 2614 млрд долл. и долей в 16,6% от общемирового показателя. Таким образом, в 2018 г. положительное сальдо торгового баланса Китая составило 351 млрд долл., а общий дефицит торгового баланса США достиг 950 млрд долл. Это подтверждает точку зрения относительно первопричины конфликта между США и Китаем, упомянутую ранее.

*Таблица 1. Ведущие экспортёры и имортёры товаров
(за исключением торговли внутри ЕС (28)), 2018 г., млрд долл. США и %*

Место	Экспортёр	Объем	Доля	Годовое изменение, %	Место	Импортёр	Объем	Доля	Годовое изменение, %
1	Китай	2487	16,2	10	1	США	2614	16,6	9
2	Внешний экспорт ЕС (28)	2309	15,1	9	2	Внешний импорт ЕС (28)	2337	14,9	11
3	США	1664	10,9	8	3	Китай	2136	13,6	16
4	Япония	738	4,8	6	4	Япония	749	4,8	11
5	Южная Корея	605	3,9	5	5	Гонконг	628	4,0	6
6	Гонконг	569	3,7	3	6	Южная Корея	535	3,4	12
7	Мексика	451	2,9	10	7	Индия	511	3,3	14
8	Канада	450	2,9	7	8	Мексика	477	3,0	10
9	Россия	444	2,9	26	9	Канада ¹	469	3,0	6
10	Сингапур	413	2,7	11	10	Сингапур	371	2,4	13
11	ОАЭ ¹	346	2,3	10	11	Китайский Тайбэй	286	1,8	10
12	Китайский Тайбэй	336	2,2	6	12	Швейцария	279	1,8	4

Место	Экспортер	Объем	Доля	Годовое изменение, %	Место	Импортер	Объем	Доля	Годовое изменение, %
13	Индия	326	2,1	9	13	ОАЭ ¹	253	1,6	-6
14	Швейцария	311	2,0	4	14	Таиланд	250	1,6	13
15	Саудовская Аравия ¹	299	2,0	35	15	Россия ²	249	1,6	5
16	Австралия	257	1,7	11	16	Вьетнам ¹	244	1,6	15
17	Таиланд	252	1,6	7	17	Австралия	236	1,5	3
18	Малайзия	247	1,6	14	18	Турция	223	1,4	-5
19	Вьетнам ¹	246	1,6	15	19	Малайзия	217	1,4	12
20	Бразилия	240	1,6	10	20	Бразилия ¹	189	1,2	20
21	Индонезия	180	1,2	7	21	Индонезия	189	1,2	20
22	Турция	168	1,1	7	22	Саудовская Аравия ¹	135	0,9	0
23	Норвегия	123	0,8	18	23	Филиппины	115	0,7	13
24	Иран ¹	108	0,7	16	24	ЮАР ¹	114	0,7	12
25	ЮАР	94	0,6	6	25	Израиль ¹	88	0,6	22
26	Ирак ¹	89	0,6	41	26	Норвегия	88	0,6	6
27	Катар ¹	86	0,6	28	27	Чили	74	0,5	14
28	Чили	75	0,5	9	28	Египет	72	0,5	17
29	Кувейт ¹	72	0,5	30	29	Аргентина	65	0,4	16
30	Филиппины	67	0,4	-2	30	Бангладеш ¹	62	0,4	16
	Всего ³	14052	91,7	-		Всего ³	14255	90,7	-
	Мир (исключая экспорт внутри ЕС (28)) ³	15319	100	10		Мир (исключая импорт внутри ЕС (28)) ³	15710	100	10

Источник: пресс-релиз ВТО “Trade Statistics and Outlook”, 2 апреля 2019 г. (оригинальный источник: ВТО и ЮНКТАД).

Примечания. ¹ Оценки Секретариата ВТО. ² Импорт рассчитан на условиях франко-борт.

³ Включает значимые объемы реэкспорта и импорта для реэкспорта.

Если добавить к показателям Китая данные по экспорту и импорту Гонконга, то даже тогда Китай и Гонконг имеют общий торговый профицит в размере 292 млрд долл., что почти равно общему экспорту Саудовской Аравии, богатой нефтяной страны. Это позволяет объективно взглянуть на значительный масштаб роста торговли Китая в последние два десятилетия.

Следует также вспомнить, что значительное число китайских производителей переместили или планируют перенести свои базы в другие азиатские страны, такие как Малайзия, Вьетнам и Таиланд. В итоге неявным образом часть положительных результатов этих небольших стран в сфере торговли в будущем автоматически станет вкладом в рост показателей Китая.

В результате рост показателей Китая в международной торговле определенно насторожит США – нынешнего мирового лидера по ВВП. Хотя многие эксперты

и комментаторы выражают удивление односторонним введением США пошлин, если рассматривать конфликт с точки зрения торговой статистики, он вовсе не выглядит неожиданным. Он должен был случиться. Тем не менее могут возникнуть вопросы по поводу модели реакции США на усиление Китая в рамках основанной на правилах международной торговой системы, неотъемлемой частью которой является ВТО.

Замедление роста мировой экономики и торговли

Тенденция изменения роста мирового экспорта с 1980-х годов позволяет понять несколько фактов. Во-первых, это ускорение роста мировой торговли после создания ВТО в 1995 г.

Это ускорение продолжалось до тех пор, пока мир не столкнулся с финансовым кризисом 2008 г., который начался с сегмента жилищной ипотеки финансового рынка США. В контексте нынешнего турбулентного сценария развития международной торговли, вероятно, не будет преувеличением сказать, что «золотой период международной торговли», продолжавшийся с 1995 по 2008 г., закончился. И за этим «золотым периодом» теперь следует противоречивая эра «тарифной войны», которая угрожает свести на нет все позитивное влияние «золотого периода» на мировую экономику.

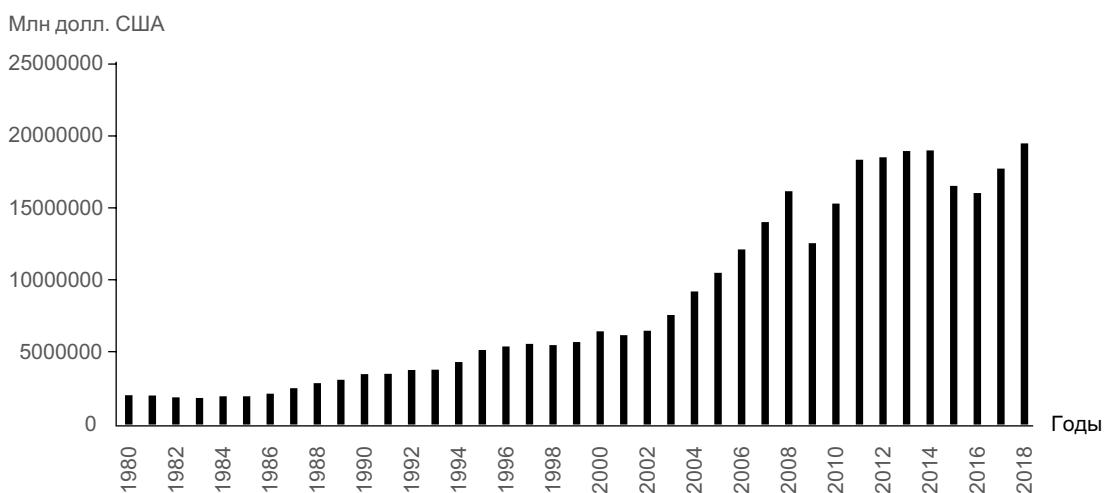

Рис. 6. Тенденции мирового экспорта с 1980-х годов, млн долл. США

Источник: [WTO, n. d.].

На рис. 6 показан уровень мирового экспорта с 1980-х годов. После резкого падения объема мирового экспорта в 2009 г., как сначала казалось, наметилось восстановление тенденции роста в последующие годы. Но данные после 2010 г. демонстрируют стагнацию на том же уровне — как будто бы объем мирового экспорта достиг своего пика. Фактически мировой экспорт снова начал снижаться в 2015 г., а затем вырос в 2017 г. Тем не менее показатель, как и ранее, продолжает демонстрировать характеристики приближения к некоему максимуму. Это явный признак замедления роста международной торговли и бизнеса — каким бы способом ни интерпретировались данные.

Торговля является важной движущей силой экономического роста во всем мире. Таким образом, замедление роста торговли или ее стагнация, вероятно, приведет к замедлению глобального экономического роста.

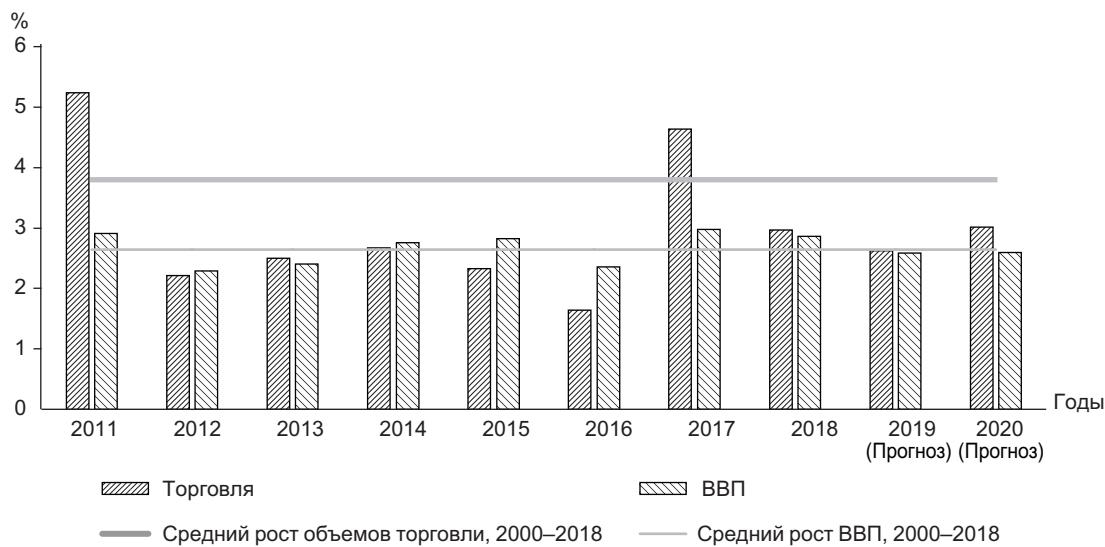

Рис. 7. Рост объемов мировой торговли товарами и ВВП, 2011–2020 гг. (годовое процентное изменение)

Источник: пресс-релиз ВТО “Trade Statistics and Outlook”, 2 апреля 2019 г. (оригинальный источник: ВТО и ЮНКТАД для торговли, консенсусные оценки для ВВП).

Примечание. ВВП рассчитан по рыночным курсам. Данные за 2019 и 2020 гг. – прогнозные.

На рис. 7 показана взаимосвязь между увеличением объемов торговли и ростом ВВП в мире. Общее замедление роста мирового производства негативно сказалось на росте торговли с 2012 г. Рост торговли на 4,6%, что выше среднего, в 2017 г. вселил надежду на восстановление. К сожалению, торговая война, слабый экономический рост, нестабильность на финансовых рынках и ужесточение денежно-кредитной политики свели на нет все шансы на глобальное восстановление.

За исключением 2011 и 2017 гг., рост объемов торговли и рост реального ВВП демонстрируют тесную взаимосвязь. В последние два десятилетия уверенный рост экспорта способствовал экономическому процветанию многих стран, включая Китай. Часто говорят, что за последние два десятилетия огромная часть населения мира перестала жить за чертой бедности. Это стало возможным только благодаря экономическому росту. Однако эта взаимосвязь роста торговли и экономического процветания, по-видимому, сталкивается в настоящий момент с серьезной угрозой.

Как видно из рис. 7, по оценкам ВТО, темп роста объема торговли товарами снижается до 2,6% в 2019 г. и восстановится до уровня 3,0% в 2020 г.

Однако генеральный директор ВТО Р. Азеведо заявил: «Учитывая растущую торговую напряженность, этот прогноз никого не должен удивлять. Торговля не может полноценно играть свою роль в стимулировании роста, когда мы наблюдаем столь высокий уровень неопределенности. Срочно нужно снять напряженность и сосредоточиться на определении позитивного пути для мировой торговли, который отвечает реальным вызовам современной экономики, таким как технологическая революция и необходимость создания рабочих мест и ускорения развития. Члены ВТО работают над этим и обсуждают пути укрепления и защиты торговой системы. Это жизненно важно. Если мы забудем о фундаментальной важности основанной на правилах торговой

системы, мы рискуем ослабить ее, что было бы исторической ошибкой с негативными последствиями для рабочих мест, роста и стабильности во всем мире» [WTO, 2019a].

Хорошо, что ВТО признает риски «торговой напряженности» в 2019 г., но позиция данной организации в отношении односторонней политики США до настоящего времени остается в лучшем случае неопределенной.

Тревожные тенденции для многосторонности и развивающихся стран

Всемирный банк, Международный валютный фонд и ВТО опубликовали программный документ с указанием направлений будущей реформы международной торговли под названием «Активизация торговли и инклюзивного роста» в сентябре 2018 г. Этот документ следует рассматривать в контексте изменений в международной торговле. Внимательное чтение документа позволяет выявить тревожные тенденции для развивающихся стран и стран с формирующими рынками в ближайшем будущем.

Удивительно, но в документе ни разу не критикуется недавнее одностороннее введение пошлин, а вместо этого в самом начале упоминается (только один раз): «Система правил мировой торговли, которая способствовала беспрецедентному экономическому росту для нескольких поколений, сталкивается с давлением. Несмотря на то что это давление возникло совсем недавно, оно коренится в проблемах, которые слишком долго оставались нерешенными. Правительствам необходимо оперативно решать вопросы, касающиеся, например, системы урегулирования споров ВТО и соблюдения дисциплины в плане использования субсидий».

Это не что иное, как скрытое оправдание американской позиции по одностороннему введению пошлин.

Секретариат ВТО технически не может быть участником составления такого предвзятого предложения о реформе международной торговли, поскольку он не имеет полномочий принимать решения. В ВТО все решения принимаются только странами-членами, а обязанности Секретариата заключаются в том, чтобы «поддерживать различные советы и комитеты, оказывать техническую помощь, отслеживать и анализировать события в мировой торговле, предоставлять информацию общественности и средствам массовой информации и организовывать министерские конференции»⁴. Министерская конференция – высший орган принятия решений в ВТО в рамках существующей системы.

Далее в программном документе ВБ – МВФ – ВТО отмечается, что «опора на подход, при котором все члены должны достигать согласия по всем вопросам, создает риск выведения переговорной деятельности за пределы ВТО. Достижение согласия между столь многочисленными членами, каждый из которых имеет уникальные задачи и приоритеты, оказалось трудным». С момента создания ВТО многосторонний подход, основанный на консенсусе, был основой и главной причиной ее прошлых огромных успехов в содействии свободной торговле. Предложение ВБ – МВФ – ВТО весьма недвусмысленно ставит под сомнение основанный на консенсусе подход к торговым переговорам.

Затем в документе приводятся аргументы в пользу использования «многостороннего» и «гибкого» подхода в переговорах в рамках ВТО по любому вопросу, по которому не достигается консенсус, поскольку «практика объединения переговорных вопросов в гигантском раунде торговых переговоров по принципу “все или ничего” является

⁴ Роль Секретариата ВТО в соответствии с данными веб-сайта ВТО: www.wto.org.

чрезвычайно сложной в управлении». Это все равно, что предлагать отдельные клубы в рамках ВТО и, по сути, рассматривать одни группы стран как превосходящие другие. Это абсурдная идея для продвижения в рамках многостороннего форума, где все страны должны рассматриваться как равные друг другу. Это все равно, что сказать, что любая страна может свободно вести переговоры о своих двусторонних или многосторонних соглашениях под эгидой ВТО. Но зачем странам делать это в рамках ВТО, если у них есть возможность делать это самостоятельно? Похоже, это отчаянная попытка ВТО сохранить актуальность в сфере международной торговли.

В противовес этим аргументам в программном документе приводятся доводы в пользу универсального подхода к инвестициям, чтобы установить «целостные правила, критически важные в мире региональных и глобальных цепочек создания стоимости». Также подтверждается необходимость решения сложных вопросов, таких как доступ к сельскохозяйственным рынкам, искажения в торговле сельскохозяйственной продукцией, сотрудничество в области регулирования и электронная торговля. Признавая различие интересов по этим вопросам, документ предписывает «эволюцию» и «модернизацию» правил, политики и практик регулирования глобальной торговли.

Если читать между строк, подразумевается, что в соответствии с этим «гибким» подходом к торговым переговорам в будущем согласование отличающихся обязательств стран с формирующими рынками и менее развитых стран по тарифным ставкам и обязательств в сфере услуг может оказаться под вопросом. По таким вопросам, как доступ к рынку, также нельзя исключать возможности «выкручивания рук». Такие страны, как Индия, Бразилия и Китай, в будущем пострадают, если предлагаемый подход будет в дальнейшем принят на уровне ВТО.

Блокирование США попыток заполнить вакансии в Апелляционном органе ВТО

Тем временем США единолично заблокировали предложение о заполнении вакансий в Апелляционном органе ВТО, поскольку считают, что в прошлом этот орган в своих решениях выходил за рамки мандата. Это еще одна часть масштабного американского нарратива «система настроена против нас». Апелляционный орган является постоянным органом из семи человек, который заслушивает апелляции по сути отчетов и рекомендаций, издаваемых третейскими группами по урегулированию споров ВТО. Доклады Органа, после их утверждения Органом по разрешению споров, должны признаваться всеми участвующими сторонами в соответствии с действующими правилами и процедурами урегулирования споров в ВТО.

Из-за блокирования со стороны США в течение последних двух лет Апелляционный орган теперь сокращен до трех членов из семи, поскольку вакансии не заполнены. К декабрю 2019 г. состав Органа сократится до одного члена, так как двое – представители Индии и США – сложат полномочия по истечении второго срока. Индия присоединилась к Европейскому союзу, Китаю, Канаде, Норвегии, Новой Зеландии, Швейцарии, Австралии, Корее, Исландии, Сингапуре и Мексике, выпустившим совместное предложение по заполнению вакансий 26 ноября. Однако, используя свое право вето, 12 декабря США вновь отклонили это предложение и назвали ЕС, Индию и Китай «новой трехсторонней группой» (в ВТО), которая пытается «изменить правила, чтобы разрешить и использовать те самые подходы, которые сделают Апелляционный орган еще менее подотчетным».

Эта постоянная блокировка заполнения вакансий в Апелляционном органе, похоже, является американской уловкой, чтобы вернуться к фазе ГATT до 1995 г., в рамках

которой решения любой третейской группы по урегулированию споров могли обсуждаться, в отличие от решений Апелляционного органа, обязательных к исполнению в соответствии с действующей двухэтапной системой урегулирования споров. Если такой возврат произойдет, это станет серьезным ударом по авторитету ВТО.

Таким образом, торговые сражения ведутся в различных сферах многосторонней системы, помимо тарифного фронта, и есть достаточно оснований скептически относиться к светлому будущему международной торговли.

Необходимость более активного торгового сотрудничества вне ВТО

Ситуация не сулит ничего хорошего развивающимся странам, например, странам БРИКС. Эти страны в прошлом вели трудные переговоры по отсрочке введения тарифов и обязательств в сфере услуг для защиты своих интересов в области экономики и развития. При предложенном «многостороннем гибком» подходе эти преимущества могут просто исчезнуть.

Исходя из предложения о реформе торговой системы, за которое выступают ВБ, МВФ и ВТО, бремя одностороннего введения пошлин, начатого США, в конечном счете должны будут нести страны, которые растут быстрее всех, то есть страны БРИКС и «Группа одиннадцати»⁵. Маловероятно, что такие многосторонние организации, как ВТО, будут иметь необходимые инструменты, чтобы остановить одностороннее и произвольное принятие США решений в сфере торговли. Напротив, экономическая и политическая мощь США может склонить эти институты в их пользу.

После финансового кризиса 2008 г. международные платформы, в частности «Группа семи» и «Группа двадцати», наладили сотрудничество в области регулирования финансовых рынков по всему миру для обеспечения стабильности международной валютно-финансовой системы. Напротив, такие объединения, как БРИКС, развивались благодаря более широкому сотрудничеству в сфере международной торговли. Другими словами, торговые блоки или объединения, основанные на сотрудничестве по линии Юг – Юг, в большей степени полагаются на многостороннюю ВТО, деятельность которой основана на правилах. К сожалению, на этот раз ВТО, похоже, не станет «спасителем» этих стран.

До начала торговой войны в прошлом году усиливающаяся глобализация привела к распространению крупных транснациональных компаний по всему миру. Глобализация обеспечила включение предприятий разных стран, в основном китайских компаний, в глобальные цепочки создания стоимости. Когда глобальная цепочка создания стоимости начинает развиваться сама по себе, то по естественным экономическим причинам становится все более обоснованной необходимость региональной интеграции. Создание торговых и деловых возможностей требует тесного регионального сотрудничества, устранения барьеров для торговли и инвестиций, а также облегчения деятельности цепочек добавленной стоимости. Например, китайская компания, производящая продукцию на заводах во Вьетнаме, используя ресурсы из Индонезии и Таиланда, имела бы гораздо более благоприятные условия для ведения бизнеса, если бы между всеми странами, вовлеченными в данный процесс, было заключено официальное соглашение о региональном экономическом сотрудничестве.

⁵ «Группа одиннадцати» включает Бангладеш, Египет, Индонезию, Иран, Мексику, Нигерию, Пакистан, Филиппины, Южную Корею, Турцию и Вьетнам.

Поэтому в новом тысячелетии наблюдается тенденция активизации региональных торговых переговоров, особенно в Азии. Еще до нынешних торговых потрясений различные страны предпринимали осознанные усилия в направлении азиатской экономической интеграции. Многие крупные экономики, включая Китай, возможно, также почувствовали сдвиг в торгово-экономическом развитии в сторону азиатского континента.

Экономики Восточной Азии были одними из первых, кто реализовал потенциал регионального торгового сотрудничества и интеграции. Вероятно, эти страны извлекли уроки из опыта Евросоюза и соответствующей зоны свободной торговли. Всеобъемлющие и хорошо проработанные соглашения о свободной торговле (ССТ) создали различные экономические выгоды, включая преференциальные тарифы, доступ к рынкам и новые возможности для бизнеса, доказательством чему служит распространение действующих ССТ и активизация переговоров о ССТ в Восточной Азии в новом тысячелетии. Не все, но некоторые из них стоит упомянуть здесь. Это связано с тем, что динамика некоторых важных торговых соглашений и переговоров может дать представление о различных способах, применяемых азиатскими странами в поисках новых возможностей в период торговых потрясений.

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)⁶ является старейшим институтом торгово-экономического сотрудничества. В настоящее время АСЕАН заключено пять ССТ с Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией и Новой Зеландией. Ожидается, что эти соглашения в формате АСЕАН+ в ближайшем будущем принесут динамичные экономические выгоды для всех участвующих стран. Объемы торговли увеличились из-за этих соглашений о свободной торговле, но только подробный анализ может определить масштаб выгод, получаемых отдельными странами, например, Индией. Однако такой анализ выходит за рамки содержания и цели данной статьи. В будущем АСЕАН останется важным элементом азиатской региональной консолидации в сфере торговли.

Была предпринята серьезная попытка объединить 12 стран Азиатско-Тихоокеанского и Атлантического региона для создания зоны свободной торговли в рамках Транстихоокеанского партнерства (ТТП)⁷. Существенной особенностью ТТП было исключение Китая из соглашения. Это была явная попытка США, Канады и Японии значительно усилить свое торговое присутствие в Южной Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе. К 2008 г. это трио присоединилось к первоначальному торговому блоку, созданному еще в 2005 г. и состоящему из Брунея, Чили, Новой Зеландии и Сингапура. ТТП не стало реальностью, поскольку США впоследствии вышли из соглашения, но Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства (СРТПР) – без участия США – было подписано остальными участниками к январю 2018 г.

Первоначально ТТП было значительным усилием со стороны США по восстановлению и укреплению своего торгового доминирования. Таким образом, Китай стал активно противодействовать этой инициативе, и именно так в 2012 г. родилась идея

⁶ В настоящее время АСЕАН состоит из 10 стран-членов (Вьетнам, Таиланд, Сингапур, Филиппины, Мьянма, Малайзия, Лаос, Индонезия, Камбоджа и Бруней).

⁷ ТТП не стало реальностью из-за выхода США. Первоначально планировалось заключить соглашение о создании зоны свободной торговли между Австралией, Брунеем, Канадой, Чили, Японией, Малайзией, Мексикой, Новой Зеландией, Перу, Сингапуром, Вьетнамом и США.

Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП).⁸ Целью ВРЭП было создание открытого рынка с более высоким уровнем либерализации, чем между пятью соглашениями о свободной торговле АСЕАН+ путем интеграции сложных сетей и устранения негативного эффекта «миски спагетти»⁹ в регионе. Китай рассматривал ВРЭП как конкретную альтернативу ТТП.

Хотя США в итоге вышли из ТТП, быстро меняющаяся ситуация торговой войны, сложившаяся в мировой экономике, сохраняет большую важность ВРЭП для Китая. После введения пошлин и эмбарго на все виды китайского экспорта в США Китай в краткосрочной перспективе неизбежно потеряет часть объемов экспорта. И в долгосрочной перспективе стране, безусловно, придется искать альтернативные направления для своего экспорта. Это крайне важно для экономики Китая, поскольку успех китайской модели экономического роста основан на экспортно ориентированной стратегии. В настоящее время Китай предпринимает значительные усилия, чтобы изучить все виды экспортных возможностей.

Здесь важно отметить, что еще до начала торговой войны крупные экономики (в том числе США и Китай) изучали возможности торгового сотрудничества вне рамок ВТО. Как только крупные экономики мира начнут его осуществлять, у остальных, включая развивающиеся страны, не останется иного выбора, кроме как формировать собственное региональное торговое сотрудничество. Необходимость сотрудничества в сфере торговли следует также рассматривать с этой точки зрения.

Однако в этом подходе к торговому сотрудничеству для азиатских стран есть подводный камень. Известно, что в торговле в азиатском регионе преобладают промежуточные товары. Почти половина всех промежуточных товаров собирается в Азии, преимущественно в материковом Китае. Готовые конечные товары потребляются в основном на рынках за пределами Азии, включая США и ЕС. Спрос на конечные товары (то есть конечное потребление) со стороны стран за пределами региона еще в 2007 г. составлял более 70% азиатского экспорта [ADB, 2010]. Это имеет серьезные последствия. Если потребительский спрос на конечные товары со стороны азиатского региона не будет быстро расти, то зависимость экспорта от развитых рынков может стать негативным фактором для развивающихся стран, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Поэтому развивающиеся страны должны быть осторожны в выборе торговых партнеров в нынешней ситуации торгового хаоса. В противном случае, имея значительное количество промежуточных товаров в своих экспортных корзинах, эти страны рискуют оказаться на международных экспортных рынках в трудном положении, не имея возможности их продать. Другими словами, учитывая свое положение и статус в глобальной цепочке создания стоимости (в качестве поставщика сырья, поставщика промежуточных товаров или поставщика готовой конечной продукции), конкретная страна или экономика должны выбирать торговых партнеров внимательно и осторожно.

Однако лучом надежды для развивающихся стран является тот факт, что будущие быстрорастущие потребительские рынки вряд ли будут рынками США или Западной Европы. Ожидается, что следующий миллиард потребителей будет гражданами стран БРИКС и «Группы одиннадцати». Таким образом, все будущие игры и маневры в меж-

⁸ В настоящее время ведутся переговоры по ВРЭП между государствами – членами АСЕАН и шестью ее партнерами по ССТ.

⁹ Бхагвати [Bhagwati, 2002] и многие другие использовали этот термин. Бхагвати назвал распространение ССТ «неуправляемой массой пересекающихся нитей» и высказал мнение, что этот все более сложный лабиринт ССТ не может приводить к равномерному расширению торговли. Вместо этого одни страны могут стать «центрами», а другие – «спицами».

дународной торговле будут также связаны с получением доступа к этой новой потребительской базе.

Сейчас, когда многосторонность находится в тяжелом положении, а ближайшее будущее не выглядит светлым, все развивающиеся страны срочно нуждаются в подготовке и планировании на случай столкновения с усилением протекционизма в международной торговле. Только более тесное сотрудничество друг с другом защитит их интересы при новом мировом торговом порядке, который может решительно сместиться в сторону удовлетворения интересов промышленно развитых стран, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

ИСТОЧНИКИ

Asian Development Bank (2010) Institutions for Regional Integration: Toward an Asian economic community. Philippines: ADB.

BBC News (2018) US – China Trade War: New Tariffs Come into Force. 23 August. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/business-45255623> (дата обращения: 05.09.2018).

Bhagwati J.N. (2002) Free Trade Today. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Chakraborty S. (2018) US – China Tariff War to Slow Down Global Trade Growth in Q3 of CY18 // Business Standard. 10 August. Режим доступа: https://www.business-standard.com/article/international/us-china-tariff-war-to-slow-down-global-trade-growth-in-q3-of-cy18-118080901574_1.html (дата обращения: 21.09.2018).

Dhar B. (2018) Trade Wars of the United States // Economic and Political Weekly. Vol. 53. No. 37. P. 12–17.

Dutt A.K. (2006) Maturity, Stagnation and Consumer Debt: A Steindlian Approach // Metroeconomica. Vol. 57. No. 3. P. 339–564.

Guttman R., Plihon D. (2008) Consumer Debt at the Center of Finance-Led Capitalism. Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.640.7792&rep=rep1&type=pdf>(дата обращения: 10.11.2018).

IMF – WB – WTO – International Monetary Fund, The World Bank, and World Trade Organization (2018) Reinvigorating Trade and Inclusive Growth. 30 September. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/09/28/093018-reinvigorating-trade-and-inclusive-growth> (дата обращения: 10.11.2018).

Montgomerie J. (2007) The Logic of Neo-Liberalism and the Political Economy of Consumer Debt-Led Growth. Neo-Liberalism, State Power and Global Governance / S. Lee, S. McBride (eds). The Netherlands: Springer.

Partington R., Rushe D. (2018) Trump Hits China with \$200bn of New Tariffs as Trade War Escalates // The Guardian. 18 September. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/sep/17/donald-trump-united-states-threatens-to-impose-200bn-import-tariffs-on-china-in-trade-war> (дата обращения: 21.11.2018).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2018) Trade and Development Report 2018. United Nations. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2018_en.pdf (дата обращения: 14.01.2019).

The United States Trade Representative Office (USTR) (2018) Findings of the Investigation into China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of the Trade Act of 1974. 22 March. Режим доступа: <https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF> (дата обращения: 08.11.2019).

Wouters J., Van Kerckhoven S. (2017) The G20 and the BRICS on Trade and Investment: Trends and Policies // International Organisations Research Journal. Vol. 12. No. 3. P. 7–31. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-7.

World Trade Organisation (WTO) (n. d.) World Trade Organization – Home Page. Режим доступа: wto.org/ (дата обращения: 21.08.2019).

World Trade Organization (WTO) (2018) World Trade Outlook Indicator. 26 November. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/wtoi_26nov18_e.htm (дата обращения: 21.08.2019).

World Trade Organization (2019a) Press Release: Global Trade Growth Loses Momentum as Trade Tensions Persist. 2 April. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (дата обращения: 19.08.2019).

World Trade Organization (WTO) (2019b). World Trade Statistical Review. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts19_toc_e.htm (дата обращения: 21.08.2019).

Shifting Trade Matrix in Turbulent World Order¹

A. Mukhopadhyay

Abhijit Mukhopadhyay – Senior Fellow (Economy and Growth), Observer Research Foundation; 20 Rouse Avenue, New Delhi, 110002, India; E-mail: a.mukhopadhyay@orfonline.org

Abstract

International trade order has entered into a turbulent phase, after the deepening of trade war-like situation across the globe. What looks like a chaotic inward-looking policy making on the surface, is actually a battle for trade and technology supremacy between the USA and China. The slow but gradual shift of international trade and business towards Asia and away from North Atlantic and Western Europe provides the backdrop of this conflict. The tendency of a shift from developed to developing countries has also started to appear. In that sense, the battle for supremacy was bound to happen, as China played the principal role in that shift.

In the process, the “golden era of trade” signified in the rise of WTO has been halted while multilateralism in trade is almost in a comatose state. Fast growing economies, including the emerging ones, are going to bear most of the brunt of this trade slowdown.

Two principal protagonists of this epic battle, China and the USA, are looking for alternative sources of economic prosperities in their own ways. In the absence of multilateral platform of trade, the action plan for developing nations is getting clearer by the day. These countries have to scout for trade alliances where each can benefit economically. To do so, each of these countries has to analyse its economy and then scout for trade partners accordingly. Unpreparedness to deal with this trade turmoil may result into disastrous consequences for these countries.

Key words: Trade War; WTO; International Trade; Multilateralism; Regional Cooperation

For citation: Mukhopadhyay A. (2019) Shifting Trade Matrix in Turbulent World Order. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 89–111 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-05.

References

- Asian Development Bank (2010) Institutions for Regional Integration: Toward an Asian economic community. Philippines: ADB.
- BBC News (2018) US – China Trade War: New Tariffs Come into Force. 23 August. Available at: <https://www.bbc.com/news/business-45255623> (accessed 5 September 2018).
- Bhagwati J.N. (2002) Free Trade Today. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Chakraborty S. (2018) US – China Tariff War to Slow Down Global Trade Growth in Q3 of CY18. Business Standard. 10 August. Available at: https://www.business-standard.com/article/international/us-china-tariff-war-to-slow-down-global-trade-growth-in-q3-of-cy18-118080901574_1.html (accessed 9 September 2018).
- Dhar B. (2018) Trade Wars of the United States. *Economic and Political Weekly*, vol. 53, no 37, pp. 12–7.
- Dutt A.K. (2006) Maturity, Stagnation and Consumer Debt: A Steindlian Approach. *Metroeconomica*, vol. 57, no 3, pp. 339–564.
- Guttman R., Plihon D. (2008) Consumer Debt at the Center of Finance-Led Capitalism. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.640.7792&rep=rep1&type=pdf> (accessed 10 November 2019).

¹ The editorial board received the article in September 2019.

IMF – WB – WTO – International Monetary Fund, The World Bank, and World Trade Organization (2018) Reinvigorating Trade and Inclusive Growth. 30 September. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/09/28/093018-reinvigorating-trade-and-inclusive-growth> (accessed 21 November 2018).

Montgomerie J. (2007) The Logic of Neo-Liberalism and the Political Economy of Consumer Debt-Led Growth. *Neo-Liberalism, State Power and Global Governance* (S. Lee, S. McBride (eds)). The Netherlands: Springer.

Partington R., Rushe D. (2018) Trump Hits China with \$200bn of New Tariffs as Trade War Escalates. *The Guardian*, 18 September. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/sep/17/donald-trump-united-states-threatens-to-impose-200bn-import-tariffs-on-china-in-trade-war> (accessed 14 August 2018).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2018) Trade and Development Report 2018. United Nations. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2018_en.pdf (accessed 14 January 2019).

The United States Trade Representative Office (USTR) (2018) Findings of the Investigation into China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of the Trade Act of 1974. 22 March. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF> (accessed 8 November 2019).

Wouters J., Van Kerckhoven S. (2017) The G20 and the BRICS on Trade and Investment: Trends and Policies. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 3, pp. 7–31. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-7.

World Trade Organisation (WTO) (n. d.) World Trade Organization – Home Page. Available at: www.wto.org/ (accessed 19 August 2019).

World Trade Organization (WTO) (2018) World Trade Outlook Indicator. 26 November. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/wtoi_26nov18_e.htm (accessed 5 January 2019).

World Trade Organization (2019a) Press Release: Global Trade Growth Loses Momentum as Trade Tensions Persist. 2 April. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (accessed 19 August 2019).

World Trade Organization (WTO) (2019b) World Trade Statistical Review. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts19_toc_e.htm (accessed 21 August 2019).

Вклад «Группы двадцати» в реализацию торговых задач в рамках Целей устойчивого развития¹

И.В. Андronова, А.Г. Сахаров

Андронова Инна Витальевна – д.э.н., профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов; Российской Федерации, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; E-mail: aiv1207@mail.ru

Сахаров Андрей Геннадиевич – н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Российской Федерации, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: sakharov-ag@ganepa.ru

Международная торговля является существенным фактором социально-экономического развития развивающихся и наименее развитых стран, в том числе в контексте достижения принятых в 2015 г. Целей устойчивого развития ООН (ЦУР). «Группа двадцати» – на сегодняшний день ключевой институт глобального управления – может сыграть значительную роль в процессе реализации ЦУР на стыке проблематики развития и торгово-инвестиционной деятельности. В статье рассматривается вклад членов «Группы двадцати» в реализацию задач ЦУР, связанных с проблематикой международной торговли. Как показал проведенный анализ коллективных решений форума, «Группа двадцати» вносит существенный вклад в реализацию задач содействия международному развитию и Целей устойчивого развития, связанных с осуществлением внешнеторговой деятельности. В то же время, несмотря на существенный институциональный вклад в продвижение политики устойчивого развития, сохраняется несколько факторов, препятствующих реализации членами «двадцатки» задач ЦУР, связанных с проблематикой международной торговли.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития; международная торговля; повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г.; «Группа двадцати»; содействие развитию

Для цитирования: Андронова И.В., Сахаров А.Г. (2019) Вклад «Группы двадцати» в реализацию торговых задач в рамках Целей устойчивого развития // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 112–137 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-06.

С момента принятия Целей устойчивого развития ООН (ЦУР) в 2015 г. «Группа двадцати» неоднократно высказывала свою приверженность их реализации. В 2016 г. был принят План действий «Группы двадцати» по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Повестка-2030). План действий был актуализирован и конкретизирован с принятием новых обязательств на саммитах 2017 г. в Гамбурге и 2019 г. в Осаке. Экономическая направленность повестки дня «Группы двадцати» определяет роль института в процессе реализации ЦУР на стыке проблематики развития и торгово-инвестиционной деятельности. «Двадцатка» последователь-

¹ Статья поступила в редакцию в мае 2019 г.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Анализ вклада стран “Группы двадцати” в реализацию торгово-инвестиционных направлений в рамках целей устойчивого развития» (2019 г.).

но принимала обязательства, касающиеся торгово-инвестиционных аспектов международного развития, в том числе непосредственно пересекающихся с задачами ЦУР. Среди подобных обязательств – развитие программ содействия торговле (*aid for trade*), продвижение механизмов ответственного инвестирования в сельскохозяйственное развитие, отмена тарифов на экологически чистые товары и услуги и др.

Проблематика взаимосвязи международной торговли и ЦУР рассматривается в научной литературе с момента принятия Повестки-2030 в 2015 г. Так, Беллманн и Типпинг оценивают влияние торговли на потенциал реализации отдельных Целей, в особенности в продовольственной сфере [Bellmann, Tipping, 2015]. Значительное внимание данной теме уделяют в своих исследованиях и международные организации. В 2016 г. был опубликован доклад ЮНКТАД “Trading Into Sustainable Development: Trade, Market Access, and the Sustainable Development Goals”, посвященный комплексному анализу влияния международной торговли на перспективы достижения ЦУР в развивающихся странах [UNCTAD, 2016]. ВТО также опубликовала работу “Mainstreaming trade to attain the Sustainable Development Goals”, содержащую выводы о необходимости координации торговой политики и соблюдения правил многсторонней торговой системы в целях реализации Повестки-2030 [WTO, 2018].

В настоящей статье рассматривается вклад членов «Группы двадцати» в реализацию задач ЦУР, связанных с проблематикой международной торговли. В первой части проводится обзор коллективных торгово-инвестиционных обязательств «Группы двадцати» и уровня их реализации по четырем направлениям: борьба с протекционизмом, реформа многсторонней торговой системы и ВТО, упрощение процедур торговли и учет интересов развивающихся стран при реализации антикризисных мер². Во второй части проводится сравнительный анализ динамики общемировых показателей и показателей «двадцатки» по торгово-инвестиционным параметрам ЦУР и смежным показателям.

Основная цель статьи заключается в выявлении сильных и слабых сторон «Группы двадцати» как института в деле достижения ЦУР посредством реализации мер торгово-инвестиционной повестки дня.

С учетом степени влияния политики в сфере торговли и инвестиций на уровень социально-экономического развития наименее развитых стран, а также исходя из достоверности статистических данных были отобраны четыре задачи в рамках ЦУР и соответствующие им показатели, определенные Организацией Объединенных Наций [Генеральная Ассамблея ООН, 2015].

В рамках Цели 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» наиболее релевантной задачей является Задача 2.6 – устранение и пресечение введения торговых ограничений и возникновения искажений на мировых рынках сельскохозяйственной продукции, в том числе посредством параллельной ликвидации всех форм субсидирования экспорта сельскохозяйственной продукции и всех экспортных мер, имеющих аналогичные последствия, в соответствии с мандатом Дохийского раунда переговоров по вопросам развития.

² Методология оценки уровня исполнения решений саммитов «Группы двадцати», использованная в данной статье, основана на работах Р. Патнэма и Н. Бэйна [Putnam, Bayne, 1984; 1987], а также Дж. фон Фюрстенберга и Дж. Дэниелса [Daniels, 1993]. Данная методология применяется в том числе в рамках исследований, ведущихся под руководством Дж. Киртона с 1989 г., а с 1994 г. – Дж. Киртона и Э. Кокотсис, направленных на оценку процессов принятия решений посредством анализа обязательств и оценку исполнения обязательств посредством анализа механизмов подотчетности саммитов и министерских встреч «Группы семи/восьми».

В рамках Цели 10 «Сокращение неравенства внутри стран и между ними» международное сообщество согласовало Задачу 10.а – проведение в жизнь принципа особого и дифференцированного режима для развивающихся стран, особенно наименее развитых стран, в соответствии с соглашениями Всемирной торговой организации.

Две задачи, нацеленные на достижение устойчивого развития путем торговли и инвестиций, содержатся в ЦУР 17 «Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития». Задача 17.10 призвана поощрять универсальную, основанную на правилах, открытую, недискриминационную и справедливую многостороннюю торговую систему в рамках Всемирной торговой организации, в том числе благодаря завершению переговоров по ее Дохийской повестке дня в области развития.

Задача 17.12 нацелена на обеспечение своевременного предоставления всем наименее развитым странам на долгосрочной основе беспошлинного и неквотируемого доступа на рынки в соответствии с решениями Всемирной торговой организации, в том числе путем обеспечения того, чтобы преференциальные правила происхождения, применяемые в отношении товаров, импортируемых из наименее развитых стран, были прозрачными и простыми и содействовали облегчению доступа на рынки.

Коллективные обязательства «Группы двадцати» в сфере международной торговли и содействия развитию

«Группа двадцати» координирует свои действия в сфере международной торговли с самой первой встречи лидеров в Вашингтоне в ноябре 2008 г. Одной из важнейших задач «двадцатки» в рамках торгово-инвестиционной проблематики стал «перезапуск» роста международной торговли с докризисными темпами [Группа двадцати, 2008]. Проблематика содействия развитию посредством стимулирования торговли также была затронута членами «двадцатки», поскольку развивающиеся и наименее развитые экономики были в наибольшей степени затронуты финансово-экономическим кризисом 2008 г. Уже на первых двух саммитах лидеры «двадцатки» обозначили три основных направления действий: устранение торговых и инвестиционных барьеров, обеспечение финансирования и упрощение процедур торговли. Эти треки и сформировали основу торговой повестки дня форума.

Кроме того, можно выделить четыре основных направления работы «двадцатки» по торгово-инвестиционным аспектам устойчивого развития: борьба с протекционизмом, реформа многосторонней торговой системы (в том числе ВТО), учет интересов развивающихся стран при реализации антикризисных мер, а также стимулирование торговли, в том числе упрощение торгово-инвестиционных процедур.

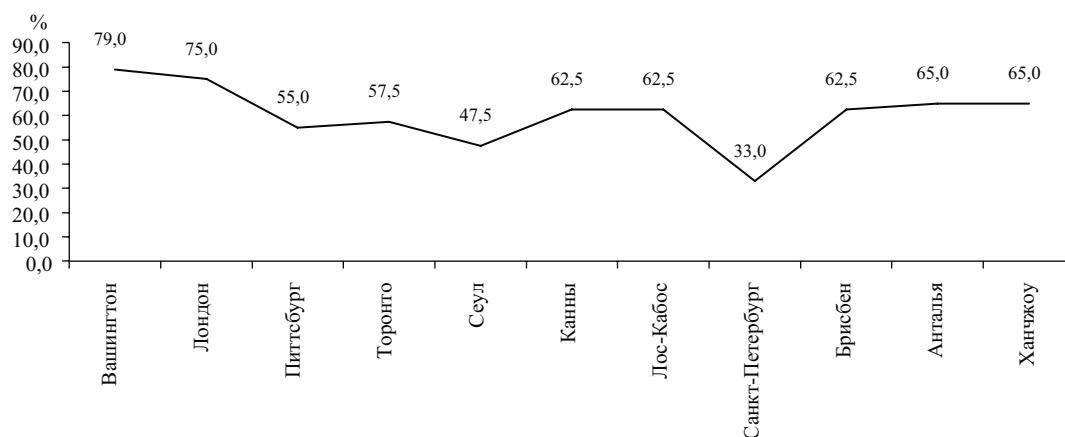
Борьба с протекционизмом в мировой торговле стала одной из опор торгово-инвестиционной повестки дня «Группы двадцати». Впервые обязательство по отказу от протекционистских мер было принято на саммите в Вашингтоне в 2008 г. В дальнейшем лидеры двадцатки многократно продлевали срок действия этого решения.

В рамках инициативы по борьбе с протекционизмом на саммите в Лондоне в апреле 2009 г. лидеры «двадцатки» дали поручение ВТО проводить мониторинг принятия их странами протекционистских мер [G20, 2009]. На последующих встречах работа ВТО получала высокую оценку и поручение продлевалось. Доклады о протекционистских мерах стран «двадцатки» выпускаются два раза в год совместно с докладами ЮНКТАД, посвященными мониторингу протекционистских мер в сфере инвестиций.

Тем не менее на саммитах последних лет, начиная с Гамбургской встречи лидеров в 2017 г., лидеры не давали четких обязательств в данной сфере. Так, в Гамбург-

ском коммюнике традиционное обязательство по неприменению новых и сокращению существующих протекционистских мер было заменено размытой формулировкой о «борьбе с протекционизмом». Также было впервые зафиксировано признание роли законных инструментов торговой защиты, что отражает позицию администрации США и намерение некоторых других членов «Группы двадцати» активнее использовать торговые барьеры для защиты национальных производителей [Группа двадцати, 2017]. Саммит в Буэнос-Айресе также был отмечен обострением противоречий по вопросам функционирования многосторонней торговой системы, в том числе в том, что касается применения протекционистских мер [Группа двадцати, 2018а; 2018б]. В рамках сложившейся в посткризисный период конъюнктуры, а также нового витка протекционизма растет риск фрагментации многосторонней торговой системы. Так, введенные США повышенные ввозные таможенные пошлины на алюминий и сталь вызвали ответную реакцию Европейского союза, Китая, России. На фоне существующих противоречий и конфликтов в сфере международной торговли «Группе двадцати» будет все сложнее принимать коллективные решения, устраивающие всех членов института.

Что касается реализации антипротекционистских решений, «Группа двадцати» показывала средний, а периодически и низкий уровень исполнения (Сеул, Санкт-Петербург) (рис. 1). В целом эта картина коррелирует с данными ежегодных докладов ЮНКТАД, ВТО и ОЭСР о торговых мерах членов «девятки», демонстрирующих как ускорение темпов принятия новых ограничительных мер, так и рост затрагиваемого ими объема мировой торговли [WTO, 2019].

Рис. 1. Реализация обязательств «Группы двадцати» по борьбе с протекционизмом

Источник: составлено авторами.

Завершение Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО также стало важным пунктом повестки дня «Группы двадцати» на протяжении всего периода ее функционирования на высшем уровне. В Вашингтоне лидеры заявили о намерении до конца 2008 г. достигнуть договоренности, которая позволила бы завершить переговоры с приемлемым для всех сторон результатом – соответствующие поручения были даны министрам торговли стран «девятки» [G20, 2008]. Однако отсутствие единства между развитыми и развивающимися странами по-прежнему, несмотря на некоторые подвижки, достигнутые на министерских встречах на Бали и в Найроби (2013 и 2015 гг.), не позволяет говорить о существенном вкладе «Группы двадцати» в достижение договоренностей по Дохийскому раунду переговоров.

Обеспечение открытости мировых рынков и устойчивое развитие многсторонней торговой системы стали неотъемлемыми составляющими Рамочного соглашения об уверенном, устойчивом и сбалансированном росте, принятого на саммите в Питтсбурге в 2009 г. Лидеры приняли решение сотрудничать для обеспечения общего соответствия бюджетной, финансовой, торговой и структурной политики более устойчивым и сбалансированным траекториям экономического роста.

В дальнейшем члены «двадцатки» неоднократно выражали поддержку центральной роли ВТО в рамках многсторонней торговой системы. В ходе российского председательства в 2013 г. лидеры «Группы двадцати» обозначили свою приверженность целям создания открытой, прозрачной, недискриминационной международной торговой системы, функционирующей в рамках правил ВТО [Группа двадцати, 2013].

На протяжении всего периода функционирования «Группа двадцати» предпринимала попытки координации в рамках министерских конференций ВТО. Так, на Петербургском саммите лидеры призвали всех членов ВТО «проявить необходимую гибкость» для достижения договоренности на министерской встрече на Бали в декабре 2013 г. и выразили готовность внести существенный вклад в ход переговоров для закрепления решений, которые были достигнуты в рамках Дохийского раунда на тот момент [Официальный сайт российского председательства в «Группе двадцати», 2013]. На саммите в Брисбене в 2014 г. лидеры «двадцатки» попытались развить успех прошедшей в декабре 2013 г. 9-й Конференции министров ВТО на Бали. Важными решениями стали обязательства о реализации всех элементов Балийской министерской конференции ВТО и продолжении помощи в развитии торговли нуждающимся в содействии развивающимся странам [Группа двадцати, 2014].

Также в 2014 г. был одобрен план по составлению рабочей программы ВТО по разрешению вопросов Дохийского раунда и возобновлению переговорного процесса. Уровень исполнения данного обязательства составил 62,5%, что ниже среднего для саммита уровня в 70,4%.

Работа по реализации Балийского пакета продолжилась и в 2015 г., в ходе председательства Турции. Лидеры согласовали ряд обязательств по реализации Балийского пакета договоренностей, в сферах сельского хозяйства, развития и по ратификации и реализации Соглашения ВТО об упрощении процедур торговли [Группа двадцати, 2015].

Торговая повестка китайского председательства также опиралась на результаты 10-й Министерской конференции ВТО в Найроби (15–19 декабря 2015 г.), на которой были приняты важные решения о запрете сельскохозяйственных субсидий и снижении тарифов на информационно-коммуникационные технологии. Лидеры «двадцатки» приняли серию решений о формировании «постнайробийской повестки с центральной ролью проблематики развития», в частности, затрагивающей следующие сферы: сельское хозяйство, торговля услугами, интеллектуальная собственность, упрощение процедур торговли [Группа двадцати, 2016а]. Кроме того, «Группа двадцати» затронула еще один важный с точки зрения содействия международному развитию вопрос – заключение Соглашения ВТО по экологическим товарам. Несмотря на решения по согласованию позиций, переговоры до сих пор не увенчались успехом [WTO, n. d.].

В период, последовавший за избранием Д. Трампа на должность президента США, диалог по торговым переговорам и реформе ВТО был подорван. Основным катализатором противоречий стала позиция США по двум ключевым направлениям торговой повестки: борьбе с протекционизмом и реализации функции ВТО по разрешению споров, в частности, проблеме формирования Апелляционного органа ВТО.

На этом фоне на саммите 2018 г. в Буэнос-Айресе лидеры признали неспособность многосторонней торговой системы в ее нынешнем виде бороться с новыми вызовами мировой торговли и приняли обязательство по осуществлению реформы ВТО. Тем не менее через семь месяцев, на саммите в Осаке, лидеры вновь ограничились намерением вести конструктивную работу с другими членами Организации в преддверии 12-й Министерской конференции с целью продвижения «необходимых реформ», без конкретизации предлагаемых проектов.

Таким образом, несмотря на достаточно плотное сотрудничество в рамках системы ВТО и продвижение решений министерских конференций Организации, приходится констатировать низкую эффективность формата «Группы двадцати» в деле осуществления реформы ВТО.

Третье направление работы по реализации торгово-инвестиционных задач ЦУР, учет интересов развивающихся стран при реализации антикризисных мер, также было обозначено уже на первом саммите в Вашингтоне – лидеры обязались избегать негативных последствий ответных мер экономической политики для развивающихся экономик, в том числе посредством расширения их доступа к финансированию через многосторонние банки развития и механизмы СМР. Соответствующие поручения были даны Всемирному банку и МВФ.

На Лондонском саммите лидеры утвердили решение о выделении 250 млрд долл. США в течение двух лет на укрепление системы финансирования торговли с привлечением учреждений по кредитованию экспорта, инвестиционных агентств и многосторонних банков развития. «Двадцатка» обязалась минимизировать любое негативное воздействие на торговлю и инвестиции со стороны внутренней политики членов, включая финансово-бюджетную политику и меры по поддержке финансового сектора, а также отказаться от финансового протекционизма, особенно мер, которые ограничивают движение капитала в развивающиеся страны. Также все члены «Группы двадцати» присоединились к обязательству «Группы восьми», принятому на саммите в Глениглсе 2005 г., по оказанию помощи в интересах торговли, облегчению бремени задолженности, особенно в отношении стран Африки к югу от Сахары [Группа двадцати, 2009а].

Тем не менее, по мере ослабления наиболее сильных проявлений финансово-экономического кризиса, в повестке «Группы двадцати» данное направление работы уступило место четвертому треку – прямому содействию развитию торговли в развивающихся странах, в том числе посредством упрощения процедур торговли. Содействие развивающимся странам в развитии их внешнеторгового потенциала (*aid for trade*) стало одним из важнейших элементов повестки «Группы двадцати» в сфере торговой политики. В посткризисный период была принята целая серия решений, направленных на вовлечение развивающихся стран в мировую торговлю.

Так, среди решений Питтсбургского саммита 2009 г. было поручение министрам, ответственным за внешнеторговую политику, проанализировать ход переговоров Дохийского раунда и добиваться прогресса по вопросам доступа к рынку сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукции, а также по вопросам услуг, правил, облегчения условий торговли и по всем другим остающимся вопросам.

На саммите в Торонто в июне 2010 г. лидеры поручили ОЭСР, МОТ, Всемирному банку и ВТО подготовить к Сеульскому саммиту доклад о преимуществах либерализации торговли для занятости и роста, а также обязательство по обеспечению помощи развитию торговли (*aid for trade*). Обязательство по содействию развивающимся странам в развитии их внешнеторгового потенциала было дополнено обращением ко Всемирному банку и многосторонним банкам развития с просьбой оказать содей-

ствие развивающимся и наименее развитым странам в упрощении процедур торговли, что должно было способствовать ускорению экономического роста [G20, 2010]. Одновременно было принято решение учредить Рабочую группу по вопросам развития для разработки повестки дня развития и плана действий по поощрению экономического роста и устойчивости, повестку дня развития и многолетние планы действий для приятия на Сеульском саммите [Группа двадцати, 2009б].

В рамках Многолетнего плана действий в области развития, принятого на саммите в Сеуле в ноябре 2010 г., «Группа двадцати» приняла ряд обязательств по развитию торгового потенциала развивающихся стран [Группа двадцати, 2010а]. Так, было обещано поддерживать уровень выделяемых на эти нужды средств на уровне не ниже соответствующих показателей 2006–2009 гг., отказаться от квот и пошлин при торговле с наименее развитыми государствами, а также способствовать региональной торговой интеграции таких стран (преимущественно в Африке) [Группа двадцати, 2010б].

В рамках «Сеульского консенсуса» и многолетнего плана действий в сфере развития было принято решение о содействии в расширении доступа к торговле и повышении доступности торговли между развивающимися и развитыми странами, а также между развивающимися странами и странами с низким уровнем дохода. Кроме того, члены «двадцатки» обязались оказать поддержку усилиям стран Африки, направленным на региональную интеграцию, в том числе в контексте реализации их видения Африканской зоны свободной торговли посредством облегчения условий торговли и поддержки развития региональной торговой инфраструктуры. В целом в отношении развивающихся и наименее развитых стран было принято решение о сохранении в период после 2011 г. уровней Помощи по поддержке торговли, отражающих среднегодовой показатель 2006–2008 гг., а также о продвижении к обеспечению свободного от пошлин и квот доступа на рынки для продукции наименее развитых стран [Группа двадцати, 2010с]. Именно этот показатель используется для анализа реализации ЦУР 10.а. Как показывают данные анализа, эти решения непосредственно повлияли на динамику показателей развития, связанных с международной торговлей, развивающихся и наименее развитых стран в 2010–2016 гг.

В 2011 г. на саммите в Каннах лидеры отметили вклад снижения торговых и инвестиционных барьеров в сокращение разрыва в уровне развития между развитыми и развивающимися странами и прогресс в достижении Целей развития тысячелетия. Важной темой стало влияние международной торговли на продовольственную безопасность и развитие экспортного потенциала сельскохозяйственного сектора развивающихся стран. Так, лидеры заявили, что «более стабильная, предсказуемая, свободная от искажений, открытая и прозрачная система торговли позволяет расширить инвестиции в сельское хозяйство и в этой связи играет ключевую роль в данном вопросе». Было принято решение мобилизовать потенциал «Группы двадцати» для решения этих задач в тесном сотрудничестве со всеми соответствующими международными организациями и в консультациях с производителями, потребителями и гражданским обществом. Одной из основных целей этих усилий должно было стать снижение волатильности цен на продовольствие и сельскохозяйственные товары [Группа двадцати, 2011]. Устранение субсидий производителям сельскохозяйственной продукции в развитых странах стало одним из индикаторов достижения ЦУР 2.б. Кроме того, лидеры «двадцатки» обязались способствовать росту инвестирования в развитие сельского хозяйства, прежде всего в беднейших странах, «не забывая о важности мелких хозяйств, посредством ответственного государственного и частного инвестирования».

В 2012 г. лидеры также вновь подтвердили свое обязательство сотрудничать с развивающимися странами, особенно со странами с низким уровнем дохода, и поддерживать их национальные усилия по осуществлению политики и приоритетов, необходимых для достижения согласованных на международном уровне целей в области развития, в частности, Целей развития тысячелетия [Группа двадцати, 2012].

В Санкт-Петербурге «девятка» выразила поддержку инициативе «Прозрачность в торговле» Африканского банка развития, Международного центра торговли, ЮНКТАД и Всемирного банка. Данная инициатива призвана обеспечить свободный доступ к данным о мерах торговой политики и системе их анализа с целью упрощения процедур торговли [Официальный сайт российского председательства в «Группе двадцати», 2013].

Важным обязательством с точки зрения содействия международному развитию стало решение саммита в Анталье о поддержке механизмов содействия торговле в развивающихся странах, нуждающихся в усилении экспертного потенциала в данной сфере, которое было выполнено «девяткой» на 95%.

На встрече лидеров в Ханчжоу в 2016 г. была достигнута договоренность о ратификации всеми членами «девятки» Соглашения по упрощению процедур торговли до конца 2016 г. В ходе китайского председательства министрами торговли также была утверждена Стратегия роста мировой торговли «Группы двадцати», в которой «девятка» приняла обязательства по снижению торговых издержек, обеспечению единобразия торговых и инвестиционных требований и правил, развитию торговли услугами, совершенствованию механизмов финансирования торговли, а также содействию в реализации Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г. посредством осуществления мер торговой и инвестиционной политики [Группа двадцати, 2016б].

На первом саммите после принятия ООН Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Повестка-2030) лидеры выразили приверженность содействию ее реализации и приняли План действий «Группы двадцати» по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г.

План действий обобщает решения «девятки» по торговле и инвестициям в качестве одного из восьми ключевых «секторов» устойчивого развития.

Анализ динамики ключевых показателей стран «Группы двадцати» по торгово-инвестиционным задачам в рамках ЦУР

Следует отметить, что по каждому из четырех отмеченных ранее направлений работы «Группы двадцати» по реализации торговых аспектов ЦУР были определенные успехи. В частности, дискуссии в рамках «девятки» стали катализатором принятия важнейших решений на министерских встречах ВТО – Соглашения об упрощении процедур торговли и обязательства по отказу от сельскохозяйственных экспортных субсидий. Однако в какой степени эти решения и деятельность «Группы двадцати» в целом отражаются на динамике ключевых для развивающихся и наименее развитых стран показателей в сфере торговли и развития? Для анализа влияния торгово-инвестиционной политики стран «Группы двадцати» на достижение Целей устойчивого развития были выбраны четыре параметра, соответствующих четырем задачам ЦУР, в частности:

1) параметр 2.b: изменение ставок тарифов на импорт и экспорт сельскохозяйственной продукции в/из развивающихся и наименее развитых стран;

- 2) параметр 10.а: доля тарифных линий, в отношении которых применяется нулевая ставка (в отношении импорта из развивающихся и наименее развитых стран);
- 3) параметр 17.7: средняя ставка тарифов, действующих в отношении «экологических товаров»;
- 4) параметр 17.10: средневзвешенная ставка тарифов.

В качестве ключевого источника статистических данных была выбрана Глобальная база показателей ЦУР Организации Объединенных Наций [UN, n. d.]. Сегодня эта база данных представляет собой наиболее полный источник информации по большинству индикаторов ЦУР, в том числе в сфере международной торговли. Тем не менее в ней представлены данные по отдельным географическим регионам и группам стран, сформированным по уровню дохода, без разбивки на показатели отдельных государств, что вызывает проблемы с поиском необходимой информации по отдельным членам «Группы двадцати». Базы данных ЮНКТАД, ВТО, ОЭСР и Всемирного банка представляют доступ к информации по смежным показателям, позволяющим проводить качественную оценку воздействия торговой политики членов «двадцатки» на положение наименее развитых стран в многосторонней торговой системе.

В последние десятилетия положение развивающихся и наименее развитых стран в системе международной торговли существенно изменилось. Это отражается в динамике ключевых показателей торговых задач Целей устойчивого развития.

Показатель 2.б: Субсидии на экспорт сельскохозяйственной продукции

Переговоры о заключении соглашения по торговле сельскохозяйственной продукцией ведутся с 2000 г. С 2001 г. эти переговоры стали частью так называемого единого пакета обязательств (single undertaking) Дохийского раунда. В июле 2004 г. члены ВТО согласовали ряд договоренностей в отношении сельскохозяйственной торговли (Июльский пакет) в четырех ключевых областях: сельское хозяйство, доступ к рынкам несельскохозяйственной продукции, торговля услугами и вопросы развития, в частности, меры содействия торговле.

В рамках Июльского пакета были согласованы основы для будущего исчерпывающего соглашения в сфере сельского хозяйства. Работа была продолжена на Министерской конференции в Гонконге в декабре 2005 г. В подписанной по итогам встречи декларации была оговорена отмена всех форм экспортных сельскохозяйственных субсидий и иных мер, направленных на стимулирование сельскохозяйственного экспорта к концу 2013 г. Тем не менее к 2011 г. переговоры были осложнены попытками заключения соглашения в рамках «единого пакета» и остановлены.

Однако в результате продуктивных дискуссий на 9-й министерской конференции ВТО на Бали в декабре 2013 г. были достигнуты промежуточные договоренности по «воздержанию от любых форм экспортных субсидий». В результате на 10-й министерской конференции ВТО в Найроби (15–19 декабря 2015 г.) было принято решение об отмене субсидий на экспорт сельскохозяйственной продукции развитыми членами ВТО.

Показатель мировых субсидий на экспорт сельскохозяйственной продукции демонстрируют планомерное снижение с 2003 г., когда он достигал 3,8 млрд долл. США. К 2015 г. (наиболее поздние доступные данные) объем мировых экспортных сельскохозяйственных субсидий составлял лишь 180 млн долл. США (рис. 2).

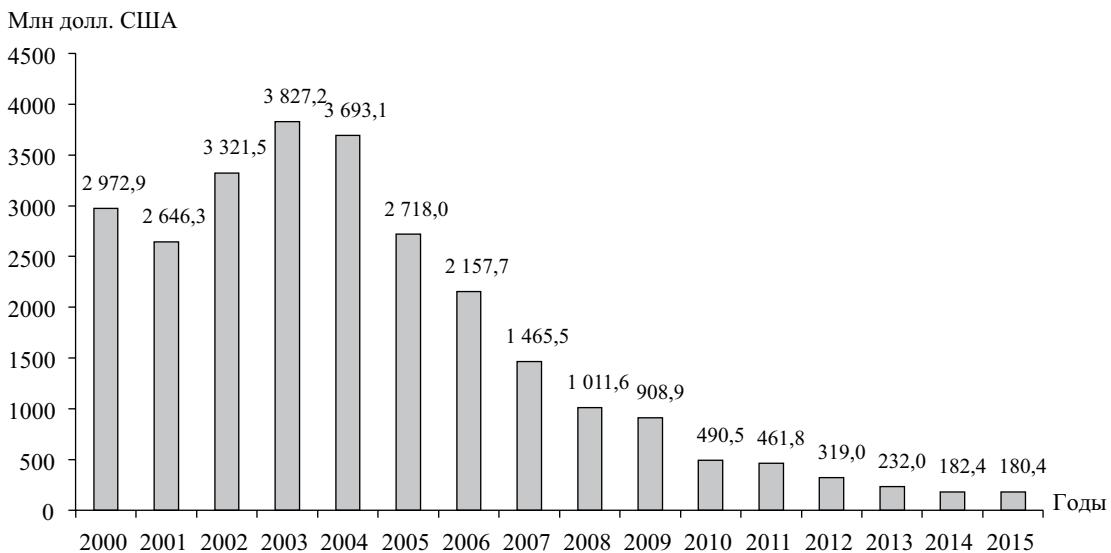

Рис. 2. Глобальные субсидии на экспорт сельскохозяйственной продукции, млн долл. США, 2000–2015 гг.

Источник: [UN, n. d.].

Показатель 10.а: Доля тарифных линий, в отношении которых применяется нулевая ставка (в отношении импорта из развивающихся и наименее развитых стран)

Тематика облегчения условий торговли для развивающихся и наименее развитых стран в течение длительного времени находилась в центре внимания мирового сообщества. В рамках ВТО и ООН обсуждались различные инициативы, направленные на стимулирование включения этих государств в многостороннюю торговую систему и глобальные цепочки добавленной стоимости. Одним из направлений действий в этой связи стало расширение беспошлинной торговли на большее количество тарифных линий.

В частности, в 2011 г. Организацией Объединенных Наций была принята Стамбульская программа действий в интересах наименее развитых стран на 2011–2020 гг. Одним из пунктов этой комплексной программы стал план по удвоению доли экспорта наименее развитых стран в глобальном экспорте до 2020 г., а также обязательство по своевременному обеспечению беспошлинного и неквотируемого доступа на мировые рынки для всех наименее развитых государств.

В 2005–2016 гг. наблюдается повышение доли тарифных линий импорта из развивающихся и наименее развитых стран, в отношении которых применяется нулевая ставка тарифа, что демонстрирует движение мирового сообщества к реализации данных в Стамбуле обязательств – данный показатель вырос для развивающихся стран с 40,6 до 49,7% и с 48 до 64,4% для наименее развитых (рис. 3). Следует отметить, что к числу развивающихся стран в данном контексте относятся все члены ВТО, самоопределившиеся в качестве таковых, в том числе и крупные экономики, такие как Китай, Индия и Бразилия.

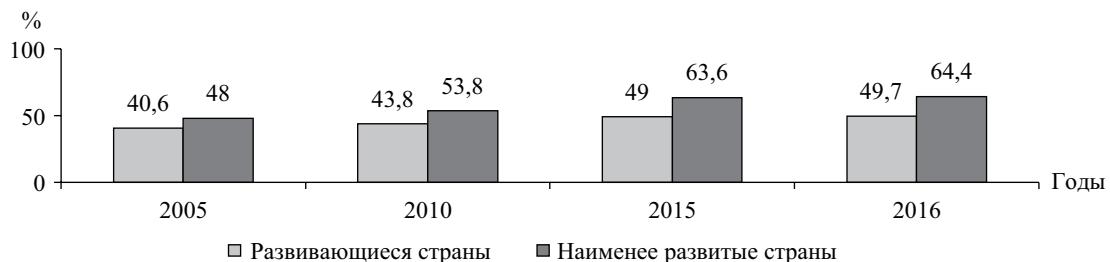

Рис. 3. Доля тарифных линий импорта из развивающихся и наименее развитых стран, в отношении которых применяется нулевая ставка, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

По отдельным секторам доля тарифных линий с нулевой ставкой достигает еще больших значений (рис. 4–8). Так, в 2016 г. 72,5% товарных линий импорта из наименее развитых стран в сельскохозяйственном секторе не облагались тарифами (рис. 4). Сельское хозяйство относится к числу наиболее чувствительных отраслей для таких государств.

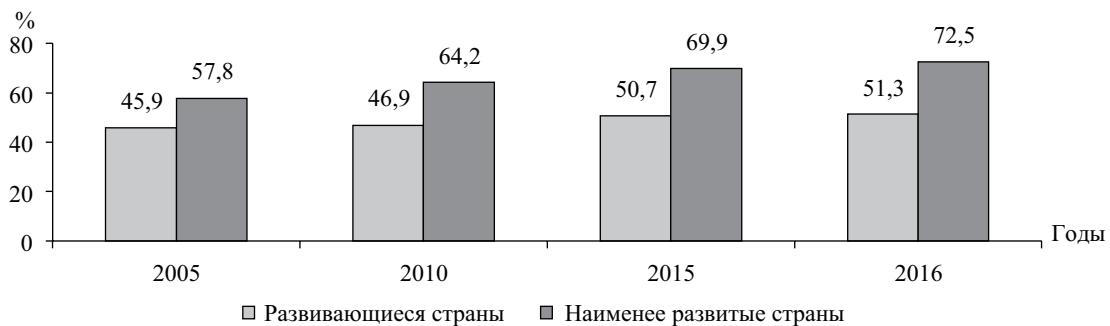

Рис. 4. Доля тарифных линий импорта из развивающихся и наименее развитых стран, в отношении которых применяется нулевая ставка. Сельскохозяйственная продукция, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

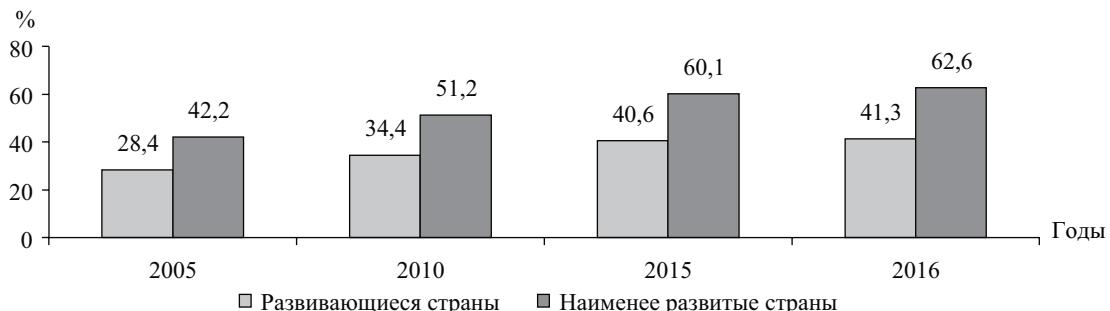
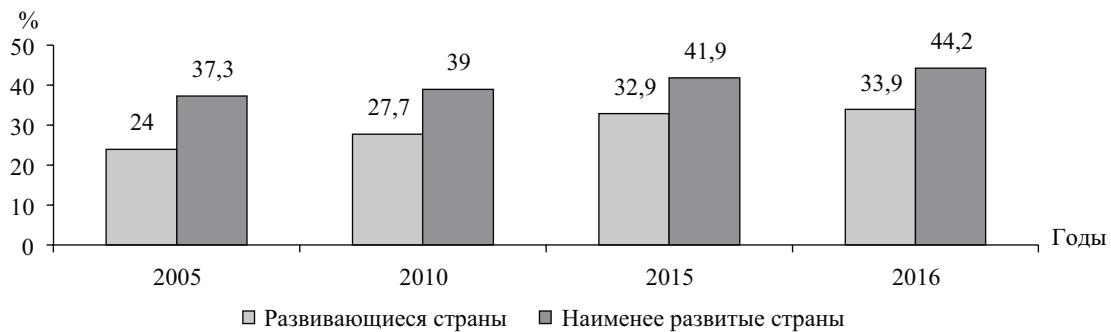

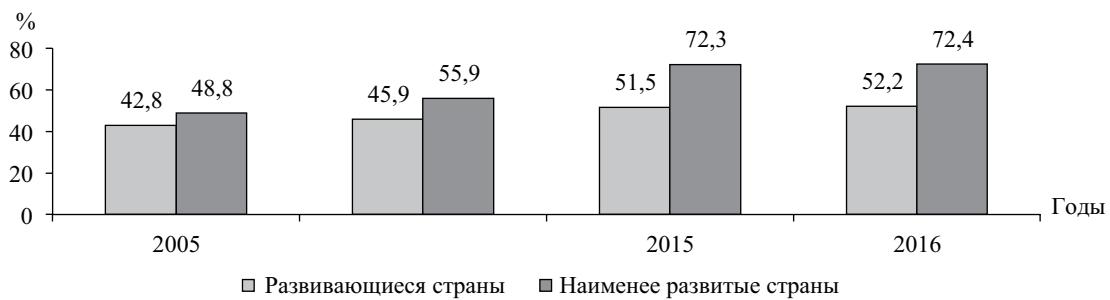
Рис. 5. Доля тарифных линий импорта из развивающихся и наименее развитых стран, в отношении которых применяется нулевая ставка. Текстильная промышленность, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

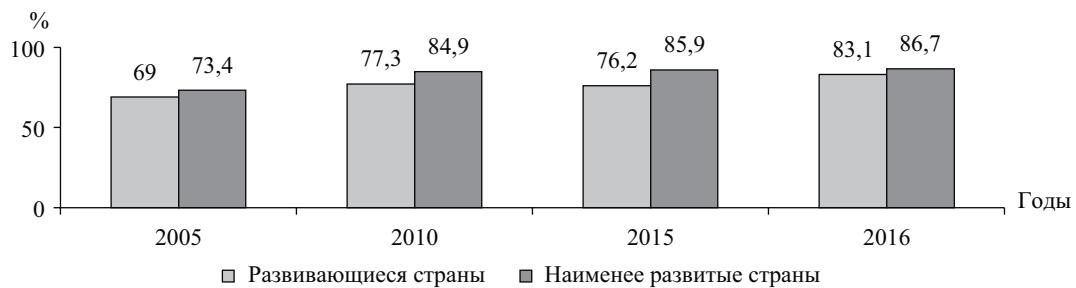
Рис. 6. Доля тарифных линий импорта из развивающихся и наименее развитых стран, в отношении которых применяется нулевая ставка. Одежда, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

Рис. 7. Доля тарифных линий импорта из развивающихся и наименее развитых стран, в отношении которых применяется нулевая ставка. Промышленные товары, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

Рис. 8. Доля тарифных линий импорта из развивающихся и наименее развитых стран, в отношении которых применяется нулевая ставка. Нефтепродукты, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

В целом по всем отраслевым группам наблюдается рост доли тарифных линий с нулевой ставкой как для развивающихся, так и для наименее развитых стран, причем с опережающими темпами.

Показатель 17.10: Средневзвешенная ставка тарифов

Наблюдается снижение средневзвешенной ставки тарифов развитых стран (членов ОЭСР), применяемых в рамках преференциального режима. С 2005 по 2016 г. этот показатель снизился с 2 до 1,2%. В то же время показатель тарифов режима наибольшего благоприятствования не демонстрирует такой же устойчивой динамики (рис. 9–14).

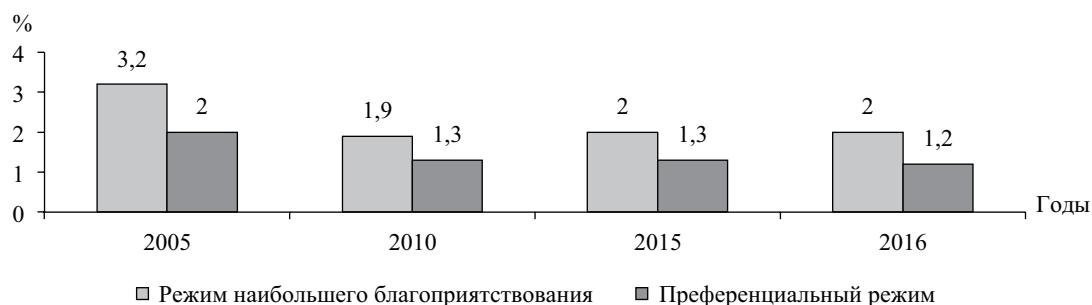

Рис. 9. Средневзвешенная ставка тарифов развитых государств. Все товары, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

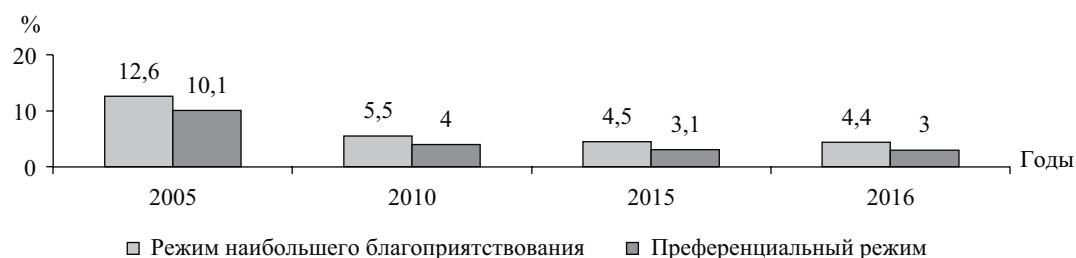

Рис. 10. Средневзвешенная ставка тарифов развитых государств.

Сельскохозяйственная продукция, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

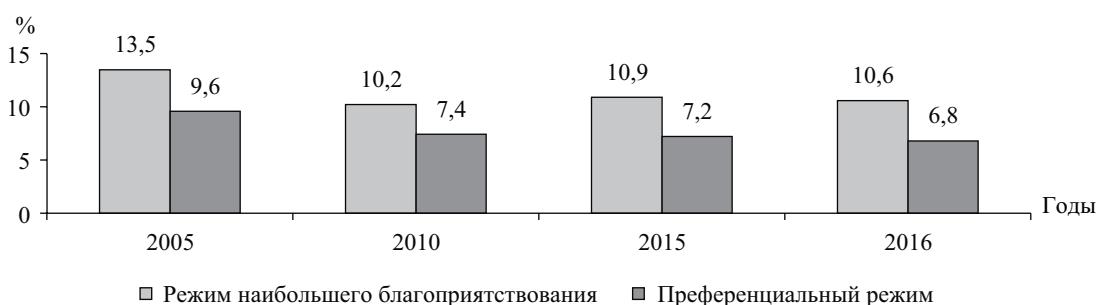

Рис. 11. Средневзвешенная ставка тарифов развитых государств. Одежда, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

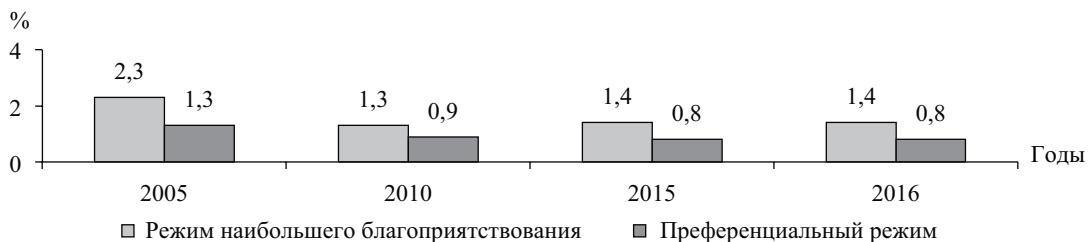

Рис. 12. Средневзвешенная ставка тарифов развитых государств. Промышленные товары, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

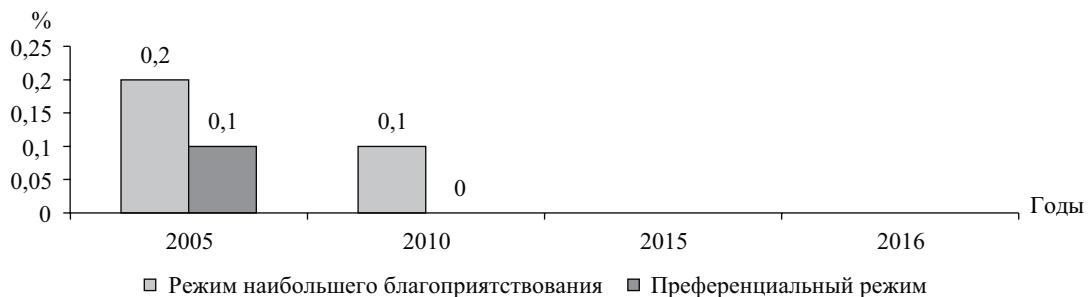

Рис. 13. Средневзвешенная ставка тарифов развитых государств. Нефтепродукты, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

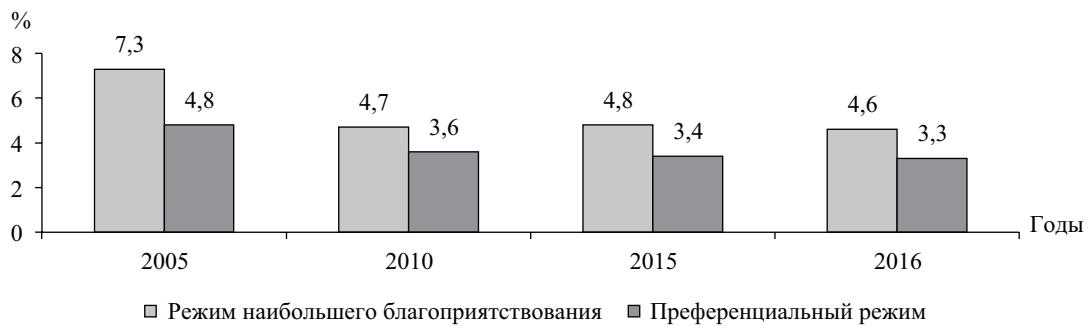

Рис. 14. Средневзвешенная ставка тарифов развитых государств. Текстильная промышленность, %, 2005–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

Показатель 17.12: Среднее значение тарифов, применяемых в отношении развивающихся и наименее развитых государств

Несмотря на снижение на ок. 1 п.п. с 2000 по 2016 г., показатель среднего значения тарифов также не демонстрирует устойчивой динамики к снижению по отношению как к развивающимся, так и к наименее развитым странам. Для наименее развитых

государств тарифы на экспорт продукции текстильной промышленности достигли минимума в 2012–2013 гг., составив 3,05%, а к 2016 г. вернулись на уровень 3,17% (рис. 15).

Рис. 15. Динамика среднего значения тарифов, применяемых в отношении развивающихся и наименее развитых государств. Текстильная промышленность, %, 2000–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

Сельскохозяйственный сектор является примером четкого исполнения решений Стамбульского плана действий – наблюдается поэтапное снижение значения тарифов, применяемых в отношении наименее развитых государств, с 3,64% в 2000 г. до 0,85% в 2016 г. При этом в 2014–2016 гг. аналогичный показатель для развивающихся государств демонстрировал рост (рис. 16).

Несмотря на отсутствие четко выраженной позитивной динамики по рассматриваемому показателю по секторам промышленных товаров и текстильной продукции, следует отметить, что в целом тарифы для наименее развитых стран сохраняются на уровнях значительно ниже применяемых в отношении развивающихся государств, в том числе и крупнейших экономик мира, таких как Китай. Данный факт свидетельствует о поэтапном движении к реализации договоренностей по развитию торговли в наименее развитых странах.

Рис. 16. Динамика среднего значения тарифов, применяемых в отношении развивающихся и наименее развитых государств. Сельскохозяйственная продукция, %, 2000–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

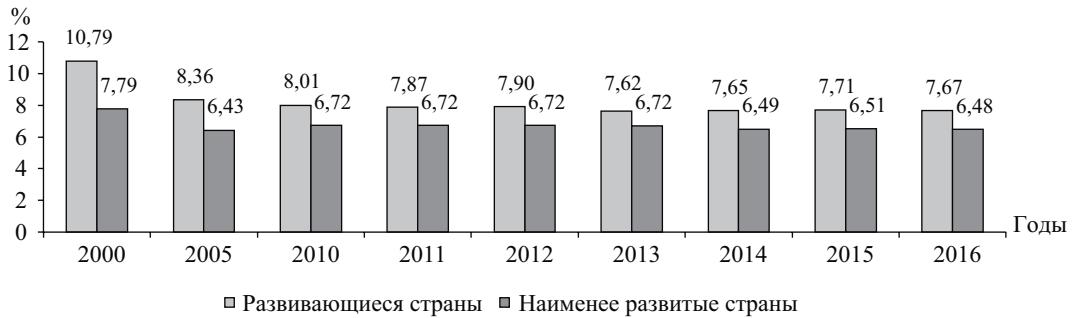

Рис. 17. Динамика среднего значения тарифов, применяемых в отношении развивающихся и наименее развитых государств. Одежда, %, 2000–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

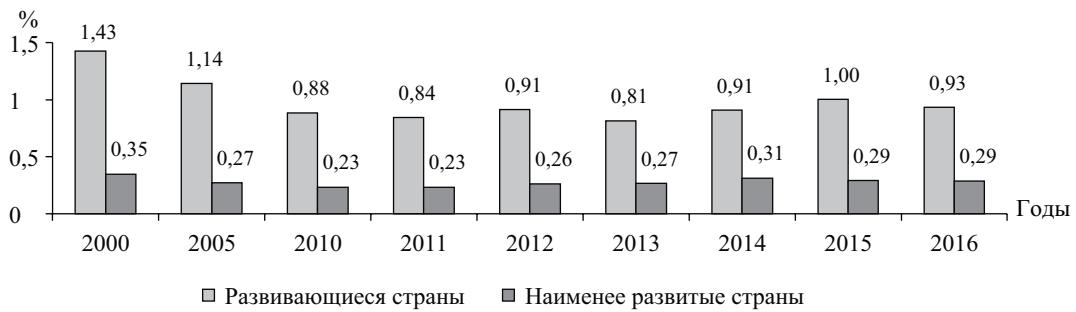

Рис. 18. Динамика среднего значения тарифов, применяемых в отношении развивающихся и наименее развитых государств. Промышленные товары, %, 2000–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

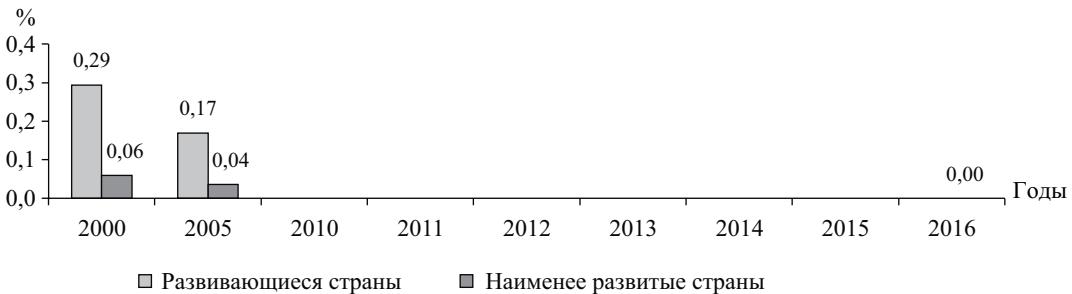

Рис. 19. Динамика среднего значения тарифов, применяемых в отношении развивающихся и наименее развитых государств. Нефтепродукты, %, 2000–2016 гг.

Источник: [UN, n. d.].

В целом на основе анализа четырех рассматриваемых в рамках настоящей статьи показателей наблюдается тенденция к улучшению условий торговли для наименее развитых государств – снижаются средние ставки тарифов, в том числе в отдельных чувствительных секторах, растет число товарных линий с нулевой ставкой импортных тарифов, снижаются и нетарифные барьеры в сельскохозяйственной торговле. Тем не

менее тенденция носит неустойчивый характер как для наименее развитых стран по некоторым группам товаров (текстиль, промышленные товары), так и для более широкой группы развивающихся стран, среди которых присутствуют также крупные развивающиеся страны – члены «Группы двадцати» и БРИКС.

В то же время данные мониторинга показывают, что члены «девятки» в целом демонстрируют худшие по сравнению с общемировыми показатели по задачам ЦУР и смежным индикаторам воздействия торговой политики на экономическое благосостояние развивающихся и наименее развитых стран. Так, по показателю ЦУР 17.10 «Средневзвешенная ставка тарифов» за 2015–2017 гг. не наблюдалось четкой тенденции к снижению. Наибольшее негативное воздействие на средние значения импортных тарифов «Группы двадцати» в этот период оказали крупные развивающиеся экономики: Аргентина, Бразилия, Индия, ЮАР, Саудовская Аравия, а также Республика Корея (рис. 20). Среднее значение показателя 17.10 для членов «Группы двадцати» составило 4,05% в 2015 г. (по сравнению с общемировым показателем в 2% в 2015–2016 гг.), 4,12% – в 2016 г., 3,71% – в 2017 г.

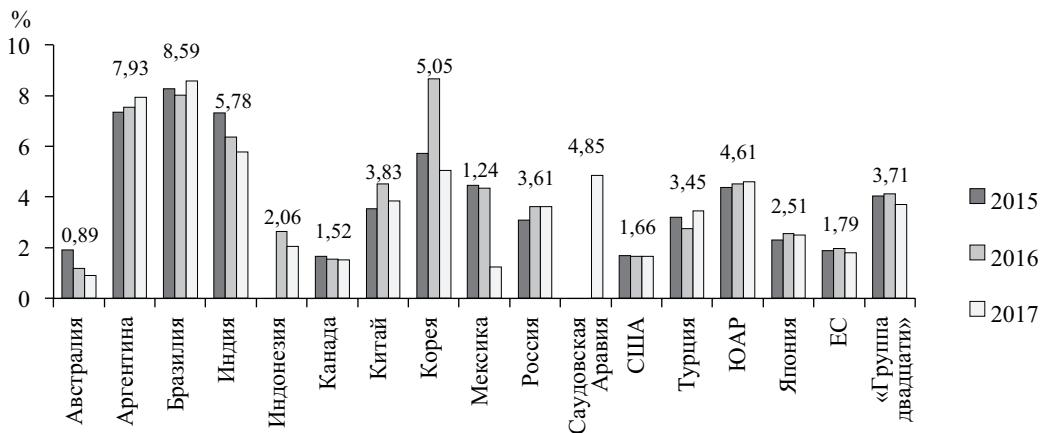

Рис. 20. Средневзвешенная ставка тарифов членов «Группы двадцати», 2015–2017 гг.

Источник: [World Bank, n. d.].

Отсутствие дезагрегированных данных по показателям ЦУР 2.6, 10.а и 17.12 для членов «Группы двадцати» обуславливает использование доступных данных по смежным сферам. Так, дать оценку степени реализации членами «девятки» Задачи 2.6. представляется возможным на основе данных о совокупных объемах поддержки сельскохозяйственного производства. Рисунок 21 демонстрирует тенденцию, противоположную тренду на снижение объемов экспортных сельскохозяйственных субсидий. С 2001 по 2014 г. отмечается рост объемов мер поддержки сельскохозяйственного производства членов «Группы двадцати» с 223,9 до 507,1 млрд долл. США. Однако в 2014–2016 гг. отмечается снижение этого показателя до отметки в 453,6 млрд долл. США. Таким образом, на фоне снижения экспортных субсидий в крупнейших экономиках мира сохраняются значительные объемы фактического субсидирования сельскохозяйственного производства, что может негативно сказаться на перспективах развития сельскохозяйственного экспорта наименее развитых стран.

Средние значения тарифов членов «девятки» в отношении экспорта наименее развитых стран, в том числе по наиболее чувствительным для них отраслям, также пре-

вышают среднемировые значения (рис. 22). Так, средние значения импортных пошлин по сельскохозяйственным товарам значительно выше глобального значения 0,89%, зафиксированного в 2015 г. Только по некоторым отраслям, таким как текстильная промышленность, рынки членов «девадцатки» более открыты для производителей из наименее развитых государств – 2,1% против среднемирового значения 3,18% в 2015 г.

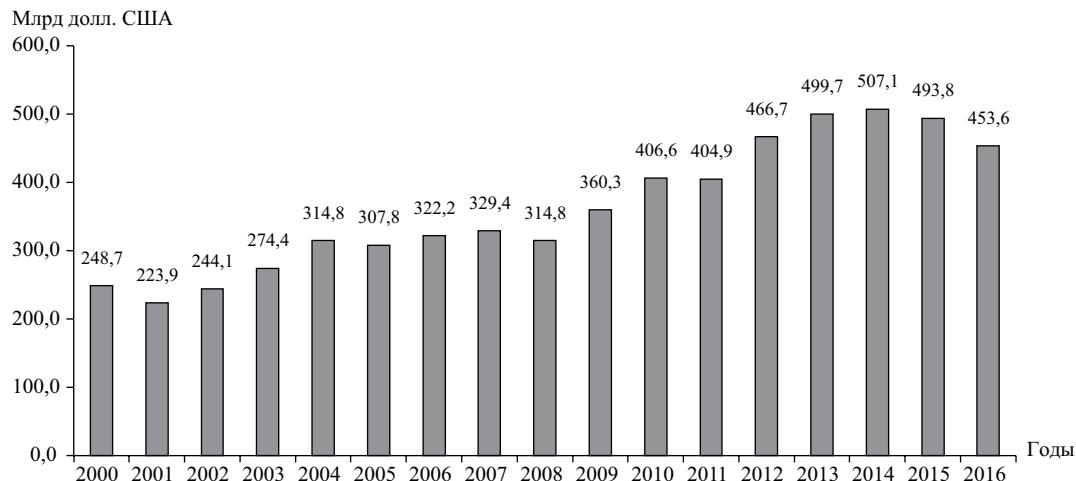

Рис. 21. Меры поддержки сельскохозяйственного производства членов «Группы двадцати», 2000–2016 гг., млрд долл. США

Источник: [OECD, n. d.].

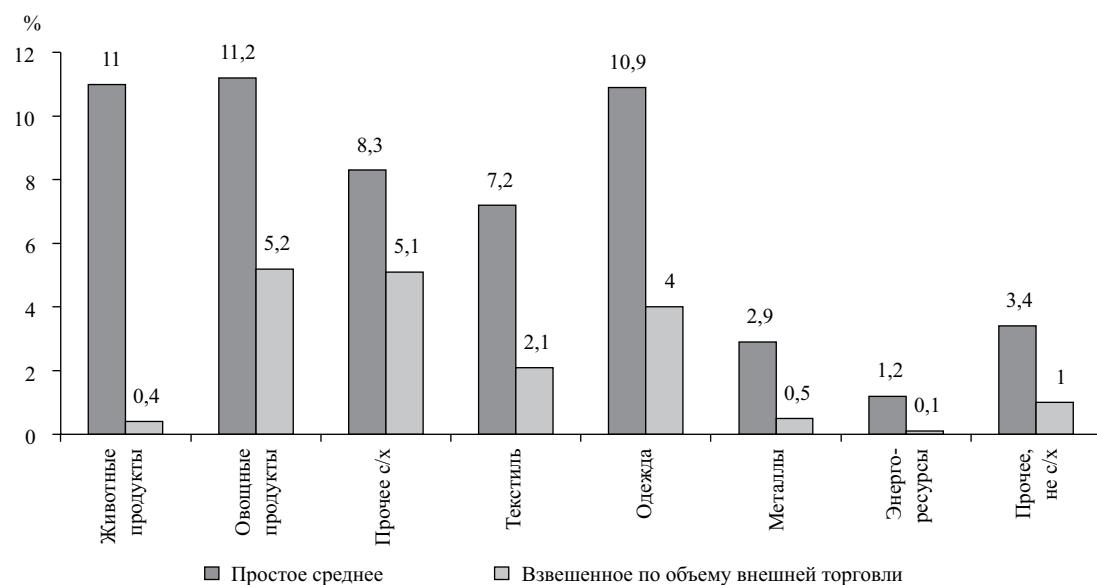

Рис. 22. Среднее значение импортных тарифов в странах «Группы двадцати» для товаров из наименее развитых стран, %, 2015 г.

Источник: [UNCTAD, 2016].

Значительным барьером на пути экспорта наименее развитых стран также становятся нетарифные ограничения. Страны «Группы двадцати» сохраняют значительные объемы нетарифных мер (НТМ). По данным ЮНКТАД, в 2015 г. НТМ членов «двадцатки» охватывают около 48% экспорта текстильной продукции наименее развитых стран, 48% экспорта промышленных товаров, 85% экспорта одежды, что превосходит процент экспорта прочих стран, то есть наименее развитые страны потенциально сталкиваются с большими барьерами на пути своих товаров, чем более развитые государства (рис. 23).

Рис. 23. Доля экспорта наименее развитых стран, сталкивающихся с нетарифными мерами членов «Группы двадцати», %, 2015 г.

Источник: [UNCTAD, 2016].

Заключение

На основе результатов анализа, представленных в первой и второй частях статьи, можно сделать две группы выводов: по коллективному институциональному вкладу «Группы двадцати» в развитие торгового направления задач ЦУР и по фактической динамике показателей задач ЦУР в сфере международной торговли, демонстрируемой странами «двадцатки».

Как показал проведенный анализ коллективных решений форума, «Группа двадцати» вносит существенный вклад в реализацию задач содействия международному развитию и Целей устойчивого развития, связанных с осуществлением внешнеторговой деятельности, по следующим направлениям:

1. Формирование глобальной повестки дня на стыке проблематики международной торговли и содействия развитию. Несмотря на проблемы в реализации обязательств по отказу от протекционистских мер, до 2016 г. «двадцатка» способствовала сдерживанию протекционизма.
2. Продвижение глобальных инициатив и договоренностей, способствующих снижению торговых издержек, в том числе для предприятий из развивающихся стран. Примером подобной инициативы служит Соглашение об упрощении про-

цедур торговли. Еще на саммите 2010 г. в Торонто лидеры «двадцатки» выступили с обращением к Всемирному банку и многосторонним банкам развития с просьбой оказать содействие развивающимся и наименее развитым странам в упрощении процедур торговли с целью ускорения их экономического роста [G20, 2010]. В Санкт-Петербурге в 2013 г. под председательством России лидеры особо отметили важность заключения Соглашения и выразили намерение внести посильный вклад в ход переговоров на министерской конференции на Бали, где оно и было утверждено [G20, 2013].

3. Принятие и реализация обязательств по содействию развивающимся странам в повышении внешнеторгового потенциала (*aid for trade*). Исследования уровня исполнения обязательств «Группы двадцати» свидетельствуют о высоком уровне реализации обязательств по содействию развитию торговли в развивающихся странах.

4. Принятие и реализация обязательств в области торговли сельскохозяйственными продуктами. Поскольку большинство наименее развитых стран являются преимущественно аграрными, цены на продукты питания и другие сельскохозяйственные товары имеют большое значение для перспектив развития этих стран и обеспечения продовольственной безопасности. В связи с этим решение лидеров «двадцатки» на Каннском саммите о борьбе с факторами волатильности цен на продовольствие и сельскохозяйственные товары, в том числе сельскохозяйственными субсидиями, является одним из примеров усилий «двадцатки» по достижению ЦУР 2.6.

5. Принятие документов, непосредственно направленных на реализацию торговых задач ЦУР. Так, Стратегия роста мировой торговли «Группы двадцати» 2016 г., в рамках которой «двадцатка» приняла обязательства по снижению торговых издержек, обеспечению единобразия торговых и инвестиционных требований и правил, развитию торговли услугами, совершенствованию механизмов финансирования торговли, была непосредственно посвящена реализации Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г.

6. Взаимодействие с профильными институтами – ВТО, ЮНКТАД, ОЭСР. «Двадцатка» неоднократно принимала обязательства по согласованию позиций в рамках ВТО. В частности, в рамках принятого в 2016 г. Плана действий по реализации Повестки-2030 было решено проводить согласованную работу на 11-й Министерской конференции ВТО с целью выработки договоренностей по сокращению торговых издержек и реализации положений Соглашения об упрощении процедур торговли.

Тем не менее, несмотря на существенный институциональный вклад в продвижение политики устойчивого развития, сохраняется несколько факторов, препятствующих реализации членами «двадцатки» задач ЦУР, связанных с проблематикой международной торговли. Среди них:

- повышенные по сравнению со среднемировым показателем средневзвешенные ставки тарифов, в особенности в крупных развивающихся странах;
- наличие значительного объема мер финансовой поддержки национальных сельскохозяйственных производителей, частично нивелирующих эффект от снижения и отмены экспортных сельскохозяйственных субсидий;
- наличие товарных групп, по которым наименее развитые страны сталкиваются с большими ограничениями в сравнении с прочими государствами;
- наличие значительного объема нетарифных мер, в том числе в таких чувствительных для развивающихся стран секторах, как сельское хозяйство, где в среднем

около 20% экспорта таких стран сталкиваются с НТМ членов «девятки», или производство одежды – около 85% экспорта.

Таким образом, наблюдается несоответствие риторики лидеров и министров «Группы двадцати», а также налаженного уровня сотрудничества «двадцатки» с профильными международными организациями, реальному вкладу отдельных членов института в расширение возможностей развивающихся и наименее развитых стран по участию в многосторонней торговой системе и, как следствие, повышение их потенциала устойчивого роста.

Источники

Генеральная Ассамблея ООН (2015) Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2008) Декларация саммита «Группы двадцати» по финансовым рынкам и мировой экономике. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2008washington/Declaration%20of%20the%20Summit%20on%20Financial%20Markets.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2009а) План действий по выходу из глобального финансового кризиса. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloads/FIN_CRISIS_PLAN_2009.pdf (дата обращения: 12.11.2019)

Группа двадцати (2009b) Декларация саммита лидеров государств «Группы двадцати» в Торонто. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2010toronto/%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%20%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%BC%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%20%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%BC%D0%80%D1%80%D1%81%D1%82%D0%BC.pdf> (дата обращения: 12.11.2019)

Группа двадцати (2010а) Декларация саммита «Группы двадцати» в Сеуле. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/Seoul_2010_RUS.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2010c) Документы саммита «Группы двадцати» в Сеуле. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloads/Seoul_2010_RUS.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2011) Финальная декларация саммита «Группы двадцати» в Каннах «Построение нашего общего будущего: возобновление коллективных действий для всеобщего блага». Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/CANNES_2011_RUS.pdf (дата обращения: 12.11.2019)

Группа двадцати (2012) Лос-Кабосский план действий по содействию росту экономики и созданию рабочих мест. Режим доступа: [https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2012loscabos/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D2%0%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%D2%0%D0%BB%D0%88%D0%BA%D0%BB%D0%85%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B2%D0%80%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%81.pdf](https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2012loscabos/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D2%0%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%D2%0%D0%BB%D0%88%D0%BA%D0%BB%D0%85%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B2%D0%80%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%81-%D0%BA%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%81.pdf) (дата обращения: 12.11.2019)

Группа двадцати (2013) Санкт-Петербургская декларация лидеров «Группы двадцати». Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloads/S-PETERBURG_2013_RUS.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2014) Коммюнике лидеров «Группы 20» по итогам саммита в Брисбене Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2014brisbane/Brisbenskoe_zaiavlenie_liderov_Gruppy_dvadtsati_o.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2015) Анталийский план действий. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2015Antalya/000111447.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2016a) Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Ханчжоу. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%8E%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B5%202016.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2016b) Стратегия роста мировой торговли «Группы двадцати». Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Annex%20II.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2017) Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Гамбурге. Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/comm_2017.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2018a) Декларация лидеров «Группы двадцати». Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2018buenosaires/buenos_aires_leaders_declaration_rus.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Группа двадцати (2018b) Буэнос-Айресский план действий. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2018buenosaires/buenos_aires_leaders_plan_rus.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Официальный сайт российского председательства в «Группе двадцати» (2013) Санкт-Петербургская стратегия развития. 5 сентября. Режим доступа: <http://ru.g20russia.ru/load/782800206> (дата обращения: 12.11.2019).

Bellmann C., Tipping A.V. (2015) The Role of Trade and Trade Policy in Advancing the 2030 Development Agenda. *International Development Policy*. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/poldev/2149> (дата обращения: 12.11.2019).

Daniels J. (1993) The Meaning and Reliability of Economic Summit Undertakings. Hamden, Connecticut: Garland Publishing.

G20 (2008) Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. 15 November. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008declaration1115.html> (дата обращения: 12.11.2019).

G20 (2009) Global Plan for Recovery and Reform. 2 April. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2009/2009communique0402.html> (дата обращения: 12.11.2019).

G20 (2010) The G20 Toronto Summit Declaration. 27 June. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2010/to-communique.html> (дата обращения: 12.11.2019).

G20 (2013) G20 Leaders' Declaration. 6 September. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2013/2013-0906-declaration.html> (дата обращения: 12.11.2019).

Putnam R.D., Bayne N. (1984) Hanging Together: The Seven-Power Summits. London and Cambridge, MA: Heinemann and Harvard University Press.

Putnam R.D., Bayne N. (1987) Hanging Together: Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. Harvard University Press, revised edition.

UNCTAD (2016) Trading Into Sustainable Development: Trade, Market Access, and the Sustainable Development Goals. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctab2015d3_en.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

United Nations (UN) (n. d.) SDG indicators United Nations Global SDG Database. Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/database/> (дата обращения: 12.11.2019).

WTO (n. d.) Environmental Goods Agreement (EGA). Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/envir_e/ega_e.htm (дата обращения: 12.11.2019).

WTO (2018) Mainstreaming trade to attain the Sustainable Development Goals. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/sdg_e.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

WTO (2019) Report on G20 Trade Measures (Mid-October 2018 to Mid-May 2019). Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/g20_wto_report_june19_e.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

World Bank (n. d.) World Bank Open Data. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/TM.TAX.MRCH.WM.AR.ZS?end=2017&locations=AR-AU-BR-CA-IN-ID-CN-JP-KR-MX-RU-SA-ZA-TR-US-EU&start=2015&view=chart> (дата обращения: 12.11.2019).

UNCTAD (2016) G20 Policies and Export Performance of Least Developed Countries. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/itcdtab77_en.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

G20 Contribution to the Trade-Related SDGs Implementation¹

I. Andronova, A. Sakharov

Inna Andronova – PhD, Professor, Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklay Str., Moscow, 117198, Russian Federation; E-mail: aiv1207@mail.ru

Andrei Sakharov – Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: sakharov-ag@ranepa.ru

Abstract

International trade is an essential factor of the socio-economic development of developing and least developed countries, including in the context of achieving the UN Sustainable Development Goals (SDGs) adopted in 2015. The G20, which is today the key global governance institution, can play a significant role in the implementation of the SDGs at the junction of development and trade. This article discusses the contribution of the G20 members to the implementation of the trade-related SDGs to international trade. The analysis of the collective G20 decisions demonstrated a significant contribution to the trade-related SDG targets implementation and the promotion of international development in general. At the same time, despite a significant institutional contribution to the promotion of sustainable development policies, several factors remain that impede the implementation of the SDG targets by the G20 members related to international trade.

Key words: Sustainable development goals; international trade; Agenda 2030; G20; foreign development assistance

For citation: Andronova I., Sakharov A. (2019) G20 Contribution to the Trade-Related SDGs Implementation. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 112–137 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-06.

References

¹ The editorial board received the article in May 2019.

The research was carried out within the framework of the RANEPA research project “Analysis of the G20 member countries’ contribution to implementing trade and investment objectives of the Sustainable Development Goals” (2019).

- %81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B0%20%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0-%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2009a) G20 Action Plan for Recovery and Reform. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/FIN_CRISIS_PLAN_2009.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2010) The G20 Toronto Summit Declaration. 27 June. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2010/to-communique.html> (accessed 12 November 2019).
- G20 (2010a) Seoul Declaration. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/Seoul_2010_RUS.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2010b) Seoul Development Consensus for Shared Growth. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2010%20Korea/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20I%D0%BA%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%86%D0%82%D0%80%D1%86%D0%B8%D0%82%D0%81%D0%BA%D0%BC%D0%BC%D0%8B%D1%82%D0%B0.pdf> (accessed 12 November 2019).
- G20 (2010c) Seoul Summit Documents. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/Seoul_2010_RUS.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2011) Cannes Declaration. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/CANNES_2011_RUS.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2012) The Los Cabos Growth and Jobs Action Plan. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2012loscabos/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%86%D0%82%D0%80%D1%86%D0%8F%20%D0%BB%D0%B8%D0%84%D0%80%D0%85%D0%82%D0%80%D0%BE%D0%82%D0%80%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%80%D0%81.pdf> (accessed 12 November 2019).
- G20 (2013) G20 Leaders' Declaration. 6 September. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2013/2013-0906-declaration.html> (accessed 12 November 2019).
- G20 (2013) Saint-Petersburg Declaration. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/S-PETERBURG_2013_RUS.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2014) Brisbane Communiqué. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2014brisbane/Brisbenskoe_zaiavlenie_liderov_Gruppy_dvadtsati_o.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2015) Antalya Action Plan. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2015Antalya/000111447.pdf> (accessed 12 November 2019).
- G20 (2016a) Hangzhou Declaration. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%8E%D0%BD%D0%88%D0%BA%D0%B5%202016.pdf> (accessed 12 November 2019).
- G20 (2016b) World Trade Growth Strategy. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Annex%20II.pdf> (accessed 12 November 2019).
- G20 (2017) Hamburg Communiqué. Available at: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/comm_2017.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2018a) Buenos-Aires Declaration. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2018buenosaires/buenos_aires_leaders_declaration_rus.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 (2018b) Buenos-Aires Action Plan. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2018buenosaires/buenos_aires_leaders_plan_rus.pdf (accessed 12 November 2019).
- G20 Russian Presidency (2013) Saint-Petersburg Development Strategy. 5 September. Available at: <http://ru.g20russia.ru/load/782800206> (accessed 12 November 2019).
- Putnam R.D., Bayne N. (1984) Hanging Together: The Seven-Power Summits. London and Cambridge, MA: Heinemann and Harvard University Press.
- Putnam R.D., Bayne N. (1987) Hanging Together: Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. Harvard University Press, revised edition.

- UN General Assembly (2015) Agenda 2030. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (accessed 12 November 2019).
- UNCTAD (2016) G20 Policies and Export Performance of Least Developed Countries. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/itctab77_en.pdf (accessed 12 November 2019).
- UNCTAD (2016) Trading Into Sustainable Development: Trade, Market Access, and the Sustainable Development Goals. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctab2015d3_en.pdf (accessed 12 November 2019).
- United Nations (UN) (n.d.) SDG indicators United Nations Global SDG Database. Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/database/> (accessed 12 November 2019).
- World Bank (n. d.) World Bank Open Data. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/TM.TAX.MRCH.WM.AR.ZS?end=2017&locations=AR-AU-BR-CA-IN-ID-CN-JP-KR-MX-RU-SA-ZA-TR-US-EU&start=2015&view=chart> (accessed 12 November 2019).
- WTO (2018) Mainstreaming Trade to Attain the Sustainable Development Goals. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/sdg_e.pdf (accessed 12 November 2019).
- WTO (2019) Report on G20 Trade Measures (Mid-October 2018 to Mid-May 2019). Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/g20_wto_report_june19_e.pdf (accessed 12 November 2019).
- WTO (n. d.) Environmental Goods Agreement (EGA). Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/envir_e/ega_e.htm (accessed 12 November 2019).

Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше?^{1, 2}

А. Муратбекова

Муратбекова Альбина – PhD, н.с., Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова; Евразийский научно-исследовательский институт Международного казахстанско-турецкого университета имени Ходжи Ахмета Яссави; Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; E-mail: albina.muratbek@gmail.com

Вступление Индии и Пакистана в число постоянных членов превратило Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в крупнейшую в мире межрегиональную структуру и изменило траекторию регионального сотрудничества. Тем не менее вслед за смещением фокуса с Центральной Азии на более широкую евразийскую повестку изменениям подверглась и идентичность ШОС. В статье приводятся доводы в пользу того, что ШОС находится в состоянии кризиса идентичности. Автор статьи рассматривает уникальные черты, присущие идентичности ШОС, и предлагает сценарии разрешения текущего кризиса идентичности на базе анализа исторического и регионального контекста.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; Китай; Россия; Индия; кризис идентичности

Для цитирования: Муратбекова А. (2019) Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 138–160 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-07.

Вступление Индии и Пакистана в ряды полноценных членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) превратило эту региональную организацию в одну из крупнейших в мире. Теперь на долю членов ШОС приходится 44% населения Земли, около 40 млн кв. км земной поверхности (26,6%) и совокупный ВВП в размере 33 трлн долл. США [Akizhanov, 2017]. ШОС является своего рода коридором, связывающим Азиатско-Тихоокеанский и Атлантический регионы, Южную Азию и Ближний Восток. Среди членов ШОС четыре государства, то есть половина нынешнего состава членов, обладают ядерным оружием. На территории стран – членов ШОС располагается примерно 15% объектов культурного наследия ЮНЕСКО [TASS, 2017]. Таким образом, ШОС является важным игроком в Азии и на международной арене [Allison, 2004; Aris 2009; Chung, 2006; Oldberg, 2007].

¹ Статья поступила в редакцию 9 сентября 2018 г.

Перевод выполнен А.А. Игнатовым, м.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

² Статья написана в рамках программы поддержки аспирантов EU CACIS Института европейской политики (Institut für Europäische Politik, Berlin) и Международного образовательного центра CIFE при финансовой поддержке Фонда Фольксваген и программы Erasmus+ Европейской комиссии. Автор выражает признательность проф. Матиасу Йоппу (Mathias Jopp) за помощь в подготовке данной работы.

Следуя набору установок, более известных как Шанхайский дух, Шанхайская пятерка (Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) изначально стремилась к разрешению территориальных споров на постсоветском пространстве. Реализуя задачи по укреплению взаимного доверия и ограничению вооружений в приграничных регионах, Шанхайская пятерка превратилась в ШОС, а повестка организации сместились в сферу безопасности. Относительно недавно на площадке ШОС начала развиваться проблематика экономического сотрудничества. По мере роста глобальных амбиций Китая и усиления противоречий между Россией и странами Запада ведущие страны ШОС становились все более заинтересованными во включении Индии и Пакистана в состав членов данной организации. Менее амбициозные в политическом плане, стремящиеся к наращиванию практического экономического сотрудничества страны Центральной Азии приветствовали данное решение – оба новых члена представляют собой крупные, динамично развивающиеся рынки.

Тем не менее с момента последнего расширения все больше сомнений возникает в отношении эффективности ШОС в контексте «болезни роста». Проблемы, вызванные трансформацией ШОС, обусловлены противоречиями между новыми членами. После обретения независимости Индия и Пакистан находятся в крайне напряженных отношениях; отношения между Индией и Китаем также нельзя охарактеризовать как открытые и добрососедские. Следовательно, главным препятствием для дальнейшего развития ШОС может стать несовместимость позиций в треугольнике Китай – Индия – Пакистан, что может разрушить сплоченность внутри ШОС и привести к промедлению в процессе принятия важных решений. Более того, эффективность процесса принятия решений в рамках ШОС также может пострадать из-за закрепленного принципа консенсуса, который требует одобрения того или иного решения большинством членов без голосования. Невозможность обеспечить принятие решений в рамках существующей институциональной структуры может привести к застою организации. Кроме того, с самого начала ШОС отличала география ее деятельности, охватывавшая преимущественно Центральную Азию, где в роли важнейших игроков выступают Китай и Россия, тогда как с включением стран Южной Азии неизбежно возникает вопрос о том, сохранит ли Центральная Азия статус приоритетного региона или же будут внесены соответствующие корректизы. Уникальность ШОС с точки зрения ее изначальной роли, функционального развития и основных принципов ставится под вопрос эксперты сообществом вследствие трансформации базовых параметров идентичности данной организации. В силу вышеназванных причин с расширением состава членов ШОС усиливается и дискуссия о том, способствуют ли структурные трансформации этой организации усилию ее потенциала или же имеет место кризис идентичности, обусловленный недостаточной развитостью ШОС как института.

Очевидно, что подобная неопределенность заставляет сомневаться в потенциале организации. Рассматривая ее почти двадцатилетнюю историю, можно сказать, что сложившаяся на данный момент ситуация представляет собой кризис превращения ШОС в более «взрослую», пусть и не полностью зрелую, международную организацию.

Таким образом, целью настоящей статьи является определение наиболее вероятных последствий текущей трансформации идентичности ШОС, вызванной последним на данный момент расширением состава ее членов. Автор считает, что ШОС проходит через процесс формирования новой идентичности, связанной с изменением географического фокуса ее деятельности, новыми целями и изменениями в институциональной структуре. Изменение основ исходной идентичности означает, что ШОС предстоит вновь выработать базовые параметры. Иными словами, ШОС находится в состоянии кризиса идентичности. Данное утверждение базируется на теории форми-

рования идентичности международной организации С. Чо (Sungjoon Cho). На основе данной теории была выдвинута гипотеза о том, что уникальность ШОС обусловлена ее базовой идентичностью, которая также открывает возможности для выхода из текущего кризиса идентичности. Статья включает три смысловых раздела. В первом разделе произведен теоретический анализ понятия идентичности международных организаций, который позволяет составить общее представление о причинах выбора теории, о процессе формирования идентичности и о кризисах идентичности международных организаций. Во втором разделе рассматривается история развития ШОС, ее базовых структурных механизмов, то есть исторический контекст формирования идентичности данной организации. В третьем разделе статьи рассматриваются интересы ведущих стран – членов ШОС, определяющие характеристики среды, в которой происходило формирование идентичности ШОС, с особым вниманием к их geopolитическим и экономическим приоритетам, а также интересам безопасности и позиции относительно дальнейшего расширения состава членов ШОС. В заключительном разделе рассматриваются основные сценарии дальнейшего развития ситуации, опирающиеся на текущее состояние ШОС, ее особенности и ключевые направления политики развития в условиях глобализации.

Теоретический анализ идентичности международных организаций

Классические теории международных отношений достигли значительного прогресса в объяснении причин установления и поддержания государствами многостороннего сотрудничества через механизмы международных организаций. Тем не менее эксперты, как правило, ограничиваются изучением циклов институционального развития международных организаций. Представители неореализма рассматривают международные организации как инструмент реализации влиятельными государствами своих интересов [Waltz, 1979] или как отражение отношений силы в международной системе [Gilpin, 1984]. Сторонники неолиберального институционализма утверждают, что международные институты создаются в соответствии с интересами государства, а их сущность определяется текущим распределением возможностей [Keohane, Martin, 1995]. Функциональный подход, напротив, игнорирует власть и политическое влияние государств, утверждая, что «появление функциональных международных организаций размывает базис идентичности национальных государств, объединяя представителей разных национальностей в более “нейтральном” международном контексте» [Wolf, 1974, р. 349]. Конструктивисты утверждают, что идентичность и интересы государств определяются скорее социальными конструктами, нежели влиянием человеческой природы или внутренней политики [Wendt, 1994]. Государствоцентричные теории отвергают якобы присущую международным организациям автономность в вопросах определения целей и методов собственной деятельности [Cho, 2014].

Тем не менее Л. Хелфер [2006] утверждает, что «большинство исследователей видят конец истории международной организации там, где она только начинается – в момент ее создания. То, чем она занимается после, остается неизученным. Подобное упущение представляет огромный пробел в наших знаниях о международных организациях».

Так как цель настоящей статьи заключается в теоретизации и определении процесса формирования идентичности и кризиса идентичности ШОС, для изучения социально-правовой динамики международных организаций был применен мультидисциплинарный подход. Для демонстрации процесса трансформации международ-

ной организации в процессе ее деятельности мы обратились к теории идентичности С. Чо, базирующейся на положениях психологии развития и изложенной в работе “An International Organization’s Identity Crisis”. С. Чо [Cho, 2007; 2014] излагает свой взгляд на рациональное восприятие процесса формирования идентичности международных организаций и его последствия. В своей теории он смешивает конструктивизм и теорию формирования идентичности, которая основана на психологии развития, чтобы описать динамику формирования идентичности международной организации с правовой точки зрения. Подобный мультидисциплинарный подход демонстрирует, как международная организация, будучи социально-правовым актором, развивается, трансформируется и становится более совершенной.

А. Вендт [Wendt, 1994] утверждает, что взаимодействие на системном уровне изменяет идентичности государств и их интересы, тем самым он определяет принципы формирования идентичности в соответствии с «конструктивистским» и символико-интеракционистским подходами. Конструктивизм в описании особенностей формирования идентичностей и интересов опирается в большей степени на социологический, чем на экономический подход в рамках системной теории. Конструктивисты утверждают, что государства не являются продуктом внешнего влияния или структурного взаимодействия, а их появление обусловлено характером исторического взаимодействия. Региональные и глобальные структуры определяют контекст подобного взаимодействия, который задает динамику формирования коллективной идентичности и, следовательно, опосредованно играют казуальную роль. Интерсубъектные системные структуры, согласно Венду [Ibid., 1994], основаны на общих понятиях, ожиданиях и социальных знаниях, встроенных в международные институты и комплексы угроз, в контексте которых государства определяют свою идентичность и интересы. Кроме того, Вендт утверждает, что зависимость – интерсубъектная или материальная – является ключевым фактором, определяющим, кто или что влияет на формирование идентичности. Схожим образом процесс развития ребенка обычно находится преимущественно под влиянием родителей, нежели других участников воспитательного процесса.

Теория идентичности Чо основывается на работах Э. Эрикссона [Erikson, 1968], который утверждает, что человек формирует собственную идентичность согласно собственному восприятию окружения (групповая идентичность) и личным качествам (собственная идентичность). Индивид и общество в данном контексте находятся в отношениях близкой динамичной взаимосвязи. Теория Эрикссона о формировании личности базируется на рассмотрении динамики развития психики человека, когда индивид находится в поиске или определяет собственную истинную идентичность. Согласно данной теории, человек в течение жизни проходит различные стадии. Каждая стадия характеризуется собственными уязвимостями, кризисами идентичности и возможностями.

Формирование идентичности не всегда проходит гладко и успешно. В некоторых случаях взрослеющие индивиды не способны сформировать собственную идентичность. Эрикссон называет такое состояние «спутанной идентичностью». Он утверждает, что успешное разрешение кризиса идентичности оказывает длительное воздействие на устойчивость и уверенность индивида, равно как и на его или ее способность брать обязательства, преодолевать трудности или поддерживать отношения [Cho, 2014]. В контексте анализа идентичности ШОС подход Эрикссона к изучению формирования идентичности помогает теоретически определить масштаб текущего кризиса идентичности организации, который в будущем может вывести ШОС на качественно новый уровень развития.

Необходимо упомянуть, что подход Чо применительно к теории идентичности международных организаций в значительной степени антропоцентричен. Вендт утверждает [Wendt, 1994], что корпоративная идентичность неравнозначна идентичности личности. Чо, в свою очередь, также утверждает, что идентичность международных организаций не может быть столь же целостной, как личностная идентичность, поскольку законы биологии больше стремятся к созданию целостной идентичности, нежели логика развития коллективных общностей.

Вместе с тем Чо считает, что поведение человека и деятельность международных организаций могут рассматриваться с точки зрения наличия намерения — и человек, и условная организация представляют собой открытые системы, которые могут выйти на уровень самообеспеченности через приспособление к окружающей действительности. В отношении окружающей среды Чо утверждает, что последняя обеспечивает организацию необходимыми материальными ресурсами, к которым относятся физическая инфраструктура, технологии и персонал, наряду с нематериальными, например, создает ее репутацию. Этот факт определяет исключительную значимость, которую имеет окружающая среда в контексте формирования идентичности организации и идентичности личности. Как и люди, организации стремятся к достижению состояния сбалансированности с окружающей средой, для чего они вырабатывают и совершенствуют собственные уникальные характеристики в интересах дальнейшего институционального развития [Cho, 2014]. Исходя из этого, в рамках настоящего исследования принимается во внимание геополитический контекст, под влиянием которого происходит трансформация идентичности ШОС,

Согласно теории идентичности Эрикссона [Erikson, 1984], история организации также играет значимую роль в формировании ее идентичности. Как и ДНК человека, история организации выступает в качестве «генетической наследственности», определяя ее уникальные характеристики. История организации — представленная в ее уставе или конституции — зачастую воспринимается как свод правил деятельности организации в целом и ее отдельных членов. Интересно отметить, что изучение процесса формирования идентичности организации по базовым характеристикам ее «наследственности» представляется неэффективным. В этом смысле все институциональные изменения определяются характеристиками процесса. Следовательно, для достижения поставленных целей в рамках настоящей работы необходимо изучить процесс роста и развития ШОС.

Принимая во внимание то, что история и среда, в которой существует международная организация, определяют сферу и эффективность ее деятельности, расхождение между международной организацией и окружающей ее средой может привести к кризису идентичности первой. Международная организация обрабатывает массивы информации, получаемой из окружающей среды, и формулирует ответы на внешние вызовы. Следовательно, если рассматривать кризис идентичности как нормативный процесс, то изменения структуры международной организации носят телеологический или конститутивный характер, так как все подобные изменения изменяют и видоизменяют цели и задачи данной организации. Организационные нормы есть лейтмотив кризиса идентичности международной организации, который, согласно терминологии Ф. Селзника [Selznick, 1949], выступает как «идеологическое оружие», которое способно преодолеть сопротивление противника и заручиться поддержкой извне. Кроме того, цели деятельности организации должны способствовать ее выживанию, поскольку идентичность сама по себе определяется в процессе исторического развития [Cho, 2014].

В ситуации, когда международная организация не может консолидировать собственную идентичность, она не сможет обуздать и кризис идентичности. Чо видит две

возможные причины такого исхода. Во-первых, вызовы возникают как следствие изменений в окружающей среде, однако международная организация действует в новой ситуации исходя из характеристик прежней идентичности, и подобная тактика неизбежно приводит к «неэффективному, саморазрушительному поведению». Проблемы возникают и в том случае, когда международная организация формирует множество идентичностей и в итоге не придерживается ни одной из них [Cho, 2014].

В данной статье применяется подход Чо к рассмотрению процесса формирования идентичности международной организации. Формирование ШОС рассматривается с точки зрения исторического процесса и характеристик среды. В плане изучения среды представленное исследование ограничивается анализом интересов трех ведущих держав. Это допущение обусловлено тем, что именно эта «тройка» акторов принимает решения в рамках существующей организационной структуры, хотя все страны-члены имеют определенный вес в ШОС.

Траектория формирования институциональной идентичности ШОС

Шанхайская пятерка была сформирована на базе двух соглашений: Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы, подписанный 26 апреля 1996 г., и Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 г. После принятия в 2001 г. Узбекистана Шанхайская пятерка была преобразована в Шанхайскую организацию сотрудничества – евразийскую организацию по вопросам политического сотрудничества и безопасности, включающую Китай, Россию, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. На саммите в Астане 9 июня 2017 г. Индия и Пакистан были приняты в ШОС на правах полноценных членов. Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия имеют статус наблюдателей, а Армения, Азербайджан, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка – статус партнеров по диалогу.

В структуре ШОС имеются механизмы для сотрудничества на двух уровнях. Сотрудничество в рамках ШОС на высшем уровне осуществляется на базе Совета глав государств (СГГ), выполняющего функции главного руководящего органа, и Совета глав правительств (СГП). СГГ и СГП проводят по одной ежегодной встрече для обсуждения стратегий сотрудничества в приоритетных сферах. Кроме того, проводятся встречи на уровне глав законодательной власти стран-участников, представителей советов безопасности, министров иностранных дел, министров обороны, чрезвычайных ситуаций, экономики, транспорта, культуры, образования и здравоохранения, глав силовых структур, верховных и арбитражных судов, а также генеральных прокуроров. Совет национальных координаторов (СНК) выполняет роль координационного механизма ШОС [SCO, 2017]. В соответствии с Уставом ШОС решения принимаются на базе консенсуса без голосования. В системе ШОС существуют два постоянных органа: Секретариат ШОС, расположенный в Пекине, и Исполнительный комитет Региональной антитеррористической структуры (РАТС), базирующийся в Ташкенте.

До момента последнего расширения состава членов бюджет ШОС формировался в основном за счет взносов России и Китая (по 23,5%), вслед за которыми шли Казахстан (20%), Узбекистан (15%), Киргизия (12%) и Таджикистан (6%) [CNTD, 2003]. После включения в состав членов Индии и Пакистана 1 декабря 2017 г. было принято новое бюджетное соглашение, согласно которому взносы России и Китая составили по 20,6%, Казахстана – 17,6%, Узбекистана – 14,6%, Киргизии – 8,8%, Таджикистана – 6%, Индии и Пакистана – по 5,9% [CNTD, 2017].

Менее чем за двадцать лет ШОС прошла несколько этапов развития. Период Шанхайской пятерки следует считать начальным этапом налаживания сотрудничества в регионе. В этот период основными проблемами были статус границ и региональная стабильность. Согласно условиями соглашений от 1996 и 1997 гг. об укреплении доверия в военной области и сокращения военного присутствия, Россия и ряд государств Центральной Азии передали Китаю более 7 тыс. кв. км территории. Данные соглашения были очень важны для укрепления доверия и сокращения военного присутствия в приграничных регионах. Последующие встречи в Алма-Ате (1998 г.), Бишкеке (1999 г.) и Душанбе (2000 г.) внесли значительный вклад в обеспечение безопасности и стабильности в регионе и способствовали углублению сотрудничества в политической сфере, в вопросах безопасности, дипломатических контактов, торговли, гуманитарного сотрудничества и др.

Шанхайская пятерка стала новым форматом дипломатического сотрудничества, основанного на принципах взаимного доверия, разоружения и достижения взаимной выгоды. В 2001 г. на саммите в Шанхае «пятерка» была реорганизована в ШОС.

Первый этап институционализации ШОС охватывает период с 2001 по 2004 г. На саммите 2001 г. состоялось подписание Декларации ШОС, а также вступление Узбекистана в состав членов. Подписание Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом наделило ШОС статусом первопроходца в сфере борьбы с терроризмом, что было особенно актуально после трагедии 11 сентября 2001 г. На втором саммите ШОС в Санкт-Петербурге (2002 г.) был представлен Устав ШОС, а также сделано заявление о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС). На Московском саммите (2003 г.) впервые был принят бюджет ШОС, а также представлены основные регулирующие органы данной организации. Создание Секретариата ШОС в 2004 г. стало символическим шагом, обозначившим завершение стадии первичного формирования региональной организации.

Третий этап развития ШОС характеризуется расширением состава стран – членов организации, углублением энергетического сотрудничества и борьбы с ввозом опиума из Афганистана. Принятие Ирана, Индии, Пакистана и Монголии в качестве стран-наблюдателей расширило региональное сотрудничество и повысило значимость ШОС. В этот период были проведены саммиты в Шанхае (2006 г.), Бишкеке (2007 г., 2013 г.), Душанбе (2008 г., 2014 г.), Екатеринбурге (2009 г.), Ташкенте (2010 г.), Астане (2011 г.) и Пекине (2012 г.). Тем не менее, когда в 2005 г. Индия заявила о желании войти в состав членов ШОС на правах полноценного члена, Китай отверг предложение о расширении, наставив на том, что ШОС должна сначала развиваться вертикально и лишь затем – горизонтально. С другой стороны, на саммите ШОС в 2010 г. неформальный мораторий на принятие новых стран-членов был снят, что открыло путь для расширения группы, хотя на тот момент процедура включения новых членов еще не была утверждена.

Принятие Индии и Пакистана в ШОС в 2017 г. стало точкой отсчета текущей стадии развития организации. Саммиты в Уфе (2015 г.), Ташкенте (2016 г.) и Астане (2017 г.) окончательно закрепили членство Индии и Пакистана в ШОС, что повлияло на организацию по нескольким направлениям. Включение в состав новых членов радикально изменило географический, стратегический, экономический и политический баланс в рамках ШОС. С точки зрения географии вступление Индии и Пакистана обеспечило связанность Центральной и Южной Азии. Центральная Азия, которая испытывает недостаток прямых морских путей сообщения, получила возможность извлечь выгоду из сотрудничества с Южной Азией. С точки зрения политической повестки ШОС превратилась в полноценную платформу для обсуждения как региональных, так

и глобальных вопросов в соответствии с концепцией Шанхайского духа – взаимного доверия, уважения и равенства. Вступление новых членов усилило потенциал РАТС в противодействии международной преступности, наркоторговле и терроризму в контексте усиления исламского радикализма. Благодаря обмену базами данных о террористах, перемещениях террористических элементов через границы и потоках наркотических средств наряду с вопросами кибербезопасности, обеспечение региональной безопасности и охрана границ могут осуществляться с большей эффективностью. Перспективы экономического сотрудничества выглядят многообещающе: экономическая интеграция с участием второй и шестой экономик мира сама по себе предполагает расширение торговых связей. Малые государства Центральной Азии получили возможность усилить собственные позиции и реализовать декларируемые интересы путем сотрудничества с членами ШОС, даже несмотря на существующие противоречия между странами Южной Азии.

После саммита в Астане в 2017 г. страны – члены ШОС приступили к обсуждению потенциала дальнейшего расширения. Иран и Афганистан являются первыми кандидатами на вступление в ШОС. Несмотря на одобрение со стороны Китая и России, Иран до сих пор не вошел в состав членов из-за возражений со стороны Таджикистана [Дудина и др., 2017]. Большинство членов ШОС выступают за дальнейшее расширение и хотели бы видеть Иран в составе организации, особенно сейчас, когда страна больше не находится под международными санкциями, но этому препятствует Таджикистан. Таджикистан и Иран поддерживали хорошие отношения до 2015 г., когда власти Ирана пригласили М. Кабири, лидера Партии исламского возрождения, запрещенной в Таджикистане, на конференцию Организации исламского единства. Власти Таджикистана также утверждают, что духовный лидер Ирана, аятолла Хомейни, в прошлом был боевиком. Тем не менее Россия выражает надежду на то, что эти проблемы будут решены в ближайшее время [Dubina et al., 2017].

Монголия также выступает в качестве потенциального кандидата на вступление в ШОС. Монголия в настоящий момент имеет статус наблюдателя, а ее полноценное вступление поддерживает Россия. Туркмения периодически направляет своих представителей, однако остается вне рамок ШОС в силу своего нейтрального статуса. Афганистан направил заявку в 2015 г., однако из-за сложившейся в стране внутренней ситуации и присутствия иностранных вооруженных сил представляется маловероятным, что в ближайшее время страна сумеет достичь соответствия критериям, предъявляемым к потенциальным членам ШОС.

В то же время именно ситуация в Афганистане является одним из основных вызовов в области региональной безопасности, в отношении которого у членов ШОС до сих пор не выработана долгосрочная стратегия. Контактная группа, сформированная в 2005 г., а также статус страны-наблюдателя, присвоенный Афганистану в 2012 г., не способствовали выработке коллективных решений. В данном ключе принятие Индии и Пакистана в состав членов ШОС может означать, что решение в итоге будет найдено. Вступление этих стран означает, что отныне Афганистан окружен со всех сторон. Это создает предпосылки для наращивания эффективности мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом в регионе.

Одним из важнейших органов ШОС является Региональная антитеррористическая структура (РАТС), созданная в 2002 г. на саммите ШОС в Санкт-Петербурге для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. РАТС, чья штаб-квартира расположена в Ташкенте, является механизмом обеспечения информационных обменов и консультаций по совместным антитеррористическим мерам. Чтобы войти в состав постоянных членов ШОС, Индия и Пакистан были вынуждены принять 426 важных

документов, затрагивающих вопросы, связанные с выполнением специальных функций РАТС. В рамках РАТС все страны-члены находятся в активном взаимодействии. Страны-наблюдатели также регулярно участвуют в научных и практических конференциях по вопросам противодействия международному терроризму и экстремизму. В общем и целом, согласно информации, актуальной на 2017 г., РАТС обладает информацией о 2500 террористах-смертниках и 69 террористических организациях [Sputnik International, 2016], а также предотвратил 600 планируемых террористических атак и добился экстрадиции 500 террористов [Desai, 2017]. Таким образом, РАТС продемонстрировал эффективность в решении региональных проблем безопасности, таких как обеспокоенность Китая деятельностью группировок в Восточном Туркестане, деятельность чеченских боевиков в России, волнения в индийском штате Джамму и Кашмир, а также угрозы, исходящей из так называемого региона АфПак. Тем не менее специальный координационный механизм, созданный Китаем для взаимодействия с Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном, чьи функции по факту дублируют деятельность РАТС, создает сомнения относительно эффективности структур РАТС. Вместе с тем Китай заявляет, что указанный механизм ориентируется, прежде всего, на решение вопросов безопасности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, тогда как РАТС занимается решением общерегиональных проблем [Коростиков, Черненко, 2017].

Интересы основных игроков

Из восьми стран – членов ШОС Китай, Россия и Индия входят в число глобальных игроков, обладающих значительным весом в мировой политике – они являются членами «Группы двадцати» и обладают ядерным оружием. Китай и Россия – основатели ШОС, которая создавалась в соответствии с их интересами. Индия, вступая в ШОС, руководствовалась собственной повесткой в отношении ситуации в Центральной Азии. ШОС стала важным инструментом взаимодействия, даже с учетом того, что указанные ведущие страны-члены преследуют различные цели в контексте текущих задач и состава организации. Внимание, которое уделяется указанным странам, подкреплено предположением о том, что именно они отвечают за принятие решений в рамках ШОС.

В самом начале, когда повестка ШОС была преимущественно сосредоточена на ситуации в Центральной Азии, организация придавала большое значение позициям стран региона. Расширение состава членов ШОС уменьшило политический вес государств Центральной Азии. В то же время вместе с расширением возникли и новые возможности для разрешения региональных проблем – страны Центральной Азии обрели дополнительный механизм для обсуждения проблем региона с соседними государствами. Это неизбежно расширит поток ресурсов, направляемых в Центральную Азию, и тем самым создаст предпосылки для наращивания сотрудничества в вопросах безопасности и экономического развития.

Хотя Пакистан и имеет определенные интересы в Евразийском регионе, он не подготовлен для их полноценного продвижения в силу недостатка экономического влияния. Тем не менее Пакистан поддерживает предложения Китая и с учетом включения ряда крупных пакистанских проектов в рамки инициативы «Один пояс – один путь» может рассматриваться в качестве спутника Китая, его стратегического партнера.

Для понимания отношений внутри ШОС и влияния внешних факторов на траекторию развития организации необходимо проанализировать интересы Китая, России и Индии в области geopolитики, экономического развития и безопасности. Геополитическое измерение включает вопросы, связанные с позициями указанных стран

в отношении расширения организации наряду с их собственным геостратегическим и geopolитическим положением. Экономический блок включает проблематику экономической интеграции и развитие национальных экономических инициатив. Повестка безопасности охватывает текущие вызовы и роль указанных государств в борьбе с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности, с которыми сталкиваются члены ШОС. Кроме того, необходимо проанализировать позиции стран Центральной Азии для углубления понимания региональной специфики. Необходимо учесть еще один важный момент: хотя в фокусе нашего внимания в рамках данной статьи находятся крупнейшие государства региона, страны Центральной Азии объединены общими интересами и могут извлечь некоторое преимущество в решении политических, экономических, стратегических вопросов, а также вопросов безопасности, благодаря участию крупных держав в деятельности организации. Тем не менее каждому из центральноазиатских государств присущ собственный подход к достижению озвученных интересов.

Китай

Китай как вторая экономика мира обладает наибольшим влиянием в рамках ШОС. Поэтому ШОС зачастую рассматривают как китаецентричную организацию. С точки зрения geopolитики Китай рассматривает ШОС в качестве важного инструмента обеспечения влияния в Центральной Азии. Основные интересы Китая в рамках ШОС лежат в сфере безопасности и экономического сотрудничества. Изначально Китай был нацелен на решение проблемы разграничения с бывшими советскими республиками. В дальнейшем интересы Китая распространились на вопросы поддержания стабильности и безопасности на своей западной границе, а также на выкачивание энергетических ресурсов из стран Центральной Азии. Указанные вопросы были в основном разрешены. Китай начал получать требуемые ресурсы сперва в рамках ШОС, а затем и через проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП). ОПОП как основной инструмент китайской дипломатии также стал одним из приоритетных направлений сотрудничества и в рамках ШОС. Как было отмечено ранее, «организация мыслилась как первый для Китая опыт создания институционального кондоминиума в отдельном регионе в партнерстве с другим крупным игроком» [Gabuev, 2017]. Тем не менее Китай сделал для развития ШОС больше остальных в политическом и экономическом плане, что само по себе подкрепляет необходимость дальнейшего развития организации; ШОС для Китая является первым и во многом уникальным инструментом реализации собственных интересов в Центральной Азии и за ее пределами [Huasheng, 2013, р. 436].

Позиция относительно расширения ШОС

До принятия Индии и Пакистана в состав ШОС Китай выдвигал следующие возражения относительно принятия Индии в ряды членов организации: во-первых, Китай настаивал на том, что страны-члены не должны иметь территориальных претензий друг к другу, тогда как между Китаем и Индией такие противоречия имеют место; во-вторых, принятие новых стран в состав ШОС не должно идти вразрез с решениями Совета Безопасности ООН, тогда как Индия и Пакистан создали собственное ядерное вооружение, не будучи членами Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Компромисс был достигнут на саммите в Ташкенте (2016 г.) благодаря России,

которая стремилась к принятию новых членов в интересах укрепления собственных позиций после событий в Крыму. Как следствие, Китай решил поддержать вступление Пакистана в качестве противовеса Индии.

После создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и запуска инициативы ОПОП необходимость в создании общерегиональной финансовой структуры с участием китайского капитала отпала сама собой и Китай одобрил вступление в ШОС Индии одновременно с Пакистаном. Тем не менее, согласно заявлениям китайских дипломатов, Пекин отдает себе отчет в том, что противоречия между Индией и Пакистаном могут парализовать работу ШОС [Gabuev, 2017].

Экономические интересы

В настоящий момент основным приоритетом Китая является углубление экономической интеграции в рамках ОПОП. Если в 2010 г. Китай продвигал идею создания Банка развития ШОС и зоны свободной торговли ШОС, то после запуска ОПОП в 2013 г. новая инициатива заняла место приоритетного проекта регионального экономического сотрудничества, заменив механизмы ШОС. Страны Центральной Азии, зависящие от китайских инвестиций, также заинтересованы в развитии экономического сотрудничества в рамках ОПОП. Все страны – члены ШОС, за исключением Индии, участвовали в глобальном саммите ОПОП в мае 2017 г., который Индия бойкотировала. Тем не менее все остальные члены ШОС поддерживают инициативу ОПОП и со-прожжение ОПОП и ШОС.

Интересы в сфере безопасности

Безопасность и региональная стабильность являются приоритетом для Китая. Синьцзян-Уйгурский автономный район, известный размахом уйгурского сепаратизма и движением за создание «Восточного Туркестана», представляет основную угрозу безопасности для западных регионов КНР. Участвуя в работе таких механизмов, как РАТС, Китай поддерживает стабильность в западной части страны. Пекин видит себя в качестве альтернативного центра силы в Евразии, а ШОС выступает в рамках данной концепции в роли основного инструмента реализации стратегических интересов Китая в Евразии и укрепления региональной безопасности [Lanteigne, 2018, p. 132].

Россия

Для России ШОС является своего рода антизападным объединением, которое служит платформой для распространения российского влияния в Евразии при поддержке ведущих региональных игроков. М. Конаровский [Konarovskiy, 2016] утверждает, что внутри ШОС сложилось некое неофициальное распределение обязанностей в Азиатском регионе: Россия обеспечивает безопасность, в том числе при помощи механизмов Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), тогда как Китай отвечает за развитие экономического сотрудничества. Страны Центральной Азии, в свою очередь, имеют возможность лавировать между центрами силы исходя из собственных интересов и тем самым поддерживают подобное разделение полномочий между ведущими державами.

Географическое положение Центральной Азии является одним из столпов российской «политики соседства», а ШОС выступает в качестве одной из платформ, служащих для поддержания традиционной лидерской роли России в регионе. «Мо-

сква отдает себе отчет в том, что Россия не обладает достаточным финансовым и политическим потенциалом для противостояния растущему влиянию Пекина... многие характерные черты политики России в ШОС показывают, что Кремль стремится предотвратить превращение ШОС в инструмент продвижения китайских интересов в Центральной Азии» [Facon, 2013]. Так или иначе, стратегические интересы России в восточных и южных регионах объясняются стремлением обеспечить сохранение статуса страны в качестве ведущего игрока в ШОС [Konarovskiy, 2016]. Российские власти предпринимают попытки построить в Евразии геоэкономическую базу для «неамериканского мира» через механизмы Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ШОС, усилиями стратегического треугольника Россия – Индия – Китай, а также при помощи партнеров по БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) [Lousianin, 2017].

Позиция относительно расширения ШОС

Россия всегда была заинтересована в увеличении «веса» ШОС в региональных вопросах и углублении взаимодействия внутри организации наряду с поддержкой идеи о расширении состава ее членов. После обострения отношений с Западом и в свете ожидаемых трудностей в региональном и глобальном развитии восточный вектор внешней политики России приобрел для Москвы особое значение [Konarovskiy, 2016]. Президент России В. Путин заявил, что расширение ШОС «открывает дополнительные возможности активнее влиять на процессы в нашем общем регионе и на международной арене в целом» [Абдурасулов, 2017]. На саммите в Душанбе (2014 г.) Россия активно настаивала на том, чтобы окончательно определить порядок включения новых стран в состав ШОС, а в ходе своего председательства в ШОС в 2014–2015 гг. запустила процесс расширения, предоставив статус наблюдателей Белоруссии, Азербайджану, Армении и Камбодже; Непал получил статус партнера по диалогу. Одновременно начался процесс принятия Пакистана в состав членов ШОС [Konarovskiy, 2016]. Поддерживая расширение организации, Россия и Китай пытались увеличить свое влияние на традиционных партнеров: Россия поддерживает дружеские отношения с Индией, а Пакистан является стратегическим партнером Китая. Со временем войны в Афганистане Россия не поддерживает близких контактов с Пакистаном, потому что последний был главным спонсором движения афганских моджахедов.

Немаловажно и то, что президент В. Путин поддерживает вступление Ирана в ШОС, что может еще больше усложнить повестку организации. Принимая во внимание текущий прогресс в развитии ядерной программы Ирана и враждебную позицию США в отношении Ирана, вступление страны в состав членов ШОС еще больше усиливает неблагожелательное отношение Запада к ШОС [Lanteigne, 2018, p. 125].

Экономические интересы

Россия – третий в мире добывчик и второй по значимости экспортёр нефти и газа. Российские запасы нефти являются седьмыми в мире по уровню разведанных запасов, а по запасам природного газа Россия находится на первом месте. Следовательно, стратегия России в ШОС обусловлена особой ролью энергетического сектора, что стало очевидным после предложения президента В. Путина о создании Энергетического клуба ШОС в 2006 г. Данное предложение было воспринято как инструмент реализации российской долгосрочной стратегии, направленной на обеспечение стабильного притока средств, необходимых для восстановления российского потенциала и положения в мире [Ваэзи, 2018].

Необходимо отметить, что в 2010 г. Россия наложила вето на предложение Китая по созданию Банка развития ШОС, равно как и Зоны свободной торговли ШОС, из-за обеспокоенности экономическим потенциалом Китая. Москва потребовала присоединения к Евразийскому банку развития со штаб-квартирой в Алматы, где Россия и Казахстан контролируют 65,97 и 32,99% долей соответственно. Очевидно, что Китай не согласился на данное требование, потому что ему важно обладать долей в соответствии с размером ВВП, которая составила бы порядка 80%. После создания АБИИ в 2014 г. Китай более не нуждался в создании специальных финансовых механизмов в рамках ШОС [Там же].

С точки зрения регионального сотрудничества Россия заинтересована в сопряжении ЕАЭС и ОПОП. Китай, с другой стороны, поддерживает предложение России о создании Большого Евразийского партнерства ШОС, ЕАЭС и АСЕАН. В то же время члены организации обсуждают проект по торговому и коммерческому сотрудничеству между ЕАЭС и ШОС на основе технико-экономических обоснований министерств экономического развития России и Китая [Korostikov, Chernenko, 2017].

Интересы в сфере безопасности

Россия с ее опытом взаимодействия со странами Центральной Азии, в которых расположены российские военные базы и с которыми налажено тесное сотрудничество в области безопасности через механизмы ОДКБ, считается гарантом безопасности в регионе. Угрозы национальной безопасности России исходят с запада, востока и юга. Механизмы ШОС обеспечивают поддержание безопасности на востоке, а на юге эту функцию берет на себя ОДКБ. Вместе эти механизмы обеспечивают стабильность юго-восточных регионов России [Xing, 2017].

На саммите в Уфе в 2015 г. Россия предложила сформировать полноценный альянс для противостояния любым формам «цветных революций» в будущем в странах Евразии, однако эта идея была холодно воспринята в Пекине. В целом необходимо отметить, что в евразийской политике «Москва по-прежнему ведет себя с позиции “большого брата”» [Lanteigne, 2018, p. 128].

Индия

Индия, получив статус полноценного члена ШОС, повысила свою значимость в Евразийском регионе. Долгое время Индия находилась «на скамейке запасных» в отношении влияния на ситуацию в Западной и Центральной Азии [Roy, 2012, p. 648]. Приоритет Индии в ШОС – выстраивание связей между Центральной и Южной Азией. Учитывая, что государственная компания ONGS Videsh Limited дважды (в 2005 и 2013 гг.) не смогла войти в состав дольщиков в проектах по добыче газогидратов месторождений Кумколь и Кашаган в Казахстане из-за того, что первенство было отдано китайской CNPC, развитие энергетического сотрудничества также входит в список интересов Индии в Центральной Азии. Таким образом, для Индии в рамках ШОС приоритетными направлениями сотрудничества являются выстраивание торговых и транспортно-логистических связей наряду с поиском способов коллективного противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам.

Индия рассматривает ШОС в качестве диалоговой платформы регионального экономического сотрудничества наряду с вопросами безопасности. Индия заинтересована в глубоком и постоянном взаимодействии со странами Центральной Азии. Кроме

того, вызовы безопасности, возникающие в регионе АфПак, также входят в число приоритетных для Индии тем в рамках повестки ШОС.

Позиция относительно расширения ШОС

Индия балансирует между Китаем и Россией и играет роль регионального союзника США. С этой точки зрения Индия уравновешивает недоброжелательное отношение Запада к ШОС, несколько слаживая антиамериканские настроения других стран-членов. Вступление Индии в ШОС способствует смещению фокуса внешней политики страны с Запада на Россию и страны Азии. Кроме того, с принятием Индии в ШОС завершилась институционализация стратегического треугольника Россия – Индия – Китай в рамках организации [Lousianin, 2017]. Индия и Пакистан долго имели статус стран-наблюдателей при ШОС. Опыт подобного взаимодействия показывает, что Индия и Пакистан способны избегать конфронтации. Тем не менее проблемы двустороннего взаимодействия не единственный повод для беспокойства. Пакистан отказывается обмениваться с Индией информацией о перемещениях боевиков, что может стать одним из ключевых вызовов, для противодействия которому придется приложить усилия России и Китаю [Коростиков, 2017].

Экономические интересы

С точки зрения Индии наличие платформы в Центральной Азии очень желательно, так как она обеспечивает доступ к крупным проектам в сфере газо- и нефтедобычи. Индия может удовлетворить свои потребности в энергетических ресурсах, если будут реализованы проект трубопровода ТАПИ (Туркмения, Афганистан, Пакистан, Индия), трубопровода ИПИ (Иран – Пакистан – Индия) или трубопровода CASA-1000 (Энергетический проект Центральная Азия – Южная Азия), которые в настоящий момент заблокированы Пакистаном [Desai, 2017]. Кроме того, страны региона получат определенные выгоды при реализации проекта Международного транспортного коридора Север – Юг, объединяющего морские, железнодорожные и автомобильные транспортные сети Индии, России, Европы и Центральной Азии. Наряду с коридором Север – Юг, реализация транспортного коридора «Чехбехар» также может существенно расширить доступность центральноазиатских и российского рынков для потребителей из Индии.

В то же время вступление Индии в ШОС может препятствовать реализации проектов экономического партнерства в рамках ОПОП. Китай осуществляет реализацию проекта Экономического пояса нового Шелкового пути (ЭПШП) в рамках ШОС, тогда как Индия бойкотирует эту инициативу. Опасения Индии связаны с флагманским проектом ОПОП – экономическим коридором Китай – Пакистан, который должен пройти по территории спорного региона Кашмир. В случае, если Индия согласится на участие в данном проекте в рамках ОПОП, могут возникнуть угрозы ее суверенитету. Подобная ситуация складывается в отношении многостороннего проекта с участием Бангладеш, Китая, Индии и Мьянмы. Его реализация тормозится описанными выше опасениями Индии. В контексте стремления Индии развивать торговые отношения со странами Центральной Азии китайская инициатива ОПОП может расцениваться как препятствие.

Интересы в сфере безопасности

Важнейшим вопросом регионального сотрудничества является безопасность, и включение Индии в ШОС в качестве неотъемлемой части евразийской группировки безопасности может нейтрализовать центробежные силы, возникающие в результате деятельности религиозных экстремистских и террористических группировок [Roy, 2012, р. 648]. Кроме того, угроза, исходящая из региона АфПак, является проблемой для индийских политиков. Можно ожидать, что со вступлением Пакистана в ШОС коллективные усилия всех членов уменьшат уровень активности боевиков в Пакистане и стабилизируют безопасность в регионе.

Страны Центральной Азии

Страны Центральной Азии, занимающие центральное положение в повестке ШОС, обладают значительно меньшим уровнем политического влияния, но, с другой стороны, имеют свободу маневра в отношениях с ведущими державами при реализации собственных интересов. Государства Центральной Азии с большим энтузиазмом относятся к региональным проектам Китая, которые очень важны для развития их экономик, в то же время стараясь поддерживать добрососедские отношения и с Китаем, и с бывшими советскими республиками. Следовательно, эти страны рассматривают ШОС как инструмент усиления собственного стратегического потенциала посредством углубления взаимодействия с региональными игроками. Страны Центральной Азии поддерживают деятельность ШОС в области региональной безопасности, а также участвуют в работе РАТС. С одной стороны, они признают исторически обусловленное лидерство России в международных делах региона, а с другой – pragmatically подходят к развитию всесторонних и близких отношений с Китаем, а также одобрили вступление в ШОС Пакистана и Индии. Все страны из указанной группы изначально поддерживали идею о расширении, что было наглядно доказано на примерах председательств Узбекистана и Казахстана. С точки зрения экономического сотрудничества все страны Центральной Азии активно поддерживают проекты в рамках ОПОП и к настоящему моменту уже скорректировали собственные планы долгосрочного развития в соответствии с выдвинутыми проектами, а также стремятся привлечь еще больше инвестиций из Китая. Кроме того, Казахстан и Киргизия, будучи членами ЕАЭС, поддерживают инициативу России по сопряжению ШОС, ЕАЭС и АСЕАН.

Вероятные сценарии дальнейшего развития

После принятия процедур и стандартов, в дополнение к установлению процедур для принятия новых членов, Индия и Пакистан подписали около 40 документов. Они также согласились, что официальными языками ШОС станутся китайский и русский; английский язык был утвержден в качестве дополнительного рабочего языка. В самом деле, после вступления Индии и Пакистана ШОС как организация совершенно изменилась.

Новости о расширении ШОС нередко сопровождаются критикой относительно эффективности будущей деятельности организации, обусловленной ее кризисом идентичности. Тем не менее, согласно мнению Чо, в случае, если организация успешно справляется с подобным кризисом, она выходит на новый уровень своего развития.

Анализ позиций и интересов стран-членов и особенности геополитической среды, в которой существует ШОС, позволяют утверждать, что данная международная ор-

ганизация проходит период трансформации идентичности, что и привело к кризису ее институциональных механизмов. Следовательно, с учетом того, что ШОС вступила в период «зрелости», но еще не состоялась как полноценная международная организация, несколько факторов продолжают оказывать влияние на формирование ее идентичности.

Важнейшим фактором является геополитический фокус ШОС. Если ранее (до расширения) ШОС выполняла роль механизма взаимодействия стран Центральной Азии с Китаем и Россией, то после вступления Индии и Пакистана расширилось поле деятельности организации. Для Китая, Индии и Пакистана ШОС стала незаменимым инструментом воздействия на ситуацию в Центральной Азии и даже за ее пределами, тогда как Россия рассматривает ШОС в большей степени как инструмент расширения влияния на Евразийский регион в целом.

После расширения состава членов Индия может рассматриваться в качестве балансира региональных амбиций Китая и России. Спекуляции относительно соперничества России и Китая постепенно уйдут в прошлое по мере того, как новые противоречия между Китаем и Индией или Индией и Пакистаном выйдут на передний план. Уровень реального участия стран Центральной Азии будет снижаться на фоне роста соперничества ведущих игроков.

В этой связи существует риск, что ШОС превратится в некий церемониальный орган. Учитывая существенные различия между интересами ведущих членов ШОС относительно целей и задач деятельности организации, данная международная организация может деградировать до уровня регулярных, но бессмысленных с точки зрения практических результатов саммитов и встреч, в пользу чего говорит ряд факторов.

Вероятно, в ближайшее время ШОС столкнется с «институциональным тупиком» из-за невозможности обеспечить принятие решений. Тем не менее в процессе реформирования ШОС может отказаться от принципа консенсуса, что позволит инициировать совместные инициативы даже в случае, если отдельные страны-члены откажутся принимать в них участие. Иллюстрацией «институционального тупика» может служить нежелание российского руководства участвовать в реализации проекта по созданию Банка развития ШОС – Россия в одиночку оказалась способной остановить развитие финансовых институтов организации, предназначенных для усиления экономического потенциала стран-членов. В случае с Индией и Пакистаном может произойти нечто подобное – право вето все еще предусмотрено правилами ШОС. Следовательно, существует риск возникновения тупиковой ситуации, в которой принятие решений становится невозможным.

Еще одним препятствием является недостаточная эффективность Секретариата ШОС. Существует выраженная потребность в усилении роли и независимости данного органа, члены которого более подотчетны своим внешнеполитическим ведомствам, нежели самой организации. В дальнейшем это также может создать трудности в функционировании ШОС.

Разность подходов к определению «трех зол» – терроризма, экстремизма и сепаратизма – и, как следствие, к формулированию стратегии противодействия данным вызовам, также является поводом для беспокойства. Противоречия наблюдались во время российской контртеррористической операции на Северном Кавказе в начале 2000-х годов, а также в 2008 г. после решения Москвы о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, которое не встретило поддержки за рубежом. Интеграция Крыма в состав России в 2014 г. стала еще более наглядной иллюстрацией разности подходов к определению сепаратизма. Кроме того, что некоторые члены ШОС рассматривают как проявление сепаратизма или политического экстремизма, другие расценивают как

правомерную борьбу этнических меньшинств за свои права [Kortunov, 2018]. Нельзя исключать и опасность того, что вступление в ШОС Пакистана снизит эффективность антитеррористической деятельности организации. Китай последовательно блокирует решения Совета Безопасности ООН по вопросу террористических групп, базирующихся в Пакистане. Будет ли Китай придерживаться этой позиции, если обвинения в адрес Пакистана последуют со стороны Индии или России?

Страны – члены ШОС должны избегать поляризации или неформальной разбивки на группы по интересам, например, Пакистан – Китай или Россия – Индия. В такой ситуации проигрывает и организация, и ее страны-члены [Lousianin, 2017].

Тем не менее необходимо отметить положительные результаты решений, принятых на базе ШОС и РАТС. Подписанные в 2018 г. на саммите в Циндао Программа сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2019–2021 гг. и Антинаркотическая стратегия государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на 2018–2023 гг. являются хорошей иллюстрацией потенциала организации в сфере противодействия традиционным и нетрадиционным вызовам.

Следовательно, в настоящий момент главная задача ШОС заключается в реализации потенциальных возможностей, создаваемых расширением состава членов, путем укрепления своих институциональных механизмов и наращивания влияния в мире. С учетом возможностей и вызовов, возникших вследствие структурной трансформации ШОС и ее целей, новая идентичность ШОС все еще опирается на ее ключевые характеристики:

- Основой ШОС по-прежнему является концепция Шанхайского духа – взаимное доверие, взаимная выгода, уважение к цивилизационным различиям и совместное развитие. Сторонники Шанхайского духа последовательно поддерживали стремление к pragматичному сотрудничеству и могли бы еще больше повысить роль ШОС в качестве интегратора на более широком евразийском пространстве. Можно ожидать, что ШОС станет платформой для обсуждения основных глобальных проблем в соответствии с указанными принципами.
- Учитывая, что Китай и Индия своим развитием обеспечили сдвиг глобализации в сторону Азии и на развивающиеся государства, ШОС может стать альтернативной платформой для обсуждения основных глобальных проблем с использованием новых форм многосторонности. Теперь в ШОС входят восемь членов, четыре страны-наблюдателя (Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия), шесть партнеров по диалогу (Армения, Азербайджан, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка) и 10 кандидатов-наблюдателей (Бахрейн, Бангладеш, Египет, Ирак, Израиль, Мальдивы, Катар, Сирия, Украина и Вьетнам) [Kortunov, 2018]. То есть 28 стран с формирующимся рынком участвуют в деятельности ШОС. Следовательно, с подачи основных держав ШОС может стать платформой для обсуждения путей либерализации незападных структур, а также внести свой вклад в развитие развивающегося мира.
- Более того, ШОС может стать интегратором региональных институтов. Члены ШОС входят в советы многих региональных структур, в том числе БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, «Группы двадцати» и др. ОПОП и АБИИ, возглавляемые Китаем, в дополнение к БРИКС и Новому банку развития БРИКС, бросают вызов существующей системе, возглавляемой Вашингтоном. Таким образом, ШОС может стать пионером в создании незападной платформы глобального управления. Китай, вторая по величине экономика в мире с растущими глобальными амбициями, заинтересован в усилении

влияния ШОС, тогда как Россия рассматривает ШОС как альтернативную платформу для обсуждения Евразийской повестки. Следовательно, объединение России, Китая и Индии вместе с 24 другими заинтересованными сторонами, следующими Шанхайскому духу, может позволить ШОС занять эту нишу.

Заключение

Шанхайская организация сотрудничества, объединяя в своих рядах наиболее населенные и крупные государства, обладает огромным потенциалом для развития. Сейчас ШОС жизненно важно создать соответствующую структуру и эффективные механизмы для поддержания и реализации этого потенциала. По мере смещения центров силы в Азию и роста влияния Евразии в процессе глобализации члены ШОС стремятся представить миру новую повестку с выраженной азиатской спецификой.

Несмотря на имеющийся потенциал, дальнейшее расширение ШОС в условиях сложившегося географического и политического ландшафта связано с рисками потери эффективности организации из-за наличия противоречий как между новыми, так и между прежними странами-членами. В статье анализировались траектории развития идентичности ШОС с учетом исторических и институциональных особенностей, а также geopolитической повестки ведущих стран. Мы попытались определить наиболее вероятные последствия трансформации ШОС с момента последнего расширения состава членов, которое вызвало кризис идентичности данной организации. Прогноз был составлен с учетом итогов анализа процесса и факторов формирования идентичности ШОС. В итоге можно сделать следующий вывод: согласно теории Чо, успешное разрешение кризиса идентичности окажет долгосрочное воздействие на стабильность и безопасность в регионе, а также на потенциал ШОС в исполнении принятых обязательств, преодолении будущих кризисов и поддержании отношений между странами-членами.

После усовершенствования институциональных механизмов коллективная воля и приверженность Шанхайскому духу могут стать главной силой ШОС. Возможность сбрасывать региональных и глобальных соперников за одним столом для обсуждения региональных проблем и развития самого региона – еще одна сильная сторона данной организации. Несмотря на некоторую противоречивость, нет сомнений в том, что ШОС предоставляет платформу для переговоров, основанных на принципах Шанхайского духа: «...взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение культурного разнообразия и стремление к совместному развитию. Управление общими проблемами в регионе, такими как угроза терроризма и сепаратизма, нестабильность в Афганистане и поддержание мира и спокойствия в приграничных регионах, где возникают мятежи, является еще одним смыслом существования организации». Важно, что механизм ШОС укрепляет коллективную борьбу с традиционными и нетрадиционными угрозами без обязательств по поддержке в военное время. Таким образом, если Шанхайский дух, гарантирующий суверенитет ее членов и позволяющий им развивать сотрудничество в рамках согласованных параметров, а не подробных кодифицированных руководящих принципов и положений, и впредь останется основой ШОС, организация станет мощной региональной структурой принятия решений.

ИСТОЧНИКИ

- Абдурасулов А. (2017) Россия и Китай расширяют ШОС, но используют его по-разному. BBC News. 9 июня. Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/features-40220593> (дата обращения: 14.03.2018).
- Ваэзи М. (2018) Цели и интересы Китая и России в ШОС / Центр стратегических оценок и прогнозов. 10 ноября. Режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/czeli-i-interesy-kitaya-i-rossii-v-shos-2093> (дата обращения: 14.03.2018).
- Дудина Г. и др. (2017) ШОС растет вширь и вдаль // Коммерсантъ. 22 апреля. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3280145> (дата обращения: 10.01.2018).
- Коростиков М., Черненко Е. (2017) Членство в ШОС – не приглашение на чай. Спецпредставитель президента РФ Бахтиер Хакимов о планах и проблемах Шанхайской организации сотрудничества // Коммерсантъ. 18 апреля. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3275166?from=doc_vrez (дата обращения: 10.01.2018).
- Коростиков М. (2017) Декларация вскочила в уходящий состав // Коммерсантъ. 8 июня. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3319743> (дата обращения: 12.03.2018).
- Син Л. (2017) Стратегия Китая и России в Шанхайской организации сотрудничества: сравнительный анализ // Сравнительная политика. Т. 8. № 2. С. 98–107. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107> (дата обращения: 28.10.2017).
- TASS (2017) Рашид Алимов: ШОС стала «большой восьмёркой». Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/interviews/4338862> (дата обращения: 28.10.2017).
- Allison R. (2004) Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia // International Affairs. Vol. 80. No. 3. P. 37–41. Режим доступа: <http://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x> (дата обращения: 14.03.2018).
- Aris S. (2009) A New Model of Asian Regionalism: Does the Shanghai Cooperation Organisation Have More Potential Than ASEAN? // Cambridge Review of International Affairs. Vol. 22. No. 3. P. 451–467. Режим доступа: <http://doi.org/10.1080/09557570903104040> (дата обращения: 14.03.2018).
- Akizhanov S. (2017) India and Pakistan Join the SCO: The Balance Is on the Side of the Optimists. Kazinform. 8 June. Режим доступа: http://www.inform.kz/ru/vstuplenie-indii-i-pakistana-v-shos-chasha-vesov-na-storone-optimistov_a3034410 (дата обращения: 14.03.2018).
- Cho S. (2007) Toward an Identity Theory of International Organisations // American Society of International Law Proceedings. No. 101. Режим доступа: https://works.bepress.com/sungjoon_cho/36/ (дата обращения: 30.05.2018).
- Cho S. (2014) An International Organization's Identity Crisis // Northwestern Journal of International Law & Business. Vol. 34. No. 3. P. 359–394. Режим доступа: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1768&context=njilb> (дата обращения: 30.05.2018).
- Chung C.P. (2006) China and the Institutionalization of the Shanghai Cooperation Organization // Problems of Post-Communism. Vol. 53. No. 5. P. 3–14. Режим доступа: <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216530501> (дата обращения: 30.05.2018).
- Consortium Codex (CNTD) (2003) Agreement on the Procedure for the Formation and Execution of the Budget of the Shanghai Cooperation Organisation. 29 May. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902025877> (дата обращения: 23.01.2018).
- Consortium Codex (CNTD) (2017) Agreement on the Formation and Implementation of the Budget of the Shanghai Cooperation Organisation. 1 December. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/542615412> (дата обращения: 23.01.2018).
- Desai S. (2017) India's SCO Challenge. The Diplomat. 5 December. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2017/12/indiass-co-challenge/> (дата обращения: 12.01.2018).
- Erikson E.H. (1968) Identity: Youth and Crisis. N.Y.: W.W. Norton Company.

- Facon I. (2013) Moscow's Global Foreign and Security Strategy: Does the Shanghai Cooperation Organisation Meet Russian Interests? // *Asian Survey*. Vol. 53. No. 3. P. 461–483. Режим доступа: <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.461> (дата обращения: 23.01.2018).
- Gabuev A. (2017) Bigger, Not Better: Russia Makes the SCO a Useless Club / Carnegie Moscow Center. 23 June. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/71350> (дата обращения: 22.03.2018).
- Gilpin R.G. (1984) The Richness of the Tradition of Political Realism // *International Organization*. Vol. 38. No. 2. P. 287–304. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2706441> (дата обращения: 22.03.2018).
- Helper L. (2006) Understanding Change in International Organizations: Globalization and Innovation in the ILO // *Vanderbilt Law Review*. Vol. 59. P. 649–726.
- Huasheng Zh. (2013) China's View of and Expectations From the Shanghai Cooperation Organization // *Asian Survey*. Vol. 53. No. 3. P. 436–460.
- Keohane R.O., Martin L.L. (1995) The Promise of Institutional Theory // *International Security*. Vol. 20. No. 1. P. 39–51. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2539214> (дата обращения: 22.03.2018).
- Konarovsky M. (2016) Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Some Elements of Strategy // *International Organisations Research Journal*. Vol. 11. No. 4. P. 149–161. Режим доступа: DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-149 (дата обращения: 22.03.2018).
- Kortunov A. (2018) SCO: The Cornerstone Rejected by the Builders of a New Eurasia? Russian International Affairs Council (RIAC). 16 May. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/sco-the-cornerstone-rejected-by-the-builders-of-a-new-eurasia/> (дата обращения: 10.08.2018).
- Lanteigne M. (2018) Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the “Crimea Effect”. *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation* / H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe (eds). Palgrave Macmillan.
- Lousianin S.G. (2017) Russia and China in the SCO 2017: Global and Regional Dimensions of Security. Security Issues Within the SCO. Ves' Mir Publishing.
- Oldberg I. (2007) The Shanghai Cooperation Organisation: Powerhouse or Paper Tiger? FOI: Swedish Defence Research Agency. Режим доступа: [https://www.researchgate.net/publication/265216976_FOI_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger](https://www.researchgate.net/publication/265216976_FOI_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger) (дата обращения: 22.03.2018).
- Roy M.S. (2012) India's Options in the Shanghai Cooperation Organisation // *Strategic Analysis*. Vol. 36. No. 4. P. 645–650. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09700161.2012.689534> (дата обращения: 22.03.2018).
- Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2017) The Shanghai Cooperation Organisation. Режим доступа: http://eng.sectsco.org/about_sco/ (дата обращения: 22.01.2018).
- Selznick P. (1949) *TVA and the Grass Roots: A Study in the Sociology of Formal Organization*. Berkeley: University of California Press.
- Sputnik International (2016) Shanghai Pact Anti-Terror Database Lists 2,500 Suicide Bombers, 69 Groups. 13 September. Режим доступа: <https://sputniknews.com/asia/201609131045248480-sco-rats-terrorism/> (дата обращения: 20.05.2019).
- Waltz K. (1979) *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
- Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. Vol. 88. No. 2. P. 384–396. Режим доступа: <http://doi.org/10.2307/2944711> (дата обращения: 28.10.2017).
- Wolf P. (1973) International Organization and Attitude Change: A Re-Examination of the Functional Approach // *International Organization*. Vol. 27. No. 3. P. 347–371. Режим доступа: <http://doi.org/10.1017/S0020818300003544> (дата обращения: 28.10.2017).

Exploring the Shanghai Cooperation Organisation's Identity Crisis: What is Next?^{1, 2}

A. Muratbekova

Albina Muratbekova — PhD, Researcher, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan; Eurasian Research Institute of the Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University; 29 Kurmangazy Str., Almaty, 050010, Kazakhstan; E-mail: albina.muratbek@gmail.com

Abstract

The granting of full membership to India and Pakistan transformed the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) into the world's largest trans-regional structure and changed the trajectory of regional cooperation. However, following the expansion of its initial Central Asian focus to the wider Eurasian region, the identity of the SCO has undergone several changes. This article argues that the SCO is in fact experiencing an identity crisis. The historical perspective and environmental background of the SCO are examined, allowing the author to characterize the unique identity of the SCO and the possible scenarios to resolve the ongoing identity crisis.

Key words: Shanghai Cooperation Organisation; China; Russia; India; identity crisis

For citation: Muratbekova A. (2019) Exploring the Shanghai Cooperation Organisation's Identity Crisis: What is Next? *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 138–160 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-07.

References

- Abdurasulov A. (2017) Rossia i Kitay rasshiryaut SHOS, no ispolzuyut ego po raznomu [Russia and China Expanded the SCO, But Use It in Different Ways]. BBC News, 9 June. Available at: <http://www.bbc.com/russian/features-40220593> (accessed 14 March 2018). (in Russian)
- Allison R. (2004) Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia. *International Affairs*, vol. 80, no 3, pp. 37–41. Available at: <http://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x> (accessed 14 March 2018).
- Aris S. (2009) A New Model of Asian Regionalism: Does the Shanghai Cooperation Organisation Have More Potential Than ASEAN? *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 22, no 3, pp. 451–67. Available at: <http://doi.org/10.1080/09557570903104040> (accessed 14 March 2018).
- Akizhanov S. (2017) India and Pakistan Join the SCO: The Balance Is on the Side of the Optimists. Kazinform, 8 June. Available at: http://www.inform.kz/ru/vstuplenie-indii-i-pakistana-v-shos-chasha-vesov-na-storone-optimistov_a3034410 (accessed 15 January 2018). (in Russian)
- Cho S. (2007) Toward an Identity Theory of International Organisations. *American Society of International Law Proceedings*, no 101. Available at: https://works.bepress.com/sungjoon_cho/36/ (accessed 30 May 2019).

---

¹ The editorial board received the article in September 2018.

² Acknowledgements: This work was written in the context of the PhD Support Programme “The EU, Central Asia and the Caucasus in the International System” (EUCACIS) of the Institut für Europäische Politik and Centre Internationale de Formation Européenne, funded by the Volkswagen Foundation and the Erasmus+ Programme of the European Commission. The author would like to thank Prof. Dr. Mathias Jopp for his comments and support in writing this paper.

- Cho S. (2014) An International Organization's Identity Crisis. *Northwestern Journal of International Law & Business*, vol. 34, no 3, pp. 359–94. Available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/view-content.cgi?article=1768&context=njilb> (accessed 30 May 2019).
- Chung C.P. (2006) China and the Institutionalization of the Shanghai Cooperation Organization. *Problems of Post-Communism*, vol. 53, no 5, pp. 3–14. Available at: <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216530501> (accessed 30 May 2019).
- Consortium Codex (CNTD) (2003) Agreement on the Procedure for the Formation and Execution of the Budget of the Shanghai Cooperation Organisation, 29 May. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902025877> (accessed 23 January 2018). (in Russian).
- Consortium Codex (CNTD) (2017) Agreement on the Formation and Implementation of the Budget of the Shanghai Cooperation Organisation, 1 December. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/542615412> (accessed 23 January 2018). (in Russian).
- Desai S. (2017) India's SCO Challenge. *The Diplomat*, 5 December. Available at: <https://thediplomat.com/2017/12/indias-sco-challenge/> (accessed 12 January 2018).
- Erikson E.H. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York: W.W. Norton Company.
- Facon I. (2013) Moscow's Global Foreign and Security Strategy: Does the Shanghai Cooperation Organisation Meet Russian Interests? *Asian Survey*, vol. 53, no 3, pp. 461–83. Available at: <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.461>.
- Gabuev A. (2017) Bigger, Not Better: Russia Makes the SCO a Useless Club. Carnegie Moscow Center, 23 June. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/71350> (accessed 22 March 2018).
- Galina Dudina A. et al. (2017) SHOS rastet vshir i vdal' [The SCO is Growing in Breadth and Distance]. *Kommersant*, 22 April. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3280145> (accessed 10 January 2018). (in Russian)
- Gilpin R.G. (1984) The Richness of the Tradition of Political Realism. *International Organization*, vol. 38, no 2, pp. 287–304. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2706441> (accessed 30 May 2019).
- Helfer L. (2006) Understanding change in international organizations: Globalization and innovation in the ILO. *Vanderbilt Law Review*, vol. 59, pp. 649–726.
- Huasheng Zh. (2013) China's View of and Expectations From the Shanghai Cooperation Organization. *Asian Survey*, vol. 53, no 3, pp. 436–60.
- Keohane R.O., Martin L.L. (1995) The Promise of Institutional Theory. *International Security*, vol. 20, no 1, pp. 39–51. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2539214> (accessed 30 May 2019).
- Konarovsky M. (2016) Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Some Elements of Strategy. *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no 4, pp. 149–61. Available at: DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-149. (in Russian)
- Korostikov M., Chernenko E. (2017) "Chlenstvo v SHOS ne priglashenie na chai." Specpredstavtel RF Bakhtier Khakimov o planah I problemah SHOS [Membership in the SCO Is Not an Invitation to Tea.] Special Representative of the Russian Federation Bakhtier Khakimov on the Plans and Problems of the SCO]. *Kommersant*, 18 April. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3275166?from=doc_vrez (accessed 10 January 2018). (in Russian)
- Korostikov M. (2017) The Declaration Jumped Into the Outgoing Composition. *Kommersant*, 8 June. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3319743> (accessed 12 March 2018) (in Russian).
- Kortunov A. (2018) SCO: The Cornerstone Rejected by the Builders of a New Eurasia? Russian International Affairs Council (RIAC). 16 May. Available at: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/sco-the-cornerstone-rejected-by-the-builders-of-a-new-eurasia/> (accessed 10 August 2018).
- Lanteigne M. (2018) Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the 'Crimea Effect.' *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation* (H. Blakely, E. Wilson Rowe (eds)). Palgrave Macmillan.

Lousianin S.G. (2017) Russia and China in the SCO 2017: Global and Regional Dimensions of Security. *Security Issues Within the SCO [Problemi obespecheniya bezopasnosti na prostranstve SHOS]* (S.G. Lousianin (ed.)). Ves' Mir Publishing.

Oldberg I. (2007) The Shanghai Cooperation Organisation: Powerhouse or Paper Tiger? FOI: Swedish Defence Research Agency. Available at: [https://www.researchgate.net/publication/265216976_FOI_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger](https://www.researchgate.net/publication/265216976_FOI_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger) (accessed 30 May 2019).

Roy M.S. (2012) India's Options in the Shanghai Cooperation Organisation. *Strategic Analysis*, vol. 36, no 4, pp. 645–50. Available at: <https://doi.org/10.1080/09700161.2012.689534> (accessed 30 May 2019).

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2017) The Shanghai Cooperation Organisation. Available at: http://eng.sectsco.org/about_sco/ (accessed 22 January 2018).

Selznick P. (1949) *TVA and the Grass Roots: A Study in the Sociology of Formal Organization*. Berkeley: University of California Press.

Sputnik International (2016) Shanghai Pact Anti-Terror Database Lists 2,500 Suicide Bombers, 69 Groups. 13 September. Available at: <https://sputniknews.com/asia/201609131045248480-sco-rats-terrorism/> (accessed 20 May 2019).

TASS (2017) Rashid Alimov: SHOS stal Bolshoi vosmerkoi [Rashid Alimov: The SCO Has Become the G-8]. Available at: <http://tass.ru/opinions/interviews/4338862> (accessed 28 October 2017).

Waltz K. (1979) *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Publishing Company.

Waazi M. (2018) Czeli i interesy Kitaya i Rossii v Shos [Aims and Interests of China and Russia in the SCO]. Center for Strategic Estimates and Predictions, 10 November. Available at: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitika/416/czeli-i-interesy-kitaya-i-rossii-v-shos-2093> (accessed 14 March 2018). (in Russian)

Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*, vol. 88, no 2, pp. 384–96. Available at: <http://doi.org/10.2307/2944711> (accessed 30 May 2019).

Wolf P. (1973) International Organization and Attitude Change: A Re-Examination of the Functional-ist Approach. *International Organization*, vol. 27, no 3, pp. 347–71. Available at: <http://doi.org/10.1017/S0020818300003544> (accessed 30 May 2019).

Xing L. (2017) Stretegiya Kitaya i Rossii v Shanhaiskoi Organizacii Sotrudnchestva: Sravnitelni analysis [The Strategy of China and Russia in the Shanghai Cooperation Organisation: A Comparative Analysis] *Comparative Politics Russia*, vol. 8, no 2, pp. 98–107. Available at: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107> (accessed 30 May 2019). (in Russian)

Экспертное мнение

ШОС и БРИКС: возможности и перспективы сопряжения¹

М.А. Конаровский

Конаровский Михаил Алексеевич – Чрезвычайный и Полномочный посол, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: makonarovsky@mail.ru

На фоне роста турбулентности и неопределенности нынешней стадии мирового развития возрастающую роль начинают играть региональные и трансрегиональные организации и объединения, в связи с чем возникает вопрос и об их взаимодействии на различных направлениях международной политики. К числу таких структур относятся ШОС и БРИКС. Исходя из их во многом совпадающих политической и экономической повесток дня и активного участия таких крупнейших государств мира, как Индия, Китай и Россия, обе имеют достаточно широкие перспективы для развития углубленного сотрудничества и взаимодействия в глобальном, а также в евразийском измерении. Объективные предпосылки для этого создаются начавшимся в последние годы взаимным движением в сторону выравнивания внешнеполитической составляющей деятельности БРИКС и внешнеэкономической – применительно к ШОС. При этом значительный импульс последнему был обеспечен за счет вступления в силу Евразийского экономического союза и движения в сторону реализации китайского проекта «Один пояс – один путь». Взаимное движение на встречу может быть реализовано в том числе за счет углубления и расширения взаимодействия не только на ежегодных встречах глав государств обеих организаций, но и путем проведения совместных саммитов и выработки «дорожной карты» соответствующего взаимодействия.

Вместе с тем на пути обеспечения определенной сопряженности в деятельности ШОС и БРИКС имеются и значительные объективные трудности, вызванные в том числе неоднородностью конкретных политических задач стран-участников на международной арене и их отношениями с ведущими государствами Запада.

Ключевые слова: ШОС; БРИКС

Для цитирования: Конаровский М.А. (2019) ШОС и БРИКС: возможности и перспективы сопряжения // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 161–171 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-08.

Обеспечение безопасности и создание благоприятных условий для экономического развития государств вне зависимости от их масштабов и политического веса на глобальном уровне – долговременный вызов всему мировому развитию. Эта повестка дня становится все более актуальной на фоне усугубляющейся турбулентности мировых и региональных процессов, обострения старых и расширения новых нетрадиционных вызовов, размывания основных принципов международного права и межгосудар-

¹ Статья поступила в редакцию в августе 2019 г.

ственных отношений, роста политического эгоизма, торгово-экономического протекционизма и т.д. В этой связи особую значимость приобретает наращивание предметного взаимодействия сил, не заинтересованных в приобретении этими тенденциями необратимого характера. Речь идет, прежде всего, не только об отдельных государствах, но и о значительно укрепляющихся в последние годы региональных и трансрегиональных объединениях, влияние которых на глобальные процессы становится все более ощутимым.

В этом же контексте вопросы взаимодействия и сопряжения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Межгосударственного объединения БРИКС актуальны не только в теоретическом, но и в практическом плане. Создание обеих структур было предопределено кардинальными изменениями и новыми стратегическими раскладами на международной арене после распада Советского Союза, став в том числе и ответом на новые мировые геополитические и геоэкономические реалии. На сегодняшний день ШОС и БРИКС, на долю которых приходится значительная часть территории и населения земного шара, а также совокупного мирового ВВП, являются крупнейшими трансрегиональными объединениями с участием двух постоянных членов Совета Безопасности ООН и половины мировых ядерных держав.

Создание ШОС стало продолжением достигнутых в конце 1990-х годов комплексных договоренностей о мерах доверия на общей границе между республиками евразийской части бывшего СССР (Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном) — с одной стороны, и КНР — с другой. Они же привели и к решению об объединении их коллективных усилий в направлении дальнейшего обеспечения безопасности в регионе. В практическом плане речь шла, прежде всего, о его центральноазиатском измерении, прямо затрагивающем также долговременные стратегические интересы России и Китая. В Декларации саммита «Шанхайской пятерки» (2000 г.) стороны заявили о готовности прилагать усилия по ее превращению в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах. В следующем году было объявлено о присоединении Узбекистана и о создании полноценной международной организации. Пройдя определенный этап становления, ШОС уже через десятилетие стала активно претендовать на то, чтобы стать платформой нового взаимодействия в регионе, строящегося на основе «Шанхайского духа»² как его политической идеологии.

Институциональное оформление Шанхайской организации продемонстрировало осознание ее инициаторами особого значения создания территории безопасности в центре Евразии на основе равноправного и постоянного диалога по наиболее важным международным темам, принятия согласованных решений по широкому кругу вопросов безопасности, поддержания мира, стабильности и обеспечения развития государств региона. Поэтому не случайно, что первым совместным документом ШОС стала Конвенция 2001 г. о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, за которой последовало утверждение Концепции соответствующего взаимодействия и создание Региональной антитеррористической структуры (РАТС)³. Вступление в ШОС в 2017 г.

² Принципы «Шанхайского духа» включают «взаимное доверие и взаимную выгоду, консультации, безусловное равенство, уважение многообразия культур и стремление к совместному развитию». См.: [ШОС, 2015].

³ В соответствии с Соглашением между государствами — членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре от 7 июня 2002 г., она предназначается «для содействия координации и взаимодействия компетентных органов Сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (ст. 4) на основе сбора соответствующей информации, оформления банка данных, разработки предложений о развитии соответствующего сотрудничества между членами ШОС (ст. 6), поддержания контактов с международными организациями аналогичного профиля (ст. 8) и т.д. [РАТС ШОС, п. д.].

Индии и Пакистана значительно укрепило как евразийский, так и общий геополитический статус «восьмерки», что дало основание президенту России В. Путину указать уже на глобальный характер этой организации⁴.

Что касается создания в 2009 г. БРИК, позднее (в 2011 г.) ставшей БРИКС, то оно в значительной степени было предопределено мировым экономическим кризисом конца первого десятилетия нынешнего века, отразившим хрупкость традиционных мировых финансово-экономических структур в новых условиях международного развития и необходимость кардинальных изменений на этом направлении. Поэтому магистральная направленность деятельности БРИКС отразилась в преимущественном внимании именно к вопросам глобальной экономики, хотя в документах объединения не могли не быть затронуты и тесно связанные с ней наиболее чувствительные политические проблемы современности. Важнейшим достижением БРИКС стало создание ряда значимых совместных экономических институтов, а в 2014 г. – Нового банка развития с задачей финансирования инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития как в странах – членах объединения, так и в развивающихся странах, а также Пула условных валютных резервов. За сравнительно короткий, десятилетний, период Объединение достигло значительных успехов (в частности, запущено 35 инвестиционных проектов НБР на сумму более 9 млрд долл. США), что было специально отмечено в Декларации саммита БРИКС 2018 г.⁵

Важнейшим объединительным элементом БРИКС и ШОС является участие в них государств, не придерживающихся (полностью или частично) западных позиций на существование всего комплекса сегодняшних мировых политических и экономических проблем и во многом выдвигающих альтернативную международную повестку дня. При этом такие три крупнейшие мировые державы, как Китай, Россия и Индия, в значительной мере определяют геополитический фон всей деятельности как ШОС, так и БРИКС. Эти обстоятельства создают объективные предпосылки для сопряжения двух структур во всех эволюционирующих измерениях их деятельности – политическом, экономическом и культурно-гуманитарном, в том числе в рамках принципа «аутрич» (outreach), активно взятого на вооружение БРИКС⁶. В осмыслении перспектив сотрудничества между ШОС и БРИКС на международной арене весомую дополнительную роль может сыграть и консультативный механизм РИК (Россия, Индия, Китай), участники которого одновременно формируют важнейшие несущие конструкции обеих структур.

ШОС и БРИКС строят свою деятельность на основе уважения принципов международного права и ведущей координирующей роли ООН в мировых делах, на основе неприемлемости решений взаимных проблем силовыми методами, любых форм вмешательства во внутренние дела, экономического и санкционного давления и т.д. Они исходят из принципа неделимости безопасности и того, что ни одна страна не может укреплять собственную безопасность за счет безопасности других. Важнейшим элементом совпадающих подходов к международным делам является их активная привер-

⁴ См.: Интервью В.В. Путина Медиакорпорации Китая. 6 июня 2018 г. Режим доступа: www.Kremlin.ru/events/president/news/57684 (дата обращения: 01.11.2019).

⁵ Вопрос же о создании Банка развития ШОС или иного механизма для финансирования возможных хозяйственных проектов по линии Организации (что создало бы основу для реализации заложенной в ее Хартии экономической составляющей) не решен до настоящего времени и продолжает заметно тормозить развитие этого направления деятельности «восьмерки». На общее положение дел какого-либо значительного влияния не оказывало и созданное в ее рамках Межбанковское объединение.

⁶ См.: [Толорая, 2015, с. 101].

женность становлению более представительного, равноправного и справедливого мирового порядка, готовность противостоять общим традиционным и нетрадиционным вызовам безопасности. Обе структуры придерживаются симметричных позиций по разоруженным вопросам, выступают за исключительно мирное использование космического пространства, поддерживают ключевую роль Конференции ООН по разоружению. Решительно осуждая терроризм во всех его проявлениях, они высказываются за объединение усилий по борьбе с этим злом под эгидой ООН, на основе прочной международно-правовой базы и комплексного подхода.

В числе новых глобальных вызовов важнейшее место БРИКС и ШОС уделяют оценке и озабоченности по многим проблемным точкам региональной политики, в том числе на Ближнем Востоке и в Северной Африке; выступают за политическое урегулирование в Сирии и запуск мирного процесса в Афганистане; поддерживают необходимость выполнения всеми сторонами Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе; позитивно оценивают намечающиеся скромные подвижки по денуклеаризации Корейского полуострова и т.д. В числе новых глобальных вызовов важнейшее место БРИКС и ШОС уделяют проблематике кибербезопасности и значению разработки под эгидой ООН правил, норм и принципов поведения в информационном пространстве, подчеркивают важность международного сотрудничества в борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в террористических и иных преступных целях.

В области международных экономических отношений они выражают озабоченность побочными негативными последствиями макроэкономической политики ряда крупных развитых экономик, выступают за укрепление глобальной системы финансовой безопасности, подчеркивают значение открытой мировой экономики, направленной на обеспечение устойчивого развития и процветание всех стран, являются твердыми сторонниками прозрачности и недискриминационного характера многосторонней торговой системы, поддерживают центральную роль в ней ВТО. В этом контексте для обеих структур принципиально важными являются и базовые изменения в geopolитической структуре мировой экономики и международного разделения труда в сторону Азии и Азиатско-Тихоокеанского бассейна, что является дополнительным стимулом к осмыслению новых идей и механизмов глобального управления⁷. При этом такие ключевые государства ШОС и БРИКС, как Россия, Китай и Индия, путем объединения усилий в развитии торгово-экономических связей не только между собой, но и в рамках названных трансконтинентальных объединений способны сыграть серьезную новаторскую роль на данном направлении⁸.

Совпадают и политico-идеологические принципы построения взаимоотношений внутри каждой из структур: равноправие, уважение суверенитета, своеобразия и специфики каждого члена объединения, взаимная выгода, отказ от конфронтационных подходов и т.д. [Бурых, 2015]. Заметное место в деятельности как БРИКС, так и ШОС занимает культурно-гуманитарная сфера (запущены проекты сетевых университетов, работают Форум ШОС и Совет экспертических центров БРИКС; проводятся встречи по

⁷ См.: [Барановский, Иванова, 2015, с. 315].

⁸ Так, Китай и Индия имеют широко разветвленную систему хозяйственных связей с африканскими государствами. К наверстыванию в свое время упущенное здесь возможностей в последние годы активно стремится и Россия, в том числе через организацию форума «Россия – Африка». На основе правительенного «Документа о политике Китая в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна» от 2008 г. КНР активно развивает отношения, в том числе экономические, с членом БРИКС Бразилией. Россия также активно вовлечена в процессы, протекающие в Латинской Америке и т.д.

линии молодежных, женских и спортивных, туристических организаций, уделяется возрастающее внимание организации фестивальной деятельности и т.д.). Это обеспечивает широкие возможности для развития углубленного межцивилизационного диалога между представленными в БРИКС и ШОС государствами. Достаточная гибкость и открытость обеих структур, их стремление к развитию контактов как с другими международными объединениями, так и с отдельными государствами также создают дополнительные возможности для взаимного сближения.

Особо примечательным фактором последних лет является рост тенденции к постепенному выравниванию значимости политического и экономического направлений в деятельности обеих организаций. В практической деятельности ШОС расширяется экономическая составляющая, а вопросы безопасности становятся все более выпуклыми в последних документах БРИКС. При этом соответствующий рубеж таких изменений (2013–2015 гг.) обе стороны пересекли, по существу, одновременно. В этом смысле для ШОС, как представляется, переломным моментом стало выдвижение Пекином мегапроекта «Один пояс – один путь» (ОПОП) и завершение работы над созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Активизация в тот же период политической составляющей в повестке дня БРИКС проявилась в ее реакции на обострение кризисных явлений в мире и регионе⁹. Устойчивое повышение роли БРИКС в решении острых вызовов и угроз международному миру и безопасности, включая урегулирование кризисных ситуаций в различных регионах, констатировали лидеры БРИКС и на встрече в Осаке в нынешнем июне [Президент России, 2019]. В экспертном сообществе высоко оцениваются возможности укрепления политической составляющей в рамках БРИКС и экономической – у ШОС. По мнению российских исследователей, региональное сотрудничество в рамках ШОС, дополняемое трансконтинентальным взаимодействием в рамках БРИКС, в частности, «позволяет увидеть контуры возможной... общей... парадигмы транспортно-экономической деятельности в Евразии как основы евразийской интеграции» [Юртаев, Рогов, 2017, с. 478]. Такой тренд, безусловно, способствовал бы и их большему сопряжению в целом, а также тесной концептуальной и практической координации всех направлений политики двух структур.

Серьезный задел во взаимном встречном движении ШОС и БРИКС был сделан летом 2015 г. в Уфе, где «на полях» их саммитов (проходивших практически одновременно) состоялась встреча руководителей государств – членов двух объединений. Такой формат создал предпосылки для начала конкретного взаимодействия между БРИКС и ШОС и определенного совмещения форматов обеих структур [Толорая, 2015, с. 101]. В конкретном измерении хорошей новостью стала также практика закрепления (также начиная с 2015 г.) контактов по линии Деловых советов БРИКС и ШОС и организация ежегодных Форумов малого бизнеса, которые становятся перспективной площадкой для их предметного диалога с исполнительной властью. Началу более заметного взаимного движения на экономическом треке мог бы серьезно способствовать растущий интерес БРИКС к тематике Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и к китайской инициативе «Один пояс – один путь» (ОПОП)¹⁰, то есть к кругу вопросов, который постепенно становится доминирующим и на экономическом треке деятельности ШОС. При этом Москва исходит из того, что ОПОП перекликается с российским проектом Большой Евразии, который предполагает «интеграцию интеграций», то есть тесное сопряжение идущих в мегарегионе двусторонних и многосторонних интеграционных

⁹ См.: [Торопчин, 2017, с. 175–176].

¹⁰ Это нашло отражение и в обсуждении на саммите БРИКС 2018 г. в том числе совместного развития инфраструктуры ЕАЭС и ОПОП за счет участия инвесторов и фондов БРИКС.

процессов¹¹. Таким образом, и сотрудничество между ШОС и БРИКС могло бы стать важным элементом налаживания постепенного многостороннего интеграционного процесса не только в Евразии, но и в более широком контексте.

На фоне активизации Антитеррористической структуры ШОС, ко взаимодействию с которой активно подключаются и новые члены данной организации, а также ее партнеры по диалогу, постепенно регламентирует деятельность и Рабочая группа БРИКС по антитеррору (РГАТ). Соответственно, могли бы быть инициированы совместные шаги для налаживания связей на этом важнейшем участке современной международной политики на основе рамочного документа с последующей выработкой алгоритмов необходимого взаимодействия. Как в ШОС, так и в БРИКС растет внимание и к такой комплексной сфере, как международная информационная безопасность, в связи с чем в последнее время углубляется повестка дня в соответствующих рабочих группах обеих структур.

Задача расширения международных контактов ШОС была провозглашена в рамках намеченных на саммите 2015 г. «Основных направлений» ее деятельности до 2025 г., а возможность «вступать во взаимодействие и диалог... с другими государствами и международными организациями, а также предоставлять... статус партнера по диалогу или наблюдателя» предусмотрена в Хартии ШОС [Президент России, 2002]. Уже сейчас она активно взаимодействует с ООН и рядом ее ведущих структур, в том числе ЭСКАТО и УНП, имеет документы о налаживании контактов с АСЕАН, СНГ, ОДКБ, а недавно были подписаны меморандумы о взаимодействии с ЮНЕСКО и МККК. Весьма важным элементом «Основных направлений» стало и подтверждение значимости дальнейшего углубления как торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия, так и совместной проектной деятельности государств-членов [ШОС, 2015].

Что касается непосредственного расширения ШОС и БРИКС, то в настоящее время они вряд ли готовы к принятию новых членов. Основная причина такого положения дел, как представляется, лежит в плоскости опасений за их возможный внутренний политический «перегрев». Достаточные основания имеются и для обеспокоенности возможностью «утяжеления» бюрократических и политических структур в ущерб оперативной выработке скоординированных решений. На подходах государств-членов к возможностям расширения не может не сказываться и дальнейший рост различных неопределенностей на мировой арене. Что касается конкретно ШОС, то ей еще предстоит окончательно выработать критерии и стратегию своего дальнейшего расширения и развития. Принятие в 2017 г. в ШОС Индии и Пакистана не сняло опасений в отношении возможного негативного влияния сложных индийско-пакистанских отношений на общую динамику взаимодействия в рамках «восьмерки».

Вместе с тем предусмотренная обоими объединениями возможность расширения могла бы в целом придать дополнительный импульс влиянию каждого из них в мире, в том числе в интересах реформирования системы глобального управления. В последнее время ко вступлению в ШОС и БРИКС проявляется растущий интерес со стороны ряда развивающихся государств, стремящихся все более дистанцироваться от западного мира. В части ШОС речь идет, прежде всего, об Иране, который уже в течение нескольких лет ожидает удовлетворения своей заявки на повышение статуса от наблюдателя до полноправного члена организации. Активно в данном направлении

¹¹ См.: Выступление В.В. Путина на Международном форуме «Один пояс – один путь». Пекин. 26 апреля 2019 г. Режим доступа: www.Kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/60378 (дата обращения: 01.11.2019). При этом некоторые китайские исследователи пока с осторожностью относятся к такому тезису, что, скорее всего, свидетельствует об их неготовности полностью отождествлять инициативу ОПОП с общеевразийским проектом России.

работает и Афганистан; проявляют заинтересованность к повышению своих статусов и некоторые другие страны-наблюдатели и партнеры по диалогу ШОС, в том числе Белоруссия, Турция, Азербайджан, Армения, Камбоджа, Шри-Ланка, Катар. Что касается БРИКС, то выдвигаются предложения о возможности участия в нем Аргентины, Мексики, Нигерии, Ирана (с 2015 г. Тегеран имеет статус наблюдателя), а также такого партнера по диалогу ШОС, как Египет. На саммите 2018 г. применительно к Анкаре вел разговор президент Турции Р. Эрдоган. Не исключается интерес к БРИКС со стороны таких членов ШОС, как Казахстан и Киргизия; соответствующую заинтересованность проявляет Белоруссия. В 2017 г., после объявления о создании формата «БРИКС+», дал понять об интересе в подключении к нему еще один участник ШОС – Таджикистан. При наличии в Шанхайской организации непростых дилемм в части ее дальнейшего расширения, создание механизма «ШОС+» по аналогу «БРИКС+» могло бы частично снять их остроту, тем самым внеся свой вклад и в общее взаимодействие между двумя структурами.

В числе сдерживающих факторов на пути сопряженности ШОС и БРИКС на перспективу останется неоднородность ряда конкретных интересов государств-членов каждого из двух объединений. Это непосредственно сказывается на специфике их внешней политики в целом и на ее отдельных направлениях в частности. Если Россия и Китай являются глобальными игроками, а Индия пока находится на пути к этому, то остальные члены как БРИКС, так и ШОС ассоциируют свои интересы в первую очередь с региональной проблематикой. Если для Бразилии в БРИКС объективно представляет более выпуклый интерес латиноамериканский (а после последних президентских выборов – и североамериканский) угол, а для ЮАР – африканское направление, то для центральноазиатских участников ШОС, а также Пакистана неизмеримо большее практическое значение имеет проблематика безопасности в собственном регионе. (Их, в частности, больше беспокоит обстановка в соседнем Афганистане, чем проблемы миротворчества и разрешение конфликтов в Африке, и наоборот.) Немаловажным является и то, что страны – участники обеих структур отличаются разным уровнем отношений с Западом. Просматриваются разнотечения по некоторым конкретным вопросам международных отношений, как общим, так и частным. В числе примеров можно указать на такие, особо чувствительные для России и нуждающиеся в реальной поддержке со стороны партнеров по ШОС и БРИКС вопросы, как Украина и Крым. Если в Йоханнесбургской декларации БРИКС (26 июля 2018 г.) вообще не было упоминаний об украинском кризисе и о Минских договоренностях [БРИКС, 2018], то Декларация саммита ШОС в Циндао от 10 июня того же года вновь подтвердила «необходимость политического урегулирования украинского кризиса на основе скорейшего и полного выполнения Минских договоренностей»¹².

В рамках каждого из объединений их участники придерживаются принципа консенсуса, а в числе их организационно-структурных различий отмечается более четкая упорядоченность ШОС за счет постоянно действующего Секретариата, в функции которого входит обеспечение координации ее деятельности, в том числе и в части комплекса внешних связей. Отсутствие подобного единого координационного центра у БРИКС (которая, в отличие от ШОС, не является институционализированным межгосударственным объединением) может технически осложнить налаживание ее координации с «Шанхайской восьмеркой». Различия проявляются и в наличии у ШОС трехступенчатой системы участия (партнер по диалогу, наблюдатель, полноправный

¹² См.: [ШОС, 2018].

член)¹³. В БРИКС же такая форма отсутствует, и в силу ее специфики особое значение имеет деятельность Делового совета, тогда как статус и влияние аналогичного органа в ШОС остаются пока невысокими, а ее Межбанковское объединение никак не может служить аналогом Нового банка развития БРИКС.

Вместе с тем, с учетом нынешнего крайне нестабильного состояния международных отношений, вряд ли следует откладывать поиски конкретных форм институционализации отношений между БРИКС и ШОС, несмотря на имеющиеся на этом пути объективные и субъективные трудности. Для развития потенциала их взаимодействия на мировой арене (а расширение международных и партнерских контактов, в том числе с другими международными объединениями, является долговременной стратегической задачей для каждой из этих организаций) было бы целесообразным всемерно расширять и углублять повестку дня встреч лидеров государств – членов ШОС и БРИКС в совпадающие периоды созыва саммитов обеих организаций. Можно было бы также постепенно вести дело к проведению полномасштабного саммита двух структур, поставив задачу превратить такие встречи глав государств в регулярные. На нем зафиксировать совместные подходы ко всему спектру современных международных политических, экономических и культурно-гуманитарных отношений. Могла бы быть также выработана формула двустороннего документа в виде меморандума или другого формата, который стал бы своего рода манифестом долговременного сотрудничества между ШОС и БРИКС на основе соответствующей «дорожной карты». В перспективе, по мере формирования Парламентских ассамблей ШОС и БРИКС (вопрос об этом постепенно вызревает в каждой структуре), можно было бы начать движение и в сторону создания их совместного формата.

Исходя из совпадающих позиций обеих структур по многим глобальным международным проблемам, ШОС и БРИКС вполне способны выступать с совместными инициативами на международных площадках, прежде всего в ООН. При этом еще в течение определенного времени локомотивом масштабных инициатив на внешнеполитическом направлении, а также в сфере безопасности и гуманитарных связей может оставаться ШОС, а на треке глобальной экономики – БРИКС. Вместе с тем на динамике взаимного движения будет серьезно сказываться дальнейшее развитие общемировой ситуации. С одной стороны, активизирующаяся практика односторонних действий США в мировой финансово-экономической сфере и использование ими санкций и иных рестрикций в политических целях способны ускорять процесс сближения ШОС и БРИКС. С другой стороны, рост потенциала конфронтационности в мире и в отношениях между США и Западом с ведущими государствами – членами обеих структур (прежде всего России и Китая) при стремлении других участников этих объединений дистанцироваться от вовлеченности в данный процесс может существенно тормозить их конкретное взаимодействие.

Указанные обстоятельства следует учесть России, которая в 2020 г. сменит Бразилию в качестве председателя БРИКС и продолжит искать пути и методы придания нового импульса всем направлениям деятельности этого объединения. Дополнительные благоприятные возможности для работы над сопряжением БРИКС и ШОС на мировой арене, в том числе в Евразии, открываются и в связи с начавшимся в середине июня очередным годичным председательством России в Шанхайской организации сотрудничества. Очередные саммиты обеих структур пройдут практически одновременно ле-

¹³ Страны, получившие два первых статуса, даже еще не став полноправными членами данной организации, имеют право присоединения к некоторым договорно-правовым документам ШОС и на участие в некоторых ее мероприятиях.

том будущего года в Санкт-Петербурге. При этом углубляющееся многоплановое стратегическое взаимодействие между Россией и Китаем, в том числе в форматах ШОС и БРИКС, что было вновь подтверждено на встречах на высоком уровне в апреле и июне нынешнего года¹⁴, способно стать локомотивом движения и в сторону сопряжения деятельности ШОС и БРИКС на международной арене.

Источники

- БРИКС (2018) Йоханнесбургская декларация. 26 июля. Режим доступа: www.Kremlin.ru supplement/5323 (дата обращения: 01.11.2019).
- Барановский В.Г., Иванова Н.И. (ред.) (2015) Глобальное управление: возможности и риски. М.: ИМЭМО РАН.
- Бурых Д. (2015) БРИКС – как идеологическая альтернатива современному миропорядку. Режим доступа: <https://riss.ru/analitics/21488> (дата обращения: 01.11.2019).
- Юртаев В.И., Рогов А.С. (2017) ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». Т. 17. № 3.
- Толорая Г.Д. (2015) БРИКС и ШОС: соотношение и взаимодействие новых механизмов глобального управления. Ежегодник ИМИ МГИМО(У) МИД России. Т. 12. № 2.
- Президент России (2002) Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru supplement/3450> (дата обращения: 01.11.2019).
- Президент России (2019) Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/60672> (дата обращения: 01.11.2019).
- Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС) (n. d.) Основные документы РАТС ШОС. Режим доступа: ecrats.org/ru/about/documents/ (дата обращения: 01.11.2019).
- Торопчин Г.В. (2017) От Гоа до Сямэня. О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник международных организаций. Т.12. № 1.
- ШОС (2015) Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. Режим доступа: www.sectsco.org (дата обращения: 01.11.2019).
- ШОС (2018) Циндаосская декларация Совета глав государств – членов ШОС. 10 июня. Режим доступа: www.infoshos.ru/ru?id=5 (дата обращения: 01.11.2019).
- Президент России (2019) Встреча лидеров БРИКС 28 июня 2019 г. в Осаке перед началом саммита «Группы двадцати». Режим доступа: www.Kremlin.ru/events/president/news/60839 (дата обращения: 01.11.2019).

---

¹⁴ См.: Заявление для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 5 июня 2019 г. www.kremlin.ru

SCO and BRICS Connectivity: Possibilities and Prospects¹

M. Konarovskiy

Michail Konarovskiy – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Senior Research Fellow, Institute of the International Studies under Moscow State Institute (University) of International Relations; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; E-mail: makonarovskiy@mail.ru

Abstract

Against the background of increasing turbulence and uncertainties in the world developments, regional and trans regional organizations and structures are making their international political profile more visible. With this respect an issue of their interaction in different dimensions of global life is gaining momentum. SCO and BRICS are among them. Proceeding from the fact that both their political and economic agendas mainly coincide, as well as active participation in them of such biggest world nations as India, China and Russia, the two structures have broad prospects for deep cooperation and interaction both in global and eurasian scale. Necessary preconditions have been created in recent years by mutual move towards equalizing of foreign political component in BRICS activity, and external economic one in terms of SCO. This possibility has been encouraged by recent coming into force of the Eurasian Economic Union and by Chinese Belt and Road initiative, now on the table. Mutual cooperation and connectivity could be maintained through deepening and expanding of interactions not only at regular high level meetings of the two structures, but also through holding of their joint summits and drafting of a road map concerned.

At the same time there are significant objective difficulties with this respect, resulting from specific political interests and goals of their member nations in international arena, that are not identical enough, as well as from different level of their relations with leading western countries.

Key words: SCO; BRICS

For citation: Konarovskiy M. (2019) SCO and BRICS connectivity: possibilities and prospects *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 161–171 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-08.

References

- Baranovsky V., Ivanova N. (2015) Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski [Global governance: opportunities and risks]. IMEMO RAN.
- BRICS (2018) Full text of BRICS Summit Johannesburg Declaration. Available at: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201807/27/WS5b5a7e22a31031a351e90845.html> (accessed 01 November 2019).
- Buryh D. (2015) BRIKS – kak ideologicheskaja al'ternativa sovremennomu miroporjadku [BRICS as an ideological alternative to the modern world order]. Available at: <https://riss.ru/analitics/21488> (accessed 01 November 2019).
- Yurtaev V., Rogov A. (2017) SHOS i BRIKS: osobennosti uchastija v processe evrazijskoj integracii [SCO and BRICS: features of participation in the process of Eurasian integration]. Vestnik RUDN, vol. 17, no 3.
- Toloraya G. (2015) BRIKS i ShOS: sootnoshenie i vzaimodejstvie novyh mehanizmov global'nogo upravlenija [BRICS and SCO: correlation and interaction of new global governance mechanisms]. *IMI MGIMO (U) Yearbook of the Russian Ministry of Foreign Affairs*, vol. 12, no 2.
- President of Russia (2002) Hartija Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Charter of the Shanghai Cooperation Organization]. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (accessed 01 November 2019).

¹ The editorial board received the article in August 2019.

President of Russia (2019) Vstrecha liderov BRIKS 28 iyunja 2019 goda v Osake pered nachalom sammita "Gruppy dvadcati" [The meeting of the BRICS leaders on June 28, 2019 in Osaka before the start of the G20 summit]. Available at: www.Kremlin.ru/events/president/news/60839 (accessed 01 November 2019).

President of Russia (2019) Zajavlenija dlja pressy po itogam rossijsko-kitajskih peregovorov [Press statements following Russian-Chinese talks]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/60672> (accessed 01 November 2019).

Regional Anti-Terrorist Structure of the Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (n. d.) Main documents of the RATS SCO. Available at: ecrats.org/ru/about/documents/ (accessed 01 November 2019).

Возможности использования стандартов и лучших практик ОЭСР в евразийской экономической интеграции¹

Т.А. Мешкова, В.С. Изотов, О.В. Демидкина

Мешкова Татьяна Анатольевна – к.полит.н., директор Центра компетенций по взаимодействию с международными организациями, Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ; доцент Департамента мировой экономики, Факультет мировой экономики и мировой политики; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: meshkova@hse.ru

Изотов Владимир Сергеевич – к.полит.н., ведущий эксперт Центра компетенций по взаимодействию с международными организациями, Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: vizotov@hse.ru

Демидкина Ольга Вячеславовна – ведущий эксперт Центра компетенций по взаимодействию с международными организациями, Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: odemidkina@hse.ru

Авторы рассматривают наиболее перспективные области, относящиеся к наднациональной компетенции ЕАЭС, в которых имплементация стандартов ОЭСР могла бы привнести наибольшую «добавленную стоимость» в процесс евразийской экономической интеграции. На основе анализа документов стратегического планирования России, ЕАЭС и лучших практик ОЭСР и опыта взаимодействия с интеграционными объединениями в работе проанализирован ряд пилотных проектов, где сферы применения этих стандартов конкретизированы и сфокусированы в наиболее важных областях евразийской экономической интеграции. При этом перечень пилотных проектов (налоговая политика, антимонопольное регулирование, поддержка МСП, торговая политика и цифровая повестка) не является окончательным, а предложения по использованию стандартов и лучших практик ОЭСР в ЕАЭС нуждаются в дальнейшем обсуждении со странами – членами Союза и необходимом политическом согласовании. Наднациональный консультационный механизм по этим темам должен подкрепляться всесторонней оценкой социально-экономических преимуществ использования стандартов ОЭСР для союзных стран, а также интеграционных эффектов для Союза в целом.

Ключевые слова: ОЭСР; ЕАЭС; ЦУР; евразийская экономическая интеграция; глобальное регулирование; международные организации; интеграционные объединения; наднациональность; правовая имплементация

Для цитирования: Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В. (2019) Возможности использования стандартов и лучших практик ОЭСР в евразийской экономической интеграции // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 172–186 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-09.

---

¹ Статья поступила в редакцию в сентябре 2018 г.

Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательской работы «Анализ принципов проектного управления, инструментов, лучших практик ОЭСР и разработка предложений по их использованию в приоритетных проектах стратегического развития, документах стратегического планирования и государственных программах Российской Федерации, а также нормативно-правовой базе евразийской интеграции», выполненной НИУ ВШЭ в 2018 г. в интересах Правительства Российской Федерации.

Введение

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз) находится в процессе углубления действующих и поиска новых перспективных направлений интеграции. В качестве страны – председателя ЕАЭС в 2018 г. Россия выдвинула ряд инициатив, связанных с развитием интеграционной повестки, отметив необходимость совершенствования правового поля Союза. В целях полноценной реализации этой задачи заслуживает внимания использование опыта ведущих международных организаций. Одним из ведущих субъектов глобального макроэкономического регулирования является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), чьи стандарты и лучшие практики с середины прошлого века используются правительствами передовых стран при разработке стратегических документов и стандартов. Являясь носителем статуса организации с высоким авторитетом в области интеллектуального экономического анализа и статистики, ОЭСР остается форумом, в рамках которого страны могут обсуждать и обмениваться национальным опытом, выявлять передовую практику и находить решения общих проблем, в том числе в наднациональных полях. Рекомендации ОЭСР составляют одну из важнейших основ стратегического планирования как национального экономического развития, так и моделей взаимовыгодного сотрудничества в рамках интеграционных объединений. Актуальность имплементации стандартов ОЭСР была вновь подтверждена в октябре 2019 г. во время парижской встречи главы Минэкономразвития России М. Орешкина с генеральным секретарем ОЭСР А. Гурриа. Министр, в частности, отметил, что «Россия заинтересована в совместной экспертизе законодательства и механизмов государственного регулирования экономики. В то же время особое внимание следует уделить работе по треку ЕАЭС – ОЭСР, в частности – реализации пилотных проектов по имплементации стандартов организации в право союза» [Министерство экономического развития Российской Федерации, 2019].

Инициативы, выдвинутые Россией в этой области сотрудничества, следует рассматривать как важный шаг на пути обеспечения всестороннего и комплексного взаимодействия двух организаций как в настоящем, так и в среднесрочной перспективе. У Союза появятся возможности для использования экспертно-аналитического потенциала ОЭСР в рамках сотрудничества и конкуренции с другими международными интеграционными объединениями. Такая кооперация может иметь положительные экономические эффекты в ключевых областях межстратонового сотрудничества стран «евразийской пятерки». Важными политическими последствиями могут стать повышение уровня доверия в условиях усиливающегося блокового противостояния и выход на траектории взаимовыгодного партнерства, в том числе в области достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Основная цель работы – рассмотреть перспективы использования стандартов и лучших практик ОЭСР в евразийской экономической интеграции, в том числе с учетом необходимости повышения роли и статуса ЕАЭС в системе глобального экономического регулирования.

Актуальность использования стандартов ОЭСР при разработке законодательства ЕАЭС

ЕАЭС – относительно молодое интеграционное объединение, находящееся в процессе активного развития. Правовое поле Союза на сегодняшний день во многом сформировано, однако подразделения Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), являющейся наднациональным регулирующим органом ЕАЭС, продолжают вести работу по

определению направлений дальнейшей интеграции в соответствующих областях, подпадающих под юрисдикцию ЕЭК, а также по совершенствованию нормативно-правовой базы интеграционного объединения. Эту деятельность сопровождает работа по анализу и имплементации передового международного опыта и стандартов.

ЕАЭС в настоящее время находится в начале нового этапа развития, что определяется двумя ключевыми факторами. Во-первых, практически исчерпан эффект от снятия торговых и таможенных барьеров, начавшийся еще в 2010 г. после вступления в силу Единого таможенного тарифа в рамках Таможенного союза трех стран (России, Белоруссии, Казахстана). Во-вторых, завершился период адаптации к новым реалиям мировой торговли в условиях взаимных санкций России и Запада и определенного снижения цен на сырьевые товары в 2014–2017 гг. Поэтому сегодня особенно актуальным становится переход стран Союза к практической реализации согласованной политики в таких сферах, как промышленность, транспорт, сельское хозяйство, цифровая экономика и других, обладающих высоким интеграционным потенциалом.

Необходимость серьезных структурных реформ практически по каждому из перспективных направлений взаимодействия достаточно очевидна. Их совместная реализация позволит сэкономить национальные ресурсы, снизить количество дублирующих проектов в различных форматах постсоветской интеграции (СНГ, СГРБ, ОДКБ) и добиться синергетического эффекта в экономиках стран-участниц.

С учетом председательства России в ЕАЭС в течение 2018 г. была активизирована работа по мониторингу и оценке лучших международных стандартов и практик в тех областях, которые были определены как приоритетные. Они обозначены в Обращении Президента Российской Федерации В.В. Путина в связи с началом председательства России в ЕАЭС (далее – Обращение Президента). В нем, в частности, говорится о необходимости «внутренней «донастройки» ЕАЭС, обеспечения всеобъемлющего и безусловного выполнения всеми государствами-членами союзных норм и взятых на себя обязательств – даже если это предполагает корректировку национальных законодательств» [Президент России, 2018].

В связи с этим особое значение приобретает вопрос взаимодействия ЕАЭС и его государств-членов с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – международной организацией, являющейся держателем уникальных компетенций в области разработки рекомендаций и распространения лучших практик во всех сферах экономики, в том числе особенно значимых для евразийской экономической интеграции. В Обращении Президента подчеркивается необходимость «полноформатного участия ЕАЭС в работе международных организаций», к которым относится и ОЭСР. Со своей стороны, ОЭСР предлагает широкий набор нормативно-правовых и аналитических инструментов, носящих горизонтальный характер и основанных на концепции «мягкого» международного права.

Российская Федерация продвинулась в выстраивании отношений с ОЭСР дальше других государств – членов Союза: заявка на присоединение к организации была направлена в 1995 г., а в 2007 г. состоялась передача проекта Начального меморандума о позиции РФ в отношении актов ОЭСР и утверждение «дорожной карты» процесса присоединения. В 2014 г. работа по присоединению России несколько сбавила обороты в связи с официальным решением Совета ОЭСР о приостановке процесса присоединения. Тем не менее взаимодействие на уровне комитетов и региональных групп продолжается в соответствии с «Планом работы по взаимодействию с ОЭСР на 2017–2018 гг.» и «Планом работ по взаимодействию с ОЭСР 2018 г.», являющихся ориентиром для деятельности российских федеральных органов исполнительной власти.

Второй страной в ЕАЭС, последовательно и достаточно успешно реализующей стратегию сотрудничества с ОЭСР, стал Казахстан. Национальная программа сотрудничества Казахстана с организацией была подписана в 2015 г. и стала уникальным инструментом ОЭСР, позволяющим странам, не входящим в организацию, планомерно перенимать ее опыт и стандарты. Рекомендации, выработанные ОЭСР, были использованы при разработке новой модели экономического роста страны и учтены в проекте Стратегического плана развития Казахстана до 2025 г. с учетом его членства в ЕАЭС. Правительством утверждена национальная Дорожная карта по реализации рекомендаций ОЭСР. Документ содержит 535 рекомендаций по Обзорам ОЭСР, из которых 254 уже имплементированы в национальное законодательство и 281 – уже выполняются [Министерство национальной экономики Республики Казахстан, 2017]. На сегодняшний день Казахстан подписал ряд принципиально важных документов, в том числе Декларацию об автоматическом обмене информацией по вопросам налогообложения (CRS-стандарт) и Декларацию по борьбе с минимизацией налогообложения и выведением прибыли (BEPS). Важно отметить, что внедрение стандартов и лучших практик ОЭСР в области государственной политики отражено в таких стратегически важных документах, как План Нации «100 конкретных шагов» и ряде Посланий Главы государства народу Казахстана.

Третьей страной в «ядре сотрудничества» с ОЭСР может стать Армения. В июне 2017 г. Ереван подписал Конвенцию о реализации мероприятий BEPS, подтвердив высокую степень интереса к дальнейшему развитию отношений с организацией. В частности, правительство нацелено на улучшение среды корпоративного управления согласно рекомендациям «Большой двадцатки» (G20) и ОЭСР, а также концентрирует внимание на программном бюджетировании, фискальной политике, государственном внутреннем финансовом контроле, государственных закупках и других реформах в рамках программы SIGMA (реализуется совместно ОЭСР и ЕС), содействующей совершенствованию госуправления в странах Центральной и Восточной Европы.

Взаимодействие ЕАЭС и ОЭСР выходит на устойчивые и долгосрочные треки. В апреле 2017 г. на площадке ЕЭК состоялся международный семинар «Сотрудничество государств – членов ЕАЭС с ОЭСР в контексте развития интеграционной повестки Союза. Возможности использования наилучших практик ОЭСР в работе ЕАЭС», который стал первым шагом к определению перспективных областей применения инструментария ОЭСР в интересах развития и углубления евразийского проекта. Одним из итогов семинара стал сборник докладов, опубликованный на сайте ЕЭК и вызвавший значительный интерес в научном и экспертном сообществе [Евразийская экономическая комиссия, 2017а]. Руководство ЕЭК зафиксировало необходимость сотрудничества с ОЭСР и на документальном уровне. Издана Рекомендация Коллегии ЕЭК № 32 от 13 декабря 2017 г., в соответствии с которой государствам-членам рекомендовано рассмотреть «возможность имплементации стандартов ОЭСР с учетом особенностей социально-экономического развития и правового регулирования в государствах-членах с учетом опыта сотрудничества государств-членов с ОЭСР», а также возможность «развития институционального взаимодействия между Союзом и ОЭСР...» [Евразийская экономическая комиссия, 2017б].

Вопросы взаимодействия с ОЭСР и применения ее стандартов в рамках ЕАЭС рассматривались в ходе заседания Подкомиссии по экономической интеграции Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции (далее – Подкомиссия), состоявшегося 26 февраля 2018 г. Минэкономразвития России поручено активизировать обсуждение Рекомендации № 32 в рамках ЕАЭС с привлечением экс-

пертного сообщества, «подготовив конкретные предложения для соответствующей работы в качестве пилотных проектов.

Оптимальные области для реализации пилотных проектов по возможной имплементации стандартов ОЭСР в правовую базу ЕАЭС следует искать на пересечении обозначенных выше направлений евразийской интеграции, заявленных российских инициатив и стратегических приоритетов интеграционного объединения. Важную роль могут сыграть согласованные внутри ЕАЭС позиции «ядра взаимодействия» с ОЭСР, включающего Россию, Казахстан и в перспективе Армению.

Опыт взаимодействия ОЭСР с интеграционными объединениями и взаимовыгодность сотрудничества с ЕАЭС

Интеграция становится одним из ведущих трендов глобального развития. Это долгосрочная тенденция, которая может замедляться рецидивами протекционизма, но не может быть «отменена» как неизбежное будущее. ОЭСР успешно взаимодействует с интеграционными объединениями практически со времени своего основания.

Прежде всего, это отношения с ЕС (ранее с ЕЭС). Институциональная предшественница ОЭСР – Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), созданная в 1948 г., сыграла ключевую роль в экономической интеграции Западной Европы, в становлении общего рынка, в устраниении барьеров и ограничений. На глобальном уровне ОЭСР и ЕЭС на протяжении 1960–1980 гг. последовательно объединяли экономические и политические институты стран-участниц, исключая возможности повторения войн между ними. На сегодняшний день 22 из 28 стран – членов ЕС входят в ОЭСР. Еврокомиссия принимает участие в работе ОЭСР в соответствии с дополнительным протоколом к Конвенции об Организации экономического сотрудничества и развития, участвуя в достижении основополагающих целей Организации. ЕС имеет постоянное представительство в ОЭСР во главе с послом. Однако надо учитывать, что ЕС не вносит вклад в бюджет организации, и его представитель не имеет права голоса при принятии правовых актов ОЭСР.

Что касается взаимодействия ОЭСР с незападными регионами, в которых развиваются интеграционные процессы, то уже более 25 лет ОЭСР и страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) тесно сотрудничают в целях содействия политическому диалогу и распространения передовой экономической и социальной практики. В 2014 г. на заседании Совета министров ОЭСР была принята Региональная программа ОЭСР [OECD, n. d., c], направленная на поддержку внутренних приоритетов, политических реформ и региональных интеграционных усилий в ЮВА. Программа реализуется в партнерстве с региональными интеграционными объединениями, включая АСЕАН, АТЭС, и с рядом институтов, таких как Азиатский банк развития, Институт экономических исследований для стран АСЕАН и Восточной Азии, а также Социальной и экономической комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). Программа призвана приблизить страны-участницы из ЮВА к стандартам и практикам ОЭСР в сферах государственного управления, научно-технической и инновационной политики, защиты окружающей среды, налоговым стандартам, развитию сектора МСП, упростить доступ к экспертной базе органов ОЭСР и обеспечить приверженность ее стандартам.

Процесс взаимодействия ОЭСР и ЕАЭС необходимо рассматривать с точки зрения обоюдовыгодного сотрудничества. Учитывая успешный опыт взаимодействия с другими интеграционными объединениями, прежде всего с ЕС и АСЕАН, а также с форумом АТЭС, открытие новой главы углубленного диалога между ОЭСР и ЕАЭС

может выглядеть достаточно перспективно. Отправной точкой диалога может служить начавшаяся практика инкорпорирования стандартов ОЭСР в нормативно-правовую базу евразийской интеграции. Уместно напомнить, что у ОЭСР есть успешный исторический опыт посредничества. Во второй половине XX в. ОЭСР (наряду с ООН, ГАТТ и Бреттон-Вудскими институтами) сыграла важную роль при выработке системы паритетных соглашений между двумя блоками, противостоящими в холодной войне, и ввела в мировую экономику идею конвергенции двух систем в условиях научно-технической революции. На теоретическом уровне в политической и экономической науке этот подход разрабатывали такие ученые, как П. Сорокин, У. Ростоу, Р. Арон, Я. Тинберген, опиравшиеся в том числе на анализы, рейтинги и статистику ОЭСР.

Возможные пилотные проекты использования стандартов и лучших практик ОЭСР в евразийской интеграции

В июле 2018 г. обсуждение возможностей взаимодействия между ЕАЭС и ОЭСР вышло на новый уровень. ЕЭК совместно с Минэкономразвития России при участии экспертного сообщества сформулировали предложения по возможным пилотным проектам, предусматривающим учет опыта ОЭСР и имплементацию стандартов организации в право ЕАЭС и национальные акты государств-членов.

В перечень пилотных проектов (прил. 1) включен широкий набор тем, охватывающих комплекс взаимодействия в таких сферах, как экология, наука, образование, химическая промышленность, сельское хозяйство, государственное управление, страхование, статистика, экспортное кредитование, борьба с коррупцией, налоги, конкуренция, финансовые рынки и инвестиции.

Ниже представлен анализ наиболее перспективных, по мнению авторов, предложенных пилотных проектов с точки зрения опыта ОЭСР и аргументы в пользу его имплементации в наднациональное правовое пространство ЕАЭС в соответствии с основными направлениями евразийской интеграционной повестки.

Внедрение принципов и стандартов обмена налоговой информацией

По оценкам экспертов ОЭСР, потери бюджета вследствие размывания налоговой базы достигают 240 млрд долл. США ежегодно. Первоначальной инициативой ОЭСР стала Конвенция о взаимной помощи по налоговым вопросам, принятая совместно с Советом Европы в 1988 г. В ней констатируется, что «развитие международного движения людей, капиталов и услуг – весьма полезное само по себе – увеличило возможности для уклонения от налогообложения, что требует укрепления сотрудничества между налоговыми органами» [Council of Europe, 1988]. На сегодняшний день ведущей глобальной инициативой в этой области стал проект по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы и выведением прибыли – план BEPS (Base Erosion and Profit Shifting), разработанный в 2013 г. ОЭСР совместно с G20 [OECD, 2013; 2018]. Ключевым документом стал отчет «О размывании налогооблагаемой базы и выводе прибыли из-под налогообложения», опубликованный в феврале 2013 г. В июне 2016 г. была запущена рамочная программа ОЭСР/G20 по BEPS, к которой за два года присоединились более 115 стран и юрисдикций, включая Армению, Россию и Казахстан.

Последней по времени инициативой ОЭСР в этой области стала Рамочная программа по BEPS, подготовленная к встрече министров финансов G20 в июле 2018 г.

в Буэнос-Айресе (Аргентина) [OECD, 2018]. В ней систематизируется успешный опыт экспертных обзоров минимальных стандартов BEPS и намечаются подходы к решению налоговых проблем, порождаемых цифровым измерением глобализации.

Наряду с планом BEPS другой важнейшей инициативой ОЭСР в этой области стала Декларация об автоматическом обмене информацией по вопросам налогообложения (CRS-стандарт) [OECD, n. d., d]. Документ стал продолжением резонансного американского закона о налоговой отчетности по зарубежным счетам FATCA (Foreign Account Tax Compliance Act), принятого в 2014 г. и ставшего важнейшей инициативой в развитии международного налогового законодательства. CRS-стандарт из стран ЕАЭС приняли Россия и Казахстан. Однако, несмотря на то что Россия уже начала обмен информацией в 2018 г. (Казахстан – с 2020 г.), существует ряд объективных трудностей, связанных с совершенствованием подзаконных актов, подробно регулирующих специфику сбора информации для обмена. Сохраняется неясность и в области разработки технических решений по обмену информацией с учетом принципиального вопроса безопасности персональных данных. Отметим, что в рамках CRS Россия выступает, прежде всего, получателем информации. Российским ведомствам передадут данные более 70 стран, в том числе Кипр, Люксембург, Нидерланды, и ряд офшорных юрисдикций (Британские Виргинские, Бермудские, Каймановы острова).

В рамках пилотного проекта следует предусмотреть в плане действий ЕЭК по борьбе с налоговыми злоупотреблениями возможность присоединения максимального количества государств – членов ЕАЭС к рассмотренным ключевым документам ОЭСР в этой сфере. Без этого, по нашему мнению, невозможен не только полноценный запуск единого финансового рынка, но и формирование эффективной наднациональной системы финансового регулирования. Отток капитала, в том числе с использованием офшорных схем, остается актуальной проблемой для всех экономик Союза.

Сохраняются возможности анонимных финансовых транзакций и скрытия конечных получателей прибыли (бенефициаров) за разветвленными цепочками компаний в низконалоговых юрисдикциях. Без имплементации стандартов ОЭСР (прежде всего, BEPS и CRS) в наднациональное право ЕАЭС проблема не имеет системного решения. Более того, без запуска эффективных механизмов по противодействию оттоку капитала под вопрос ставится и формирование единого финансового пространства с унифицированными платежными системами, гармоничным налоговым и бюджетным законодательством.

Россия и Казахстан имеют все предпосылки для того, чтобы стать основными инициаторами данного процесса. Пока только эти две страны в ЕАЭС подписали (в 2017 и 2018 гг. соответственно) Соглашение между компетентными органами об автоматическом обмене сводными отчетами (CbCR) в рамках плана BEPS².

Совершенствование антимонопольного регулирования

Сфера антимонопольного законодательства может послужить примером успешной интеграции в нормативно-правовую базу ЕАЭС стандартов ОЭСР. Актуальность вопроса постоянно повышается: согласно синхронным выводам большинства исследований, концентрация бизнеса в эпоху цифровой экономики постоянно растет. В перечень правовых инструментов ОЭСР, разработанных в основном Комитетом по конкуренции, входят 10 рекомендаций в сфере конкурентной политики, касающихся в том числе оценки уровня конкуренции, борьбы с картелями, применения конкурентного

² Реестр стран-подписчиков постоянно обновляется на сайте ОЭСР [OECD, n. d.].

законодательства в области защиты прав интеллектуальной собственности, разрешения противоречий между торговой и конкурентной политикой. В 2001 г. ОЭСР представила подробный «Инструментарий для оценки воздействия на конкуренцию», уделяющий значительное внимание антимонопольным практикам.

Договор о ЕАЭС устанавливает компетенцию Комиссии, наделяя ее полномочиями по контролю за соблюдением хозяйствующими субъектами государств – членов ЕАЭС общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

В 2013 г. принят Модельный закон о конкуренции [Евразийская экономическая комиссия, 2013], ставший базовым инструментом гармонизации конкурентного законодательства стран ЕАЭС. В документе объединены лучшие практики антимонопольного регулирования в странах ЕАЭС, а также учтен мировой опыт (в частности, стандарты ОЭСР). Текст закона был также дополнен нормами, которые отражают практику, тенденции и перспективы будущего развития антимонопольного законодательства стран ЕАЭС. Обновленная редакция Договора о ЕАЭС может включить в себя новые компетенции, которые расширят инструментарий ЕЭК в части антимонопольного регулирования, прежде всего в части применения мер предупредительного характера. Использование в данной работе стандартов ОЭСР, изложенных в многочисленных рекомендациях и руководствах ОЭСР, в том числе в области государственных закупок, обмена информацией и оценки качества конкурентной среды, может повысить результативность работы ЕЭК в сфере антимонопольного регулирования.

Совершенствование правовой базы ЕАЭС в области конкуренции может быть связано с актуальными вопросами конкурентной политики, в том числе запретами действий компании-монополиста в области навязывания невыгодных или технологически не обоснованных условий договора; экономически или технологически не обоснованные сокращение или прекращение производства товара; уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (п. 3–5 ст. 76 Договора о ЕАЭС) [Евразийская экономическая комиссия, 2014].

Экономическое развитие и промышленная политика: поддержка МСП

Малый и средний бизнес играют важную роль в повышении производительности труда и конкурентоспособности – стратегических приоритетов ОЭСР, влияющих на создание рабочих мест и рост благосостояния людей. С 2010 г. Центр предпринимательства малых и средних предприятий (МСП) и местного развития ОЭСР проводит научные исследования, предметом которых является политика в области развития МСП в разных странах.

С 2008 г. ОЭСР реализует программу по повышению конкурентоспособности стран Евразии (The OECD Eurasia Competitiveness Programme), в которой участвуют все страны ЕАЭС за исключением России. Стратегии повышения конкурентоспособности в рамках этой программы анализируют состояние МСП и практики его поддержки. Теме МСП традиционно уделяется большое внимание в рамках ежегодных страновых экономических обзоров ОЭСР. В основу положен анализ индикаторов и статистические данные, демонстрирующие условия развития малого и среднего бизнеса в стране. Принимается во внимание влияние тенденций мировой экономики и политических обстоятельств на МСП. В отношении федеральных программ поддержки предпринимательства эксперты ОЭСР рекомендуют создать механизм государственно-частного консультирования. По их мнению, страны ЕАЭС сталкиваются с новыми социальными

экономическими вызовами, к числу которых относятся неуверенное посткризисное восстановление экономик, высокий уровень безработицы, растущее социальное расслоение и неустойчивость сектора государственных финансов.

В настоящее время во всех странах ЕАЭС существует объективная потребность в поиске новых источников роста для достижения устойчивого инклюзивного экономического развития. Одним из таких источников может стать малый и средний бизнес, причем не только в странах интеграционного ядра (Россия, Казахстан, Белоруссия), но и среди новых членов ЕАЭС. По мнению председателя Коллегии ЕЭК Т. Саркисяна, «...поддержка малого и среднего бизнеса в рамках ЕАЭС принципиально важна для Армении и Кыргызстана. Это повышает шансы на устойчивое социальное развитие и сглаживает неравенство» [Эхо Москвы, 2018].

В связи с этим представляется перспективным использование в рамках Союза опыта ОЭСР по анализу возможностей и разработке мер стимулирования малого и среднего бизнеса на наднациональном уровне. Для всех стран Союза опыт стран ОЭСР представляется чрезвычайно важным в связи с тем, что малое и среднее предпринимательство остается недооцененным фактором экономического потенциала, а его реальный вклад в рост экономик стран Союза по-прежнему неоправданно низкий. На основе опыта стран ОЭСР наиболее инновационными направлениями представляются исследования, проектирующие роль МСП в инновационных сферах, таких как «Индустрия 4.0», «цифровизация сервисного сектора», «электронная коммерция».

Торговая политика: совершенствование инструментов государственной поддержки экспорта с учетом стандартов ОЭСР

В информационной базе ОЭСР содержится значительное количество актуальных исследований и публикаций, посвященных анализу различных аспектов торговой политики, отражающих все современные тенденции, включая ее «цифровизацию», и дающих рекомендации по преодолению возникающих вызовов³. Одним из правовых инструментов ОЭСР, способствующих развитию международной торговли, является Договоренность об экспортном кредитовании, которая распространяется на весь комплекс мер государственной поддержки экспортёров товаров и услуг за исключением экспорта военного оборудования и сельскохозяйственных товаров [OECD, 1976]. Договоренность (вступила в силу в 1978 г. и постоянно дополняется) призвана обеспечить равные условия конкуренции между институтами поддержки экспорта разных стран и может помочь государствам – членам ЕАЭС в согласовании единых подходов к созданию механизмов стимулирования экспорта, которые в ряде стран Союза находятся пока на стадии формирования [OECD, n. d., b].

Внешнеторговая политика ЕАЭС направлена на решение таких задач, как повышение конкурентоспособности товаров из стран-членов, улучшение условий доступа на рынки третьих стран (в том числе путем заключения соглашений о свободной торговле), формирование совместных политик и практик по продвижению товаров ЕАЭС на внешние рынки. Поэтому в области торговой политики может быть полезным использование опыта ОЭСР при разработке региональных торговых соглашений с целью повышения их качества и более полного учета в них интересов стран ЕАЭС. При формировании переговорной позиции в отношении доступа на рынок услуг представ-

³ Например, из последних публикаций: [OECD, 2017; 2019; González, Ferencz, 2018].

ляется целесообразным использование индекса STRI (мониторинг барьеров в сфере торговли услугами), разработанного ОЭСР для более точной оценки ключевых параметров сектора услуг в стране-партнере и выработки оптимальной переговорной тактики. Глубокого экспертного анализа требует перспектива создания аналогичного, основанного на методологии STRI, «индекса ЕАЭС» для оценки глубины интеграции в области торговли услугами. Опыт ОЭСР может быть полезен и при проведении сопоставительного анализа между нормами Соглашения ВТО по упрощению процедур торговли, нормами Киотской конвенции и таможенного законодательства ЕАЭС. Индикаторы упрощения процедур торговли (Trade Facilitation Indicators, TFI) могут быть использованы для оценки эффективности таможенного законодательства ЕАЭС и действий наднациональных регуляторов по содействию торговле и совершенствованию деятельности таможенных органов.

Трансформация экономики на основе информационно-коммуникационных технологий: реализация цифровой повестки ЕАЭС

В последние годы деятельность правительств многих стран мира направлена на разработку оптимальной политики в области цифровой экономики, которая обеспечивала бы эффективное использование возникающих технологий, одновременно нивелируя возникающие риски, которые связаны в первую очередь с обеспечением безопасности и конфиденциальности персональных данных.

ОЭСР является ведущей международной организацией в плане выработки стандартов развития цифровой экономики. В 2017 г. ОЭСР запустила глобальную инициативу Going Digital: Making Transformation Work for Growth and Well-Being [OECD, n. d., a]. На данный момент это крупнейший горизонтальный проект в истории организаций, в который вовлечены 14 профильных комитетов и множество независимых экспертов. Цель глобальной инициативы – дать национальным регуляторам лучшее понимание сути цифровых преобразований, способствующее выработке оптимальных стратегий в сфере цифровой экономики, применимых на национальном и международном уровне.

В декабре 2016 г. главы государств – членов Союза подписали Заявление о цифровой повестке ЕАЭС, в марте 2017 г. была сформирована группа высокого уровня, призванная координировать работу в сфере цифровизации, а 12 октября 2017 г. Высшим Евразийским экономическим советом были утверждены Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. Предпочтение в документе отдано многосторонним инициативам с высоким интеграционным потенциалом. Прежде всего, это цифровая промышленная кооперация, вопросы электронной торговли и государственных закупок, цифровая прослеживаемость продукции, цифровые транспортные коридоры, трансграничный оборот данных и обеспечение интероперабельности (взаимодействия программного обеспечения).

Реализация цифровой повестки ЕАЭС затрагивает все сферы интеграционного сотрудничества и будет носить кросс-секторальный и мультиплекативный характер. Страны Союза осознают необходимость гармонизации национальных программ цифровой трансформации, формирования «бесшовной» интероперабельной сервисной среды, создания собственных межотраслевых цифровых платформ и реализации совместных проектов. В связи с этим представляется полезным взять на вооружение опыт государств ОЭСР в области реформирования сектора цифровой экономики. Одной из наиболее перспективных сфер для реализации пилотного проекта является имплементация

ментация стандартов ОЭСР в области развития цифровой экономики, повышения доступности широкополосного Интернета, реализации потенциала «больших данных», «искусственного интеллекта» и «интернета вещей», цифровизации рынка труда и других областей в рамках крупнейшего в истории ОЭСР горизонтального проекта Going Digital.

Внедрение стандартов ОЭСР в области цифровой трансформации приведет к росту производительности во всех странах ЕАЭС, созданию новых рабочих мест, повышению качества государственного управления, упрощению доступа на мировые рынки и повышению конкурентоспособности Союза в глобальной экономике, а также ускорит создание трансграничного пространства «электронного доверия», включающего сервисы аутентификации, авторизации и цифрового архива.

Заключение

Представленные выше предложения по пилотным проектам использования стандартов и лучших практик ОЭСР в ЕАЭС, безусловно, нуждаются в обсуждении со странами – членами Союза и необходимом политическом согласовании. Процесс консультаций должен подкрепляться всесторонней оценкой социально-экономических эффектов использования стандартов ОЭСР для союзных стран, а также интеграционных эффектов для Союза в целом.

Приведенный перечень пилотных проектов не является окончательным. Кроме перечисленных проектов, представляется перспективным учет опыта ОЭСР в следующих сферах интеграционного взаимодействия: макроэкономическая политика и оценка эффектов интеграции; повышение качества государственного управления; научно-технологическая и инновационная политика. Наконец, цели устойчивого развития ЕАЭС не могут быть достигнуты без внедрения принципов и стандартов «зеленого» роста и энергоэффективности ОЭСР в нормативно-правовую базу ЕАЭС⁴. Важно подчеркнуть и важность внедрения стандартов ОЭСР в контексте достижения всех Целей устойчивого развития (ЦУР) в регионе евразийской экономической интеграции. Развитие отношений между ОЭСР и ЕАЭС, внедрение добровольных стандартов позволяет противостоять одной из негативных тенденций глобализации, известной как политика технологического и инновационного «огораживания» передовых стран, что приводит к селекции и зонированию политических и экономических контактов в трансграничном пространстве. Успешное противостояние этой тенденции способно существенно улучшить качество евразийской экономической интеграции.

Источники

Евразийская экономическая комиссия (2013) О Модельном законе «О конкуренции». Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/Decisions/DispForm.aspx?ID=1333> (дата обращения: 01.11.2019).

⁴ В 2017 г. ЕЭК подготовила Доклад «Показатели достижения ЦУР в регионе ЕАЭС», который был представлен в Нью-Йорке в рамках Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию под эгидой ЭКОСОС ООН. ЕАЭС стал первым интеграционным объединением в мире, осуществившим такую работу. В настоящее время ЕЭК активно работает над проведением оценки влияния интеграционных процессов в рамках ЕАЭС на достижение государствами-членами показателей ЦУР с целью предоставления в 2020 г. в ООН второго добровольного обзора по достижению ЦУР в регионе ЕАЭС.

Евразийская экономическая комиссия (2014) Договор о Евразийском экономическом союзе. Режим доступа: [www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/energ/Documents/Договор о ЕАЭС.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/energ/Documents/Договор%20о%20EA%C5%A1C.pdf) (дата обращения: 01.11.2019).

Евразийская экономическая комиссия (2017а) Сборник публикаций «Сотрудничество государств – членов ЕАЭС с ОЭСР в контексте развития интеграционной повестки Союза. Возможности использования наилучших практик ОЭСР». Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/SiteAssets/%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%BA%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BC%D0%20%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BC%D0%80%D0%BC%D0%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%9E%D0%AD%D0%A1%D0%A0.pdf> (дата обращения: 01.11.2019).

Евразийская экономическая комиссия (2017б) Рекомендация Коллегии ЕЭК № 32 от 13 декабря. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/Decisions/DispForm.aspx?ID=3278> (дата обращения: 01.11.2019).

Министерство национальной экономики Республики Казахстан (2017) Казахстан может стать хабом по передаче лучших практик ОЭСР в Центрально-азиатском регионе. Режим доступа: <http://economy.gov.kz/ru/news/kazahstan-mozhet-stat-habom-po-peredache-luchshih-praktik-oesr-v-centralno-aziatskom-regione> (дата обращения: 01.11.2019).

Министерство экономического развития Российской Федерации (2019) Максим Орешкин: мы стремимся интегрировать индикаторы ОЭСР в национальные проекты. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/deparsiapacific/2019102902> (дата обращения: 1.11.2019).

Президент России (2018) Обращение Президента России к главам государств – членов Евразийского экономического союза. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения: 01.11.2019).

Эхо Москвы (2018) Интервью Т.С. Саркисяна на радио «Эхо Москвы». 25 мая. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/guests/823150-echo> (дата обращения: 01.11.2019).

Council of Europe (1988) Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters. Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/127> (дата обращения: 01.11.2019).

González L., Ferencz J. (2018) Digital Trade and Market Openness. OECD Trade Policy Papers, No. 217. Paris: OECD Publishing.

OECD (1976) Arrangement on Officially Supported Export Credits. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-5005> (дата обращения: 01.11.2019).

OECD (2013) Declaration on Base Erosion and Profit Shifting. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0399> (дата обращения: 01.11.2019).

OECD (2017) Services Trade Policies and the Global Economy Paris: OECD Publishing.

OECD (2018) OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS: Progress Report July 2017 – June 2018. Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/beps/inclusive-framework-on-beps-progress-report-june-2017-july-2018.htm> (дата обращения: 01.11.2019).

OECD (2019) International Trade by Commodity Statistics, Volume 2019 Issue 5: Estonia, Israel, Latvia, Lithuania, Netherlands, Norway, Poland. Paris: OECD Publishing.

OECD (n. d., a) Country-by-Country exchange relationships. Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/beps/country-by-country-exchange-relationships.htm> (дата обращения: 01.11.2019).

OECD (n. d., b) Going Digital: Making Transformation Work for Growth and Well-Being. Режим доступа: <http://www.oecd.org/going-digital/> (дата обращения: 01.11.2019).

OECD (n. d., c) Southeast Asia Regional Programme (SEARP). Режим доступа: <http://www.oecd.org/tad/tradedev/southeast-asia-regional-programme.htm> (дата обращения: 01.11.2019).

OECD (n. d., d) The Common Reporting Standard Multilateral Competent Authority Agreement (CRS MCAA). Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/multilateral-competent-authority-agreement.pdf> (дата обращения: 01.11.2019).

Приложение 1

Перечень pilotных проектов по тематике ОЭСР для ЕАЭС

(на основе Предложения Минэкономразвития России от 26 июня 2018 г.
по pilotным проектам, предусматривающим имплементацию стандартов ОЭСР
в право Евразийского экономического союза и национальные акты
государств – членов ЕАЭС)

1. Создание в рамках ЕАЭС системы надлежащей лабораторной практики, основанной на стандартах ОЭСР.
2. Совершенствование договорной правовой базы ЕАЭС в сфере оборота химической продукции.
3. Использование наилучших практик ОЭСР в области сортовой сертификации семян и гармонизация методик по испытанию тракторов со стандартами ОЭСР.
4. Совершенствование договорной правовой базы ЕАЭС в части, касающейся конкурентной политики (разработка Порядка освобождения Евразийской экономической комиссией от ответственности при добровольном заявлении о заключении хозяйствующим субъектом соглашения, недопустимого в соответствии с п. 3–5 ст. 76 Договора о Евразийском экономическом союзе).
5. Разработка предложений по содействию кластерной кооперации.
6. Обмен опытом по механизмам стимулирования цифровизации у бизнеса.
7. Совершенствование инструментов по защите прав потребителей в электронной торговле в развитие Рекомендации Коллегии ЕЭК «Об общих подходах к проведению государствами – членами ЕАЭС согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом» от 21 ноября 2017 г. № 27.
8. Совершенствование инструментов государственной поддержки экспорта с учетом стандартов ОЭСР (внедрение в практику экспортных агентств антикоррупционной, социальной и экологической экспертизы).
9. Внедрение в государствах – членах ЕАЭС лучших практик поддержки МСП с учетом рекомендаций ОЭСР.
10. Проведение совместных мероприятий по вопросам развития профессиональных (корпоративных) пенсионных схем, а также цифровой экономики в сегменте пенсионного обеспечения.
11. Разработка рекомендаций по внедрению принципов ответственного ведения бизнеса в государствах – членах ЕАЭС в соответствии со стандартами ООН и ОЭСР.
12. Обмен информацией о зарубежных счетах налоговых резидентов между налоговыми органами с учетом стандартов ОЭСР в данной области.

Applying OECD Standards and Best Practices in Eurasian Economic Integration¹

T. Meshkova, V. Izotov, O. Demidkina

Tatyana Meshkova — PhD (Political Sciences), director, Competency Centre for Cooperation with International Organisations, HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge; Associate Professor, Department of World Economy, Faculty of World Economy and International Affairs; National Research University Higher School of Economics, of. 216, 13 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; E-mail: meshkova@hse.ru

Vladimir Izotov — PhD (Political Sciences), leading expert, Competency Centre for Cooperation with International Organisations, HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge; National Research University Higher School of Economics, of. 216, 13 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; E-mail: vizotov@hse.ru

Olga Demidkina — leading expert, Competency Centre for Cooperation with International Organisations, HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge; National Research University Higher School of Economics, of. 216, 13 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; E-mail: odemidkina@hse.ru

Abstract

The authors consider more promising areas of the EAEU member states' supranational competencies, where application of the OECD standards could create the highest "added value" for the Eurasian economic integration. Based on an analysis of Russian and the EAEU strategic planning documents, and the OECD best practices and experience of cooperating with integration associations, the paper presents a number of pilot projects in the scope of which the above standards were applied in the most important areas of the Eurasian economic integration. However, the list of pilot projects (in areas such as tax policy, antimonopoly regulation, supporting SMEs, trade policy, and digital agenda) is not exhaustive, while the proposals for applying the OECD standards and best practices in the EAEU need to be further discussed with the Union member states, and require adequate political approval. The supranational consultation mechanism for these topics should be supported by a comprehensive assessment of the socio-economic benefits of applying the OECD standards in the EAEU member states, and of the integration effects for the Union as a whole.

Key words: OECD; EAEU; SDG; Eurasian economic integration; global regulation; international organisations; integration associations; supranationality; legal implementation

For citation: Meshkova T., Izotov V., Demidkina O. (2019) Applying OECD Standards and Best Practices in Eurasian Economic Integration. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 172–186 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-09.

References

- Council of Europe (1988) Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters. Available at: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/127> (accessed 01 November 2019).
- Echo of Moscow (2018) T.S. Sargsyan Interview to the "Echo of Moscow" Radio Station, 25 May. Available at: <https://echo.msk.ru/guests/823150-echo> (accessed 01 November 2019) (in Russian).

¹ The editorial board received the article in September 2018.

The paper was written in the scope of the study "Analysis of the OECD project management principles, tools, and best practices, and development of proposals to apply them in priority strategic development projects, strategic planning documents, the Russian Federation national programmes, and the regulatory framework of the Eurasian integration", conducted by HSE in 2018 for the RF Government.

Eurasian Economic Commission (2013) O Model'nom zakone «O konkurencii» [Model Law “On Competition”]. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/Decisions/DispForm.aspx?ID=1333> (accessed 01 November 2019). (in Russian)

Eurasian Economic Commission (2014) Dogovor o Evrazijskom ekonomiceskem sojuze [Treaty on the Eurasian Economic Union]. Available at: [www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikainfr/energ/Documents/Dogовор о ЕАЭС.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikainfr/energ/Documents/Dogовор%20о%20ЕАЭС.pdf) (accessed 01 November 2019). (in Russian)

Eurasian Economic Commission (2016) Svodnyj obzor o merah i mehanizmakh podderzhki jeksporta sel'skohozajstvennoj produkci i prodrovol'stviya, primenjaemyh v gosudarstvah – chlenah Evrazijskogo jekonomiceskogo sojuza [Consolidated review of the measures and mechanisms of agricultural and food export promotion applied in the Eurasian Economic Union member states]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%BA%D0%B0%20%D1%88%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0.pdf (accessed 01 November 2019). (in Russian)

Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan (2017) Kazakhstan mozhet stat' habom po pere-dache luchshih praktik OECD v Central'no-aziatskom regione [Kazakhstan may become a hub for OECD best practices transmission in Central Asia]. Available at: <http://economy.gov.kz/ru/news/kazahstan-mozhet-stat-habom-po-peredache-luchshih-praktik-oesr-v-centralno-aziatskom-regione> (accessed 01 November 2019). (in Russian)

OECD (1976) Arrangement on Officially Supported Export Credits. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-5005> (accessed 01 November 2019).

¹ OECD (2013) Declaration on Base Erosion and Profit Shifting. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0399> (accessed 01 November 2019).

OECD (2018) OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS: Progress Report July 2017 – June 2018. Available at: <http://www.oecd.org/tax/beps/inclusive-framework-on-beps-progress-report-june-2017-july-2018.htm> (accessed 01 November 2019).

OECD (n. d., a) Country-by-Country exchange relationships. Available at: <http://www.oecd.org/tax/beps/country-by-country-exchange-relationships.htm> (accessed 01 November 2019).

OECD (n. d., b) Going Digital: Making Transformation Work for Growth and Well-Being. Available at: <http://www.oecd.org/going-digital/> (accessed 01 November 2019).

OECD (n. d., c) Southeast Asia Regional Programme (SEARP). Available at: <http://www.oecd.org/tad/trade-development/southeast-asia-regional-programme.htm> (accessed 01 November 2019).

OECD (n. d., d) The Common Reporting Standard Multilateral Competent Authority Agreement (CRS MCAA). Available at: <http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/multilateral-competent-authority-agreement.pdf> (accessed 01 November 2019).

President of the Russian Federation (2018) Obrashhenie Prezidenta Rossii k glavam gosudarstv – chlenov Evrazijskogo jekonomiceskogo sojuzu [Message from President of Russia to heads of Eurasian Economic Union member states]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/56663> (accessed 01 November 2019). (in Russian)

Обзоры и рецензии

Обзор рабочего документа ОЭСР «Измерение влияния бизнеса на благосостояние и устойчивость: обзор существующих систем и инициатив»^{1, 2}

А.Г. Сахаров

Сахаров Андрей Геннадиевич – н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: sakharov-ag@ranepa.ru

Рабочий документ ОЭСР «Измерение влияния бизнеса на благосостояние и устойчивость: обзор существующих систем и инициатив» (Measuring the impact of businesses on people's well-being and sustainability: Taking stock of existing frameworks and initiatives) за авторством М. Шинвеля и Э. Шамира посвящен рассмотрению подходов к анализу воздействия деятельности частных предприятий на изменение уровня доходов населения с учетом необходимости перехода к устойчивым моделям социально-экономического развития. В статье проводится обзор основных положений и выводов работы Шинвеля и Шамира.

Ключевые слова: устойчивое развитие; вклад бизнеса; цели устойчивого развития; благосостояние; социально-экономическое развитие

Для цитирования: Сахаров А.Г. (2019) Обзор рабочего документа ОЭСР «Измерение влияния бизнеса на благосостояние и устойчивость: обзор существующих систем и инициатив» // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 187–190 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-10.

Рабочий документ ОЭСР «Измерение влияния бизнеса на благосостояние и устойчивость: обзор существующих систем и инициатив» (Measuring the impact of businesses on people's well-being and sustainability: Taking stock of existing frameworks and initiatives) за авторством М. Шинвеля и Э. Шамира посвящен рассмотрению подходов к анализу воздействия деятельности частных предприятий на изменение уровня доходов населения с учетом необходимости перехода к устойчивым моделям социально-экономического развития. Одной из целей материала является обеспечение сопоставимости описываемых подходов и существующих источников статистических данных по про-

---

¹ Обзор поступил в редакцию в сентябре 2019 г.

² Shinwell W. (2018) Measuring the impact of businesses on people's well-being and sustainability Taking stock of existing frameworks and initiatives. Режим доступа: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=SDD/DOC\(2018\)8&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=SDD/DOC(2018)8&docLanguage=En) (дата обращения: 01.11.2019).

блематике вклада делового сообщества в реализацию Целей устойчивого развития в целях повышения их качества, доступности и прозрачности.

Структурно работа разбита на три части. В первой части обосновывается необходимость измерения вклада бизнеса в обеспечение общественного благосостояния. Авторы ставят вопросы о причинах заинтересованности предпринимателей в создании общественного блага, о потенциальных выгодах для предприятий и общества в результате подобного взаимодействия, а также о необходимости проведения мероприятий по его мониторингу и оценке. В связи с вопросами мониторинга рассматриваются основные составляющие устойчивого развития: экономика, социальная сфера и экология, а также вклад бизнеса по каждому из этих направлений. Шинвелл и Шамир приводят краткий обзор существующих систем оценки вклада бизнеса в создание общественно-го блага, а также научных публикаций по данному вопросу. Отмечается преобладающая финансовая мотивировка подобного ответственного поведения и предоставляемой фирмами отчетности.

Кроме того, дополнительными факторами вовлечения бизнеса в производство общественного блага, согласно приводимой авторами информации, служат предпочтения инвесторов и потребителей. По мере распространения информации и знаний в сфере устойчивого развития среди населения давление со стороны этих акторов усиливается, вынуждая частный сектор обращать внимание на решение экологических и социальных проблем, сопутствующих осуществлению предпринимательской деятельности. В этой связи развивается и тренд по раскрытию информации и отчетности (в том числе самоотчетности), сопровождаемый созданием специализированных структур, таких как Global Reporting Initiative (GRI), World Business Council for Sustainable Development (WBCSD), Corporate Human Rights Benchmark, Natural Capital Coalition и др. ОЭСР также активно участвовала в этом процессе, запустив ряд инициатив, направленных на стимулирование отчетности бизнеса, обмен опытом в данной сфере и рейтингование предприятий по различным критериям социально-экологической ответственности.

Во второй части работы представлен анализ существующих систем оценки ответственного поведения бизнеса по пяти критериям: 1) прозрачность и доступность методологии; 2) наличие четко определенных ключевых индикаторов эффективности; 3) наличие целевой аудитории; 4) использование подходов, ориентированных на определенные отрасли; 5) наличие прямых ссылок к ЦУР. Авторы работы выделяют три основных типа анализируемых систем: независимые инициативы третьих сторон; доклады аудиторов и консультантов; самоотчетность компаний.

Выводы по результатам анализа разделены на пять групп в соответствии с критериями оценки. Авторы приходят к выводу, что прозрачность и доступность методологии во многом определяются типом организации, выпускающей доклад. Так, установлено, что некоммерческие акторы, как правило, охотнее раскрывают методологию проводимых исследований.

Одной из ключевых проблем инициатив по оценке вклада бизнеса в устойчивое развитие, с точки зрения Шинвелла и Шамира, является непоследовательность и отсутствие критериев оценки социальных и экологических последствий деятельности предприятий (5 из 13 проанализированных инициатив самоотчетности бизнеса не содержали ключевых индикаторов эффективности и не рассматривали эти данные в динамике). Также была выявлена взаимосвязь между целевой аудиторией системы оценки и ее ключевыми характеристиками. В частности, инициативы, ориентированные на инвесторов, содержат преимущественно количественные показатели, обновляемые на регулярной основе. В то же время существенная часть проанализированных систем не

содержит количественных показателей, что, по мнению авторов, осложняет восприятие подобных работ и препятствует сопоставлению результатов.

Наконец, отмечается рост интереса бизнеса к Целям устойчивого развития как определенной системе координат с точки зрения оценки вклада делового сообщества в общественное благосостояние. Прямые ссылки к ЦУР содержали 20 из 35 рассмотренных работ. В большинстве случаев, вследствие отсутствия адаптированных критериев оценки реализации ЦУР для бизнеса, авторам приходилось вырабатывать собственные методики.

Третья часть работы содержит предложения по синтезу системы оценки благосостояния, выработанной ОЭСР, и существующих систем, используемых гражданским обществом и бизнесом для оценки вклада частного сектора в устойчивое развитие. Авторы предлагают совместить основные компоненты выпускаемых с 2011 г. докладов ОЭСР “How’s Life?” с критериями большинства рассмотренных в рамках предыдущей части работ, адаптируя методологию под нужды частных предприятий. Таким образом, 11 традиционных для ОЭСР компонентов благосостояния (доход, занятость, жилье, здоровье, образование, баланс работы – жизнь, общественная жизнь и управление, социальные связи, качество окружающей среды, личная безопасность, субъективное восприятие благосостояния) предлагается взять за основу инициатив по оценке вклада бизнеса в реализацию ЦУР. По каждому из компонентов авторы предлагают критерии, соответствующие возможному вкладу частного предприятия в его реализацию. Также в заключении приводится соотношение предлагаемой методологии и существующих систем оценки. Авторы приходят к выводу, что в наибольшей степени проанализированные системы концентрируются на проблематике окружающей среды, управления, занятости и здравоохранения, в то время как вопросы личной безопасности, субъективного благосостояния и жилья рассматриваются не столь активно.

Цели устойчивого развития ООН, ориентированные на государственных акторов, не содержат прямых рекомендаций для бизнеса. Несмотря на это, очевидно, что без мобилизации ресурсов частного сектора достижение ЦУР в обозримой перспективе невозможно. В этой связи работа Шинвельла и Шамира поднимает важные вопросы, касающиеся систем оценки вклада делового сообщества в устойчивое развитие на локальном и глобальном уровне. Безусловным плюсом данной работы является попытка обеспечить сопоставимость различных систем и их связанность с глобальными Целями, принятыми ООН.

Review of OECD Working Paper “Measuring the Impact of Businesses on People’s Well-Being and Sustainability: Taking Stock of Existing Frameworks and Initiatives”^{1,2}

A. Sakharov

Andrei Sakharov – Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: sakharov-ag@ranepa.ru

Abstract

The OECD working paper, “Measuring the impact of businesses on people’s well-being and sustainability: Taking stock of existing frameworks and initiatives”, by Michal Shinwell and Efrat Shamir, takes stock of the analytical frameworks attempting to measure the private sector impact on the income levels of the population, taking into account the need to move to sustainable models of socio-economic development. This material reviews the main points and conclusions of Shinwell’s and Shamir’s work.

Key words: sustainable development; business impact; Sustainable Development Goals; well-being; socio-economic development

For citation: Sakharov A. (2019) Review of OECD Working Paper “Measuring the impact of businesses on people’s well-being and sustainability: Taking stock of existing frameworks and initiatives. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 187–190 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-10.

---

¹ The editorial board received the review in September 2019.

² Shinwell W. (2018) Measuring the impact of businesses on people’s well-being and sustainability Taking stock of existing frameworks and initiatives. Available at: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=SDD/DOC\(2018\)8&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=SDD/DOC(2018)8&docLanguage=En) (accessed 1 November 2019).

Блокчейн и будущее международной торговли (Обзор доклада «Может ли блокчейн революционизировать мировую торговлю?»)¹²

В.А. Мальцева, А.А. Мальцев

Мальцева Вера Андреевна – к.э.н., н.с. Центра развития навыков и профессионального образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: maltsevava@gmail.com

Мальцев Александр Андреевич – д.э.н., профессор кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета; Российская Федерация, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН; Российская Федерация, 62014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; докторант CRISEA Университета Пикардии им. Жюля Верна, Франция; 10 Placette Lafleur BP 2716, 80027, Amiens, France; E-mail: almalzev@mail.ru

Обзор посвящен рассмотрению основных положений доклада ВТО «Может ли блокчейн революционизировать мировую торговлю?». В докладе показана многоаспектность влияния технологии блокчейн на различные сферы международной торговли и внешнеэкономической деятельности. Эффекты от внедрения блокчейна – преимущественно в форме ускорения и упрощения международных транзакций – почтывают многие сферы, в особенности наиболее документоемкие: торговое финансирование, фасилитация торговли, торговля услугами, интеллектуальная собственность, государственные закупки. Однако автор доклада, признавая потенциально положительное влияние блокчейна практически на все аспекты внешнеэкономической деятельности, призывает не впадать в цифровую эйфорию. Успех внедрения данной технологии в решающей степени зависит от повышения доверия между участниками внешнеэкономических связей, координации усилий международного сообщества по созданию соответствующей инфраструктуры и преодолению законодательных преград, стоящих на пути широкого внедрения блокчейна.

Ключевые слова: блокчейн; международная торговля; ВТО; цифровизация

Для цитирования: Мальцева В.А., Мальцев А.А. (2019) Блокчейн и будущее международной торговли (Обзор доклада «Может ли блокчейн революционизировать мировую торговлю?») // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 191–198 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-11.

Последовавшее за Великой рецессией 2007–2009 гг. замедление роста мировой экономики дало импульс появлению массы гипотез, пытающихся пролить свет на природу данного феномена. Одним из наиболее популярных объяснений торможения глобального хозяйства является стагнация международной торговли. Ряд исследователей связывает это явление с ростом протекционистских настроений и обострением внешнеторговых конфликтов. Другие специалисты считают основным источником сниже-

¹ Обзор поступил в редакцию в августе 2019 г.

Ganne E. (2018) Can Blockchain revolutionize international trade? Geneva: World Trade Organization.

² Работа выполнена при поддержке Гранта Президента РФ № МД-59.2019.6.

ния динамики мировой торговли переориентацию крупных стран с формирующимиися рынками с наращивания экспорта на приоритетное развитие внутреннего потребления.

Несмотря на различия в оценках причин вялой динамики мировой торговли, в профессиональной литературе все чаще высказываются мнения о возможности ускорения глобального экспорта при помощи цифровых технологий, в частности блокчейна, способного снизить барьеры, сковывающие трансграничное перемещение товаров, и повысить взаимное доверие между участниками внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Однако в своем стремлении решить проблемы современной мировой торговли при помощи новых технологий многие эксперты нередко склонны переоценивать значение данных новшеств. Это актуализирует задачу свободной от технологической эйфории оценки потенциала влияния блокчейна на международную торговлю. Одним из примеров такого взвешенного подхода является доклад Э. Ганн, подготовленный под эгидой ВТО.

С момента появления Интернета ни одна другая технологическая новация не вызывала такой оживленной дискуссии. Причем в СМИ блокчейн часто подается в роли «волшебной палочки», по мановению которой глобальная экономика получит новое дыхание и ускорение. Несмотря на многочисленные публикации, посвященные перспективам внедрения блокчейна, влияние данной технологии на развитие различных сфер экономики остается малоисследованным. В этом контексте публикация ВТО закрывает важный пробел в литературе, выводя на первый план обсуждение практических, реальных форматов применения технологии блокчейн на примере международной торговли – одного из крупнейших потенциальных бенефициаров широкомасштабного внедрения этой технологии.

Доклад состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен экскурсу в историю и технологическую сущность блокчейна. Второй раздел составляет смысловое ядро отчета, в нем последовательно рассматриваются возможности и эффекты от внедрения технологии блокчейн в пяти областях: расчеты по международным торговым операциям (торговое финансирование), фасилитация торговли, торговля услугами, интеллектуальная собственность, государственные закупки. Третий раздел включает обсуждение открывающихся возможностей и ограничений на пути широкомасштабного внедрения блокчейна в практику международной торговли.

Блокчейн представляет собой децентрализованную распределенную запись (реестр) транзакций, в которой информация о транзакциях хранится в постоянном и почти неизменном виде с использованием криптографических методов. Если быть точными, блокчейн – лишь одна из разновидностей распределенного реестра (*distributed ledger technology/DLT*), где данные о транзакциях хранятся в виде соединенных друг с другом блоков. Однако широкое – почти вирусное – распространение понятия «блокчейн» привело к тому, что этот термин стал применяться как обобщающий для всех распределенных реестров и DLT в целом.

Блокчейн как технологическое решение возник в экспертном криптографическом сообществе в 2008 г. Первая имплементация технологии состоялась в 2009 г. – в качестве ключевого компонента технологической основы криптовалюты биткоин. Появление блокчейна именно в 2008–2009 гг. не случайно (особенно учитывая, что сама технология к этому моменту развивалась уже как минимум четыре десятилетия). В разгар глобального экономического кризиса с последовавшей утратой доверия к регулируемой финансовой системе блокчейн стал желанной альтернативой зарегулированной и кажущейся неэффективной государственной системе. Однако смысловую самостоятельность (от биткоин) технология блокчейн получила только в 2013 г., когда она была

применена в других криптовалютах (например, Ethereum), а также в сфере финансовых технологий.

Таким образом, блокчейн это не только и не столько биткоин. Потенциал использования технологии блокчейн намного шире криптовалют и включает все сферы, за действующие данные и интеракцию множества ее владельцев и пользователей. Ключевые отличия традиционной базы данных о транзакциях от блокчейна заключаются в следующем: отсутствие единого держателя информации, администратора; прозрачность базы данных (реестра) и доступность всем участникам сети; более высокая защита данных от хакерских атак. Технология блокчейн подразумевает использование одноранговой или децентрализованной сети равноправных участников (peer-to-peer), где все участники являются держателями и администраторами информации и имеют доступ к реестру в любое время. Аутентификация транзакций реализуется с помощью криптографических средств и консенсусного протокола, который определяет правила обновления реестра, что позволяет разрозненным участникам сотрудничать без помощи третьей стороны (администратора). Неслучайно в The Economist блокчейн назвали «машиной доверия» (“trust machine”).

Однако реальная жизнь немного отличается от классических определений блокчейна. На практике существует множество типов/моделей реестра, различающихся по степени децентрализации, свободы доступа, открытости и др. Наиболее типичным является выделение двух типов реестра. Первый – открытый реестр в соответствии с классическим пониманием блокчейна как децентрализованного реестра, в котором отсутствует администратор сети. Типичный пример открытого децентрализованного реестра – Биткоин, впрочем, как и другие криптовалюты. Второй тип – закрытый (разрешительный) реестр, где есть третья сторона, определяющая право других участников по доступу и добавлению информации. Этой третьей стороной может выступать одна организация или даже консорциум компаний (*consortium blockchain*).

Применяемые в практике международной торговли блокчейн-реестры преимущественно попадают во вторую группу и относятся к категории *consortium blockchain*. Склонность к использованию разрешительных реестров, с одной стороны, легко объясним спецификой торговых транзакций, в которых всегда есть оговоренное количество сторон – пользователей и владельцев информацией, поэтому создание открытого децентрализованного реестра не видится контрагентам оптимальным. С другой стороны, это дает ясное представление о месте «эталонного», открытого и самого обсуждаемого типа блокчейна в международной торговле. Однако есть и исключения. Так, платформа FastTrackTrade – площадка для малых и средних предприятий Сингапура – открыта для всех компаний.

Уже активно применяемый и потенциально важнейший продукт технологии блокчейн для международной торговли и ВЭД – это смарт-контракты, или умные контракты (*smart contract*). Концепция умного контракта впервые была представлена в специализированных публикациях еще в середине 1990-х годов, но практическое применение получила только в 2015 г. в контексте развития технологии блокчейн на платформе Ethereum. Смарт-контракт – это компьютерный протокол автоматизированного исполнения обязательств контракта. Умный контракт в автоматическом режиме (без участия третьей стороны) выполняет транзакцию и контролирует ее выполнение при соблюдении условий контракта, которые также записаны в виде кода. При всей привлекательности концепции у смарт-контрактов есть важное ограничение – эти протоколы могут работать только с данными, представленными в цифровой экосистеме, то есть применение умных контрактов требует оцифровки всей информации, используемой в цикле транзакции.

Примечательно, что смарт-контракты не вполне оправдывают свое название, так как, во-первых, этот продукт не включает компоненты искусственного интеллекта, что могло бы оправдать приставку «смарт», а является лишь автоматизированным протоколом, во-вторых, смарт-контракт не является в нормативном смысле контрактом ввиду отсутствия юридического статуса. Тем не менее возможность автоматизации рутинных задач представляет значительный интерес для применения смарт-контрактов в международной торговле, однако при этом сохраняется неразрешенность вопросов защиты информации и правовых вопросов, особенно в части ответственности в случае ошибок в коде.

По мнению автора доклада, главный эффект от использования блокчайна в сфере ВЭД будет заключаться в сокращении бумажного документооборота на всех этапах ее осуществления. Так, именно сквозь призму снижения документоемкости в работе рассматривается влияние этой технологии на упрощение процедур торгового финансирования. В частности, особенно велик потенциал блокчайна в повышении скорости проведения операций при использовании такого традиционного инструмента расчета, как аккредитив. В отчете приводятся данные, согласно которым блокчайн позволяет сократить время аккредитивной транзакции с 7–10 дней до менее чем 4 часов. Однако помимо широких возможностей по модернизации уже существующих форм расчета блокчайн способствует расширению использования новых финансовых продуктов и услуг. Например, благодаря блокчайну уже получили развитие разнообразные электронные платформы (Digital Trade Chain Consortium, We.trade и др.), облегчающие финансирование международных производственно-сбытовых цепочек. Главное достоинство подобных цифровых площадок состоит в сокращении числа посредников между экспортерами и импортерами, способствующее не только ускорению, но и удешевлению транзакций. Кроме того, благодаря способности автоматизировать исполнение контрактных обязательств, блокчайн повышает транспарентность внешнеэкономических операций для банковских структур. Последнее обстоятельство крайне важно для малого и среднего бизнеса, нередко испытывающего сложности с внешнеторговым финансированием из-за недостаточного залогового обеспечения или отсутствия кредитной истории.

Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества блокчайна, говорить о скромном наступлении эпохи полной цифровизации торгового финансирования не приходится. В докладе выделены три основных вызова, стоящих на этом пути. Во-первых, для дальнейшего развития технологии блокчайн требуются значительные инвестиции со стороны банков и хай-тек компаний в изучение технических возможностей по расширению ее использования. Во-вторых, узким местом остаются вопросы юридического характера, в особенности правовой статус электронных документов и отсутствие согласованных на международном уровне правил контроля за исполнением контрактов, заключенных при помощи блокчайна. В-третьих, будущее технологии блокчайн в области торгового финансирования зависит от скорости ее распространения в других звеньях ВЭД, в частности в таможенном деле.

Дело в том, что именно эта сфера пока остается одной из наименее затронутых процессами цифровизации. Так, например, такие важные инструменты, как принцип единого цифрового таможенного окна и электронной подачи-выдачи сертификатов происхождения товаров, в той или иной форме используются сейчас лишь в 40% стран мира. Огромное пространство для использования технологии блокчайн открывается и в области цифровизации механизмов фитосанитарного надзора, упрощения лицензирования экспортно-импортных операций и таможенного оформления грузов. Кроме того, весьма многообещающим выглядит задействование механизмов блокчайна для

упрощения процедур заключения межгосударственных соглашений о взаимном признании таможенных документов и сертификатов.

Но эти радужные перспективы вновь упираются в целый ряд проблем. К числу главных из них Э. Ганн относит сложности с возведением «электронных мостов» между компетентными органами страны-экспортера и страны-импортера, по которым будет осуществляться документарный оборот. По мнению исследователя, наиболее оптимальным способом создания такого электронного канала было бы использование контролирующими инстанциями государств-контрагентов двух видов технологий: 1) единого блокчейна; 2) разных блокчайнов, но построенных на одной технологической платформе. К сожалению, технические сложности не позволяют пока надеяться на скорую реализацию подобных сценариев. Более реалистичным ученому видится возведение «электронных мостов» по схеме, предполагающей использование государственными службами стран-участниц внешнеторговой сделки собственных блокчайнов и даже режима, в рамках которого надзирающие органы одного из государств будут находиться в режиме офф-чайн. Кроме того, налаживанию полноценного безбумажного документооборота в сфере ВЭД препятствует сохраняющийся скепсис государственных органов в отношении электронных документов, выливающийся в сохранение требований по предоставлению экспортёрами и импортёрами бумажной документации. Ярким примером такого консерватизма является сфера международных морских перевозок, где до сих пор не удалось до конца отладить систему электронных коносаментов. Тем не менее, несмотря на все трудности, автор доклада не склонна предаваться пессимизму. По ее мнению, при условии решения технических проблем и при наличии политической воли в 10–15-летней перспективе блокчайн сможет полностью изменить международную торговлю.

Другим инструментом трансформации мировой торговли выступает цифровизация финансовых услуг, позволяющая снизить стоимость перемещения денежных средств между субъектами хозяйствования, работающими в разных странах. Э. Ганн выделяет три направления применения блокчайна, способные революционизировать процесс трансграничных финансовых операций. Первое – система криптовалютных платежей, очень популярная в развивающихся странах (BitPesa в Кении, Bitso в Мексике, OkCoin в Китае, OkLink/Coinsensure в Индии, Remit.ug в Уганде). Второе направление предполагает использование блокчайна для предоставления пользователям услуг по дешевому, а иногда и вовсе бескомиссионному переводу фиатных денег. Третье позволяет финансовым институтам проводить платежи, не прибегая к использованию пока еще достаточно медлительных институтов традиционной финансовой системы. Скажем, если при использовании системы SWIFT процесс трансграничного перевода может занять от 3 до 5 рабочих дней, то платформа Ripple, работающая на основе технологии блокчайн, позволяет осуществить его за 3–6 секунд. Впрочем, крупные игроки финансового бизнеса также не остаются в стороне от новых технологий и экспериментируют с созданием сервисов, базирующихся на блокчайне. Достаточно отметить, что внедрением и разработкой подобных продуктов активно занимаются Visa, MasterCard и J.P. Morgan, рассматривающие блокчайн в качестве мощного источника сокращения издержек. Так, по некоторым данным, уже к 2022 г. благодаря блокчайну финансовые структуры смогут экономить до 15–20 млрд долл. США ежегодно.

Страховые компании, обслуживающие экспортёров и импортёров, тоже уделяют большое внимание блокчайну. Их интересует возможность использования этой технологии для автоматизации процесса обработки и проверки требований страховых возмещений. Она позволит сократить число заявок на выплаты от мошенников, обычно составляющие 5–10% всех обращений. Транспарентность и возможность отслежива-

ния движения товаров по всей цепочке поставки, отличающие блокчейн, выглядят привлекательной и для сектора электронной коммерции. Благодаря этим свойствам технологии блокчейн компаниям, работающим в данной сфере, гораздо легче бороться с трансграничным перемещением контрафактных товаров и другой незаконной деятельностью.

Заманчивые перспективы блокчейн сулит и в области охраны интеллектуальной собственности. Благодаря этой технологии особенно надежно можно защитить литературные, музыкальные и другие художественные произведения, созданные в цифровом виде. Более того, смарт-контракты, построенные на технологии блокчейн, дают возможность создателям цифрового контента автоматически получать роялти за созданные ими продукты. Производители «реальных» товаров также могут выиграть от использования технологии блокчейн в деле защиты своих интеллектуальных прав. Невозможность изменения информации, введенной в блокчейн, позволяет надежно зафиксировать первого заявителя патента или товарного знака и теоретически упростить предоставление соответствующих доказательств таможенным и иным правоприменительным органам. В отдаленной перспективе технология блокчейн должна стать основной для интеграции национальных и региональных патентных ведомств (в настоящее время их более 200) в единый всемирный цифровой реестр, что поможет преодолеть территориальный характер авторского права, тормозящий обмен плодами творческой деятельности между странами. Хотя Э. Ганн подчеркивает, что до создания подобного глобального репозитария еще далеко, но тем не менее считает проработку вопросов, связанных с влиянием блокчейна на систему защиты интеллектуальной собственности, как минимум заслуживающей внимания законодателей и правоведов.

Наконец, трудно переоценить значение технологии блокчейн в сфере государственных закупок, объем которых в глобальном масштабе превышает 9,5 трлн долл. США в год. Причем блокчейн призван здесь не только бороться с коррупцией, но и благодаря оптимизации системы приобретения товаров и услуг для нужд государства дать значимый макроэкономический эффект. Так, лишь 10% экономии средств на государственных закупках может не только превратить дефицитные бюджеты ряда стран ЕС в профицитные, но и сделать так, что в еврозоне не останется ни одного государства, не соответствующего Мaaстрихтским критериям дефицита госбюджета.

Тем не менее при всех своих достоинствах эффекты от технологии блокчейн едва ли удастся ощутить в полной мере, если они не будут подкреплены выработкой общих для всего мирового сообщества подходов к цифровизации всех сторон международной торговли – от торгового финансирования до логистики. К другим наиболее значимым вызовам и преградам на пути к масштабному внедрению блокчейна в сфере международной торговли относится вопрос энергоэффективности (особенно остро – в контексте биткоин), наведение «электронных мостов» и гармонизация подходов в основе создаваемых реестров, а также развитие правовой базы для всей экосистемы блокчейн, включая вопрос разграничения зон ответственности и оцифровки регуляторной и нормативной базы.

Инновации в основе блокчейна радикально отличаются от предшествующих технологических новаций, воздействовавших преимущественно на организацию производств и обмен информацией, тогда как блокчейн революционизирует транзакции. По степени потенциального воздействия блокчейн можно сравнить с Интернетом, который радикально изменил сферу обмена и передачи информации. Таким образом, блокчейн входит в список важнейших технологических новаций в основе глобализации и, как ожидается, сможет вывести ее на следующий уровень благодаря радикальному ускорению и упрощению международных транзакций, что также позволит включить

в процессы глобализации слабоинтернационализированный сектор малых и средних предприятий из развивающихся стран.

Однако блокчейн все-таки не панацея от накопившихся проблем в глобальной экономике. Использование блокчайна требует согласованности множества сторон, институций, а значит, доверия. Это требование высокой степени координации усилий вкупе с серьезными инвестициями в создание необходимой инфраструктуры, трансформацией существующих практик, культуры и регуляторной базы является главной преградой на пути широкого внедрения технологии блокчейн. Но уже сейчас нет сомнений, что технология блокчейн может сделать международные транзакции более «умными», то есть быстрыми, простыми, надежными и инклюзивными. Но «умная» система транзакций требует стандартизации процессов, регуляций и шире – создания экосистемы для блокчайна, а значит, широкой кооперации всех заинтересованных сторон как на национальном, так и международном уровне.

Blockchain and the Future of Global Trade (Review of the WTO Report “Can Blockchain revolutionize international trade?”¹⁾²

V. Maltseva, A. Maltsev

Vera Maltseva – PhD in International Economics, Research Fellow, Centre for Skills Development and Vocational Education, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; E-mail: maltsevava@gmail.com

Alexander Maltsev – PhD in Economics, Professor, Global Economy Department, Ural State University of Economics; 62 8 Marta Str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; Senior Researcher, The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Ural branch), 29 Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; Doctoral candidate, CRISEA University of Picardie Jules Verne; 10 Placette Lafleur BP 2716, 80027, Amiens, France; E-mail: almalzev@mail.ru

Abstract

The review covers the WTO report “Can Blockchain revolutionize international trade?” The report studies the multifaceted effects of Blockchain on international trade and its multiple applications. Digitalization of the cross-border transactions as the key effect would be particularly beneficial for the most paper-intensive processes, including trade finance, trade facilitation, trade in services, intellectual property and public procurement. The significant positive and transformative effect of Blockchain on international trade goes without saying, but the author warns against being too enthusiastic on the prospects of the full-size trade digitalization. As this requires enhanced trust between parties of the cross-border transactions, as well as international cooperation and joint efforts to build Blockchain ecosystems, and tackle legal and policy issues.

Key words: Blockchain; international trade; WTO; digitalization

For citation: Maltseva V., Maltsev A. (2019) Blockchain and the Future of Global Trade (Review of the WTO report “Can Blockchain revolutionize international trade?”). *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 191–198 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-11.

---

¹ Ganne E. (2018) Can Blockchain revolutionize international trade? Geneva: World Trade Organization.

² The editorial board received the article in August 2019.

The reported study was funded by Grant of the President of the Russian Federation for Young Scientists (Research Project № MD-59.2019.6)

Содержание журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» за 2019 г.

№ 1

Многосторонние институты в кризисе?

О.В. Бирюкова, А.В. Данильцев

Когда сотрудничество не складывается: глобальное управление цифровой торговлей 7

С.А. Бокерия

Взаимосвязь глобальной и региональной систем безопасности
(на примере ООН, ОДКБ и ШОС)..... 21

И.В. Андронова, А.В. Шелепов

Возможности усиления влияния НБР и АБИИ в глобальной финансовой системе 39

Е.Ю. Трещенков

Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского союза
и международных организаций 55

О.И. Пименова

Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе:
сравнительный анализ 76

О.К. Петрович-Белкин, А.А. Еремин, С.А. Бокерия

Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве:
чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? 94

В.А. Демчук

Динамика страхового рынка Канады в условиях НАФТА..... 113

Бизнес в новых реалиях

Н.М. Иванова, С.Н. Лавров

Влияние антироссийских санкций США на зарубежную экспансию
крупнейших российских нефтегазовых ТНК ПАО «Лукойл» и ПАО «Роснефть»
(инвестиционная стратегия крупнейших российских компаний нефтегазового сектора
в условиях ужесточения санкционных ограничений) 126

Сотрудничество для развития

М.В. Ларионова

СССР в системе сотрудничества в целях развития под эгидой ООН..... 145

А.А. Игнатов, С.В. Михневич, И.М. Попова, Е.А. Сафонкина, А.Г. Сахаров, А.В. Шелепов

Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии
устойчивого развития..... 164

А.Г. Сахаров, О.И. Колмар

Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России 189

Т.А. Ланьшина, В.А. Баринова, А.Д. Логинова, Е.П. Лавровский, И.В. Понедельник

Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития
в странах – лидерах в данной сфере..... 207

Экспертное мнение

С.Н. Бобылев, А.А. Горячева

Идентификация и оценка экосистемных услуг: международный контекст 225

№ 2*Дж. Лакхерст*

«Группа двадцати» как хаб децентрализации влияния в глобальном управлении 7

Дж. Киртон

Будущее «Группы двадцати» 35

*М.Ф. Мотала*Вклад «Группы двадцати» и ОЭСР в новое глобальное управление
в сфере налогообложения ..... 61*Дж. Киртон, А. Николаева*Причины исполнения обязательств «Группы двадцати»: институционализация,
доминирование, принцип взаимности или клубный принцип ..... 94*Ш. Гуо, Х. Чжан, В. Ши*

Изменение и развитие повестки будущих председательств БРИКС 126

*Ц. Чжу*Ориентация на заемщиков или доноров? Сравнение Нового банка развития БРИКС
и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций ..... 150*С.В. Богданов*

Проблемы формирования стратегического нарратива БРИКС 173

*С.-Ч. Пак*Торговый протекционизм как ахиллесова пята международного
сотрудничества и соглашение о свободной торговле ЕС – Япония
как мера по борьбе с ним ..... 191*Л.В. Захарова*

Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР 223

*Э.П. Джагитян*Перспективы и риски формирования институциональной структуры
банковского регулирования в ЕАЭС ..... 245*Л. Джан, С. Чен*

Цифровая экономика Китая: возможности и риски 275

Экспертное мнение*А.П. Портанский*

Императив реформирования ВТО в эпоху роста протекционизма и торговых войн 304

Обзоры и рецензии*А.А. Мальцев, Д.А. Чупина*Упрощение торговых процедур: вклад в развитие международной торговли
и глобальной экономики (обзор доклада ОЭСР «Упрощение процедур торговли
и мировая экономика») ..... 319**№ 3***А.В. Кортунов*

Вступительное слово приглашенного редактора 7

И.Н. Тимофеев

Политика санкций: однополярный или многополярный мир? 9

Х. Кёхлер

Санкции и международное право 27

*С.А. Афонцев*Санкции и международные институты:
перспективы снижения санкционных рисков для России 48

<i>Д.Д. Дарси, А.Н. Сталберг</i>	
Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание»	69
<i>Е.В. Махмутова</i>	
Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз	99
<i>А.В. Куприянов</i>	
Сотрудничество России и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях санкций	117
<i>Б.И. Ананьев</i>	
Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации	136
Обзоры и рецензии	
<i>В.А. Морозов</i>	
Политика санкций: обзор публикаций Российской совета по международным делам	151
№ 4	
<i>Д.Дж. Сноуэр</i>	
На пути к изменению глобальной парадигмы: как преодолеть кризис либерального миропорядка	7
<i>М. Ревизорский</i>	
Как избежать «мировой скорби»: глобальное управление и двойной вызов будущему многосторонности	28
<i>М.В. Ларионова, А.В. Шелепов</i>	
«Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении	48
<i>И.М. Попова</i>	
Восприятие международным академическим сообществом роли БРИКС в системе институтов глобального управления	72
<i>А. Мухомадхъай</i>	
Изменения в международной торговле в условиях нестабильного миропорядка	89
<i>И.В. Андронова, А.Г. Сахаров</i>	
Вклад «Группы двадцати» в реализацию торговых задач в рамках Целей устойчивого развития	112
<i>А. Муратбекова</i>	
Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше?	138
Экспертное мнение	
<i>М.А. Конаровский</i>	
ШОС и БРИКС: возможности и перспективы сопряжения	161
<i>Т.А. Мешкова, В.С. Изотов, О.В. Демидкина</i>	
Возможности использования стандартов и лучших практик ОЭСР в евразийской экономической интеграции	172
Обзоры и рецензии	
<i>А.Г. Сахаров</i>	
Обзор рабочего документа ОЭСР «Измерение влияния бизнеса на благосостояние и устойчивость: обзор существующих систем и инициатив»	187
<i>В.А. Мальцева, А.А. Мальцев</i>	
Блокчейн и будущее международной торговли (Обзор доклада «Может ли блокчейн революционизировать мировую торговлю?»)	191

Content of the International Organisations Research Journal (2019)

No 1

Multilateral Institutions under Stress?

A. Daniltsev, O. Biryukova

When Cooperation Fails: the Global Governance of Digital Trade 7

S. Bokeriya

The Interconnection of Global and Regional Security Systems:
the Case of the United Nations, the Collective Security Treaty Organization
and the Shanghai Cooperation Organisation 21

I. Andronova, A. Shelepow

Potential for Strengthening the NDB's and AIIB's Role in the Global Financial System 39

E. Treshchenkov

Resilience in Discourses of the European Union and International Organizations 55

O. Pimenova

Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union:
Comparative Analysis 76

O. Petrovich-Belkin, A. Yeryomin, S. Bokeriya

The Problem of Russia's Declining Influence in the Former Soviet Union:
Why Are the CIS Countries Drifting Toward Multilateralism? 94

V. Demchuk

The Dynamics of the Canadian Insurance Market under NAFTA 113

Business as Usual?

N. Ivanova, S. Lavrov

The Impact of Anti-Russian Sanctions Introduced by the U.S. on the Foreign Investment Activity
of Russian Oil and Gas TNCs: the Lukoil and Rosneft Investment Strategy of Russian Oil
and Gas TNCs During the Sanctions Period 126

Cooperation for Development

M. Larionova

The Soviet Union in the United Nations Development System 145

A. Ignatov, S. Mikhnevich, I. Popova, E. Safonkina, A. Sakharov, A. Shelepow

Leading Donors' Approaches to SDGs Implementation 164

A. Sakharov, O. Kolmar

Prospects of Implementation of the UN SDG in Russia 189

T. Lanshina, V. Barinova, A. Loginova, E. Lavrovsky, I. Ponedelnik

Localizing and Achieving the Sustainable Development Goals at the National Level:
Cases of Leadership 207

Expert opinion

S. Bobylev, A. Goryacheva

Identification and Assessment of Ecosystem Services: the International Context 225

No 2

<i>J. Luckhurst</i>	
The G20 Hub of Decentralizing Global Governance Authority	7
<i>J. Kirton</i>	
The G20's Future	35
<i>M.F. Motala</i>	
The G20-OECD Contribution to a New Global Tax Governance.....	61
<i>J. Kirton, A. Nikolaeva</i>	
Causes of G20 Compliance: Institutionalization, Hegemony, Reciprocity or Clubs.....	94
<i>Sh. Guo, H. Zhang, W. Shi</i>	
Changes and Developments in the BRICS Agenda for Future Presidencies.....	126
<i>J. Zhu</i>	
Borrowing Country-Oriented or Donor Country-Oriented? Comparing the BRICS New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank	150
<i>S. Bogdanov</i>	
Issues in the Development of the BRICS' Strategic Narrative.....	173
<i>S.-C. Park</i>	
Trade Protectionism as the Achilles Heel of International Cooperation and Countermeasures Focused on the EU – Japan FTA.....	191
<i>L. Zakharova</i>	
The Influence of UN Security Council Sanctions on the North Korean Economy.....	223
<i>E. Dzhagityan</i>	
Shaping the EAEU's Institutional Framework for Banking Regulation: Perspectives and Risks	245
<i>L. Zhang, S. Chen</i>	
China's Digital Economy: Opportunities and Risks.....	275
Expert Opinion	
<i>A. Portanskiy</i>	
The Imperative of WTO Reform in an Era of Rising Protectionism and Trade Wars.....	304
Articles and Book Reviews	
<i>A. Maltsev, D. Chupina</i>	
Trade Facilitation: Contribution to Development of the International Trade and the Global Economy (Review of OECD Report “Trade Facilitation and the Global Economy”).....	319

No 3

<i>A. Kortunov</i>	
Opening Remarks by the Guest Editor	7
<i>I. Timofeev</i>	
Sanctions' Policy: Unipolar or Multipolar World?	9
<i>H. Kochler</i>	
Sanctions and International Law.....	27
<i>S. Afontsev</i>	
Sanctions and International Institutions: How to Reduce Sanction Risks for Russia?.....	48

<i>J. Darsey, A.N. Stulberg</i>	
Deaf Ears and the U.S. – EU – Russia Sanctions Tangle: Contending Strategic Discourses and Mutual Emboldenment	69
<i>E. Makhmutova</i>	
Sanctions Against Russia and Their Impact on the Eurasian Economic Union	99
<i>A. Kupriianov</i>	
Russian and Indian Cooperation in the Indo-Pacific Region in the Context of Sanctions.....	117
<i>B. Ananyev</i>	
Sanctions in IR: Understanding, Defining, Studying.....	136
Articles and Book Reviews	
<i>V. Morozov</i>	
Sanctions Policy: A Review of the Russian International Affairs Council's Publications	151
No 4	
<i>D.J. Snower</i>	
Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order	7
<i>M. Rewizorski</i>	
Running away from Weltschmerz: Global Governance and a Double Challenge for the Future of Multilateralism	28
<i>M. Larianova, A. Shelepow</i>	
The G7 and BRICS in the G20 Economic Governance	48
<i>I. Popova</i>	
International Academic Community's Perception of the BRICS Role in the System of Global Governance Institutions	72
<i>A. Mukhopadhyay</i>	
Shifting Trade Matrix in Turbulent World Order.....	89
<i>I. Andronova, A. Sakharov</i>	
G20 Contribution to the Trade-Related SDGs Implementation	112
<i>A. Muratbekova</i>	
Exploring the Shanghai Cooperation Organisation's Identity Crisis: What is Next?	138
Expert Opinion	
<i>M. Konarovskiy</i>	
SCO and BRICS Connectivity: Possibilities and Prospects.....	161
<i>T. Meshkova, V. Izotov, O. Demidkina</i>	
Applying OECD Standards and Best Practices in Eurasian Economic Integration.....	172
Articles and Book Reviews	
<i>A. Sakharov</i>	
Review of OECD Working Paper “Measuring the Impact of Businesses on People’s Well-Being and Sustainability: Taking Stock of Existing Frameworks and Initiatives”	187
<i>V. Maltseva, A. Maltsev</i>	
Blockchain and the Future of Global Trade (Review of the WTO Report “Can Blockchain revolutionize international trade?”)	191

К сведению авторов

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» НИУ ВШЭ приглашает к сотрудничеству авторов.

Наше издание открыто для экспертных организаций и исследовательских институтов, в том числе вузов, занимающихся изучением вопросов деятельности международных институтов; развития образования, науки и инноваций в национальном и международном контексте. В числе наших авторов мы будем рады видеть ученых и экспертов в сфере международных отношений и глобального управления; содействия развитию; международного сотрудничества по различным сферам социально-экономической политики. Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей и экспертов зарубежных университетов, экспертных институтов и международных организаций и рады возможности познакомить российского читателя с результатами оригинальных исследований зарубежных авторов. Журнал принимает для рассмотрения результаты исследований и публикации учащихся аспирантур российских университетов, вузов стран СНГ, университетов дальнего зарубежья. Аудитория журнала в настоящее время представлена руководителями и специалистами научно-исследовательских организаций, федеральных министерств и ведомств, экспертным и академическим сообществом России, стран СНГ, дальнего зарубежья.

Мы будем рады видеть вас среди наших авторов!

Обращаем внимание:

- Все материалы публикуются бесплатно. Основными требованиями к материалу является его соответствие тематике издания, научность и соблюдение требований к оформлению рукописей.
- Требования к оформлению рукописей сформированы на основании текущих российских требований и **требований международной библиометрической базы Scopus** к оформлению научных публикаций.
- Российские требования и требования международной библиометрической базы Scopus к рукописям размещены на странице журнала по адресу <http://iorj.hse.ru/authors>. **Несоответствие рукописей всем требованиям является одним из оснований для отказа в публикации статьи в журнале.**
- Перед публикацией все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования.
- На основании полученного экспертного заключения материалы публикуются, возвращаются авторам на доработку или не допускаются к изданию. Редакция своевременно уведомляет автора в случае отказа в публикации.
- С авторами опубликованных материалов заключается **лицензионный договор**, согласно которому изданию передаются неисключительные права на публикацию материала.
- Все рукописи передаются в редакцию журнала по электронной почте по адресу iorj@hse.ru.

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» информирует о продолжении своей работы по изданию научного периодического журнала в 2020 г.

Доводим до вашего сведения, что в 2020 г. запланирован выпуск четырех номеров журнала.

Обращаем ваше внимание, что «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» распространяется по России и другим странам СНГ через каталог Агентства «РОСПЕЧАТЬ». Оформить подписку можно в любом отделении почтовой связи. **Подписной индекс издания 20054.**

По всем вопросам Вы можете обращаться в редакцию журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» по телефону +7(495) 772-95-90 доб. 23147 или по адресу iorj@hse.ru

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Формат 60×88 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Уч.-изд. 18,7. Тираж 500 экз. Заказ .

Адрес редакции
Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, оф. 417
Телефоны: +7 (495) 772-95-90 *23147 и *23149
E-mail: iorj@hse.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6